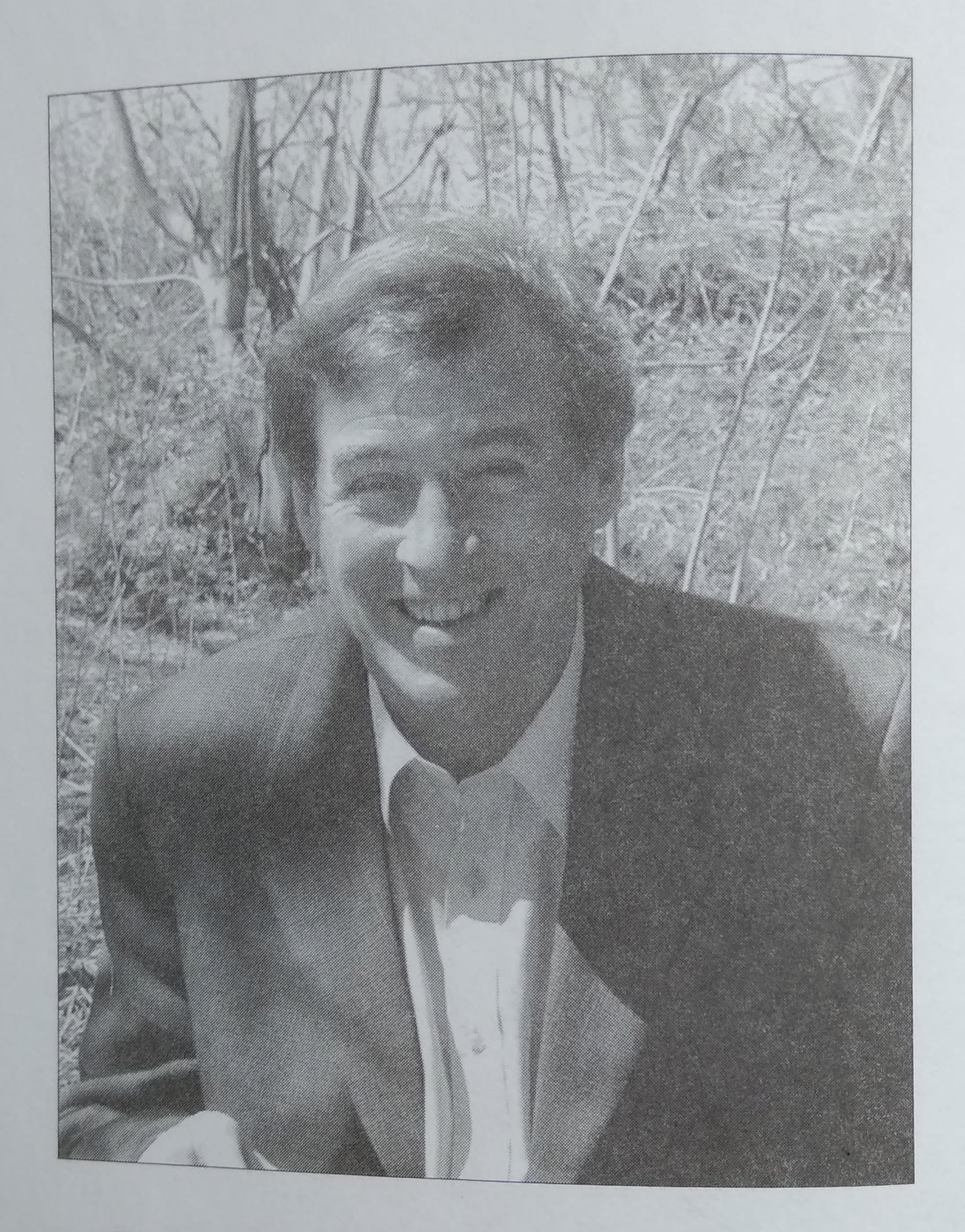
Валерия Исаева

МОЙ РЕКВИЕМ

Владимиру Касьянову

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дальневосточное отделение
Институт биологии моря

Прощай. Поезда не приходят отттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда...

П. Антокольский

Валерия Исаева

МОЙ РЕКВИЕМ

Владимиру Касьянову

Владивосток
Дальнаука
2007

ББК 24г

Валери Исаева. **Мой реквием Владимиру Кась нову.** – Владивосток : Дальнаука, 2007. – 200 с. : ил. ; цв. вкл.

ISBN 978-5-8044-0800-9

Детство и школа

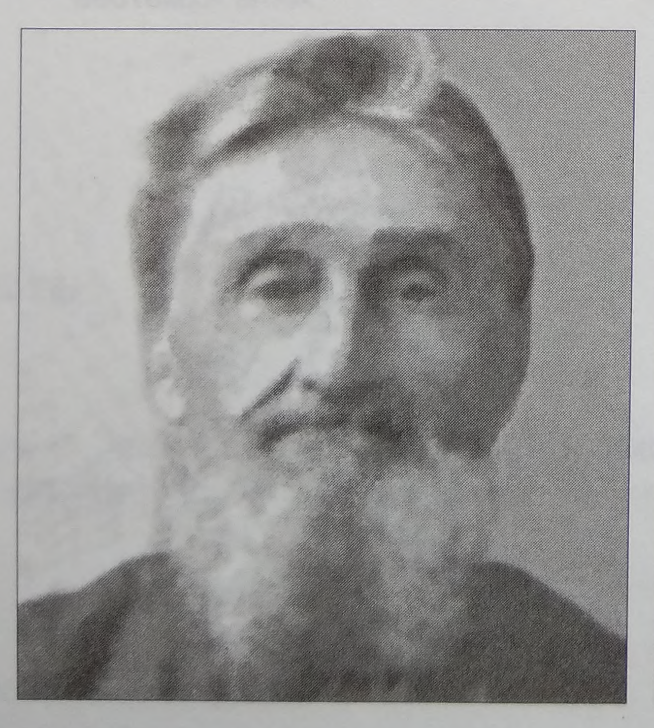
Жил-был когда-то мальчик...
И был город. Самый красивый
город на свете...
Иосиф Бродский

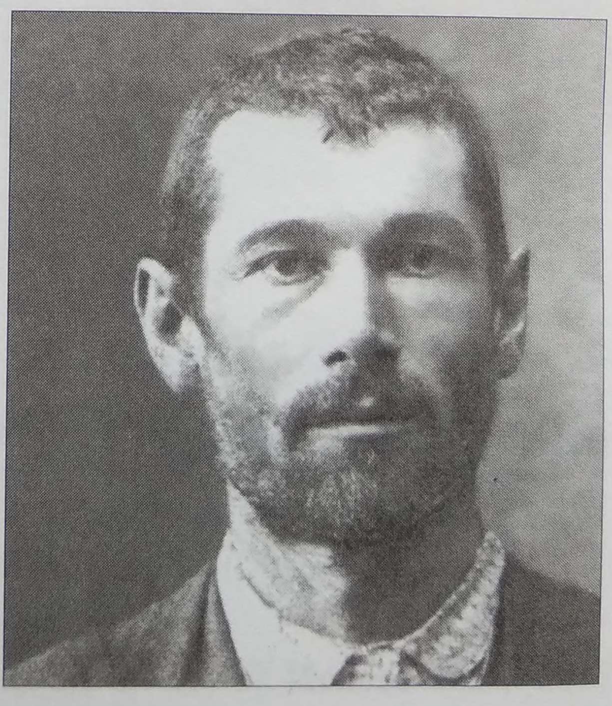
Гранитный город славы и беды...
Анна Ахматова

Володя родился 4 января 1940 года в Ленинграде, в семье радиоинженера, морского офицера, капитана первого ранга, служившего в Ленинградской морской академии, Леонида Павловича Касьянова и Зинаиды Марковны Касьяновой (Златы Мееровны Дынкиной). Они были родом из Гомельской области Белоруссии, в молодости уехали оттуда для самостоятельной жизни и работы, встретились, поженились и вскоре оказались в Ленинграде.

Леонид Павлович родился в 1904 году в селе Глушец. Еще недавно в этом селе на Днепре жили родственники Володи по отцовской линии. Их исходная фамилия – Касьян. На Гомельщине и сегодня живет Петя Касьян, племянник Володи. Русифицированная фамилия Касьянов появилась у Леонида Павловича. Дед Павел был рыбаком, в старости жил в семье сына в Ленинграде и даже там, как рассказывал Володя, продолжал привычное дело и вязал рыбацкие сети, которые еще долго оставались на антресолях квартиры.

Володина мама родилась в 1908 году в селе Самотевичи. Названия этих белорусских сел я не раз слышала от Володи, для него память о родительских и дедовских корнях была очень важна. Уже после Чернобыльской катастрофы Володя навестил в Глушце престарелую родственницу тетю Ксеню. Фотографии дедов по материнской и отцовской линии, разного облика и явно разного темперамента, Володя держал на виду в своей комнате во Владивостоке. Судя по этим портретам и рассказам Володи, дед Павел

Володины деды (слева – дед Павел)

Семья Касьяновых (1940)

В Самарканде (1942, 1944)

В Ленинграде (1944)

воплощал терпение, трудолюбие, кротость, дед Меер – живость, ум, энергию, предприимчивость. Сплав всех этих качеств, несомненно, унаследовал Володя.

Уже в Ленинграде Леонид Павлович получил специальность, связанную с радио- и электронной техникой, Зинаида Марковна – диплом врача. В 1932 году у них родилась девочка Мария, через 8 лет – Володя. Мария, которую в семье звали Маритой, была похожа на маму, а Володя – на отца.

С началом Великой Отечественной войны мать с детьми эвакуировалась в Самарканд, куда они добирались долго и трудно. В дороге Володя заболел коклюшем и, по рассказам мамы, надрывался от кашля. Первые воспоминания о детстве у Володи были связаны с Самаркандом: сухая летняя жара, нехватка хлеба и другой привычной еды. Зато соседи-узбеки щедро угощали помидорами, абрикосами. С тех пор он всегда любил жаркое солнечное лето, помидоры, абрикосы и персики. Смутно помнил сказочные мечети Самарканда. О детских годах и в Самарканде, и в Ленинграде всегда рассказывал как о прекрасной поре. Уже тогда, думаю, сформировалась его солнечная натура.

В Ленинград семья вернулась в 1944 году.

Семья Касьяновых (1951)

Конечно, Володя знал, что идет война. Он слушал радиопередачи и помечал флажками города, взятые нашими войсками. Так рано проявился ставший позднее постоянным его интерес к истории, географии и событиям в мире. Он запомнил развалины домов Ленинграда, где играл со сверстниками, как и я помню разрушенные дома и развороченные бомбами позиции зениток на берегу Кронверки, недалеко от Петропавловской крепости. По ленинградским улицам еще ездили американские машины – студебекеры и виллисы, полученные по ленд-лизу на время войны. Мы знали казавшийся тогда райским вкус американских консервов: сгущенки, апельсинового джема, тушенки и колбасы в банках. Как и Володя, в 1946 году я постоянно видела пленных немецких солдат, носила им хлеб. Военнопленные занимались восстановлением разрушенных бомбежками и артобстрелами домов. В Ленинграде тогда было много послушных, добрых и мощных лошадей «нерусского» вида. Они перевозили грузы в телегах, цокая подковами по булыжнику; потом лошади исчезли, не стало и замощенных булыжником улочек.

Подрастающий Володя хотел стать морским офицером, как и его отец. Ему сшили мундирчик, он надевал морскую фуражку и так фотографировался – с большей, думаю, гордостью, чем потом в академической мантии.

Семья Касьяновых жила сначала в доме на набережной Невы, недалеко от Нахимовского училища и места стоянки крейсера «Аврора» – этот дом Володя показал мне во время наших блужданий по городу еще на первом курсе университета. Вскоре Леонид Павлович получил квартиру в доме 46 на 13-й линии Васильевского острова. Поблизости располагалась школа, некогда гимназия Карла Ивановича Мая (1824–1895), выпускника историко-филологического факультета Петербургского университета. «Майская школа», основанная им в 1856 году как частная гимназия, помещалась сначала на 1-й линии, затем на 10-й, а в 1910 году переехала в новое, специально для нее построенное на 14-й линии архитектором Германом Гриммом здание в стиле модерн.

Гимназия славна своими прекрасными традициями классического образования и выпускниками, среди которых, в разное время, были люди из семей Рерихов, Бенуа, Римских-Корсаковых, Семеновых-Тян-Шанских, будущие академики Д.С. Лихачев и основатель отечественной сравнительной гистологии А.А. Заварзин, другие известные художники, писатели, ученые. Об этой школе

и ее «майских жуках» опубликованы две книги, первую из них Володя успел получить. Теперь и Владимир Касьянов включен в анналы именитых выпускников гимназии Мая. В послевоенное время раздельного обучения эта мужская школа была заполнена мальчишками отнюдь не образцового поведения. На их характеры повлияли голодные блокадные годы, когда у многих умерли близкие, у большинства погибли на фронте отцы. Такие дети, недоедавшие и после войны, не могли хорошо учиться. Володя занимался с отстающими одноклассниками, помогая им делать уроки, – тогда это было общепринято. Я тоже помню бледных худых девочек из своей школы на Петроградской стороне. С одной из них, жившей с мамой в темной сырой комнатке коммунальной квартиры в полуподвале, я тоже занималась. В каждой комнате ленинградских коммуналок, в которые превратились прежние семейные квартиры, обычно жила целая семья. Некоторые квартиры были огромными, в них жили по 10–12 и больше семей, но чаще комнат и семей было 5–8 (бывшие квартиры семей среднего класса). В те годы коммунальные квартиры появились даже в некоторых дворцах. Помню удивительную комнатку знакомой семьи на набережной Невы: поднимаешься по широкой беломраморной лестнице прекрасного особняка, попадаешь в полутемный лабиринт – перекроенный вестибюль, а затем в комнатку, высота которой превышала ее ширину и даже длину; на потолке небольшой фрагмент роскошной лепнины; через отгороженную часть огромного окна открывался вид на Неву. Это дворцовое здание казалось нарезанным на махонькие кусочки тортом. Одна моя одноклассница жила в Петропавловской крепости – там их семье досталась комната в бывшем служебном доме.

Володя в морской форме

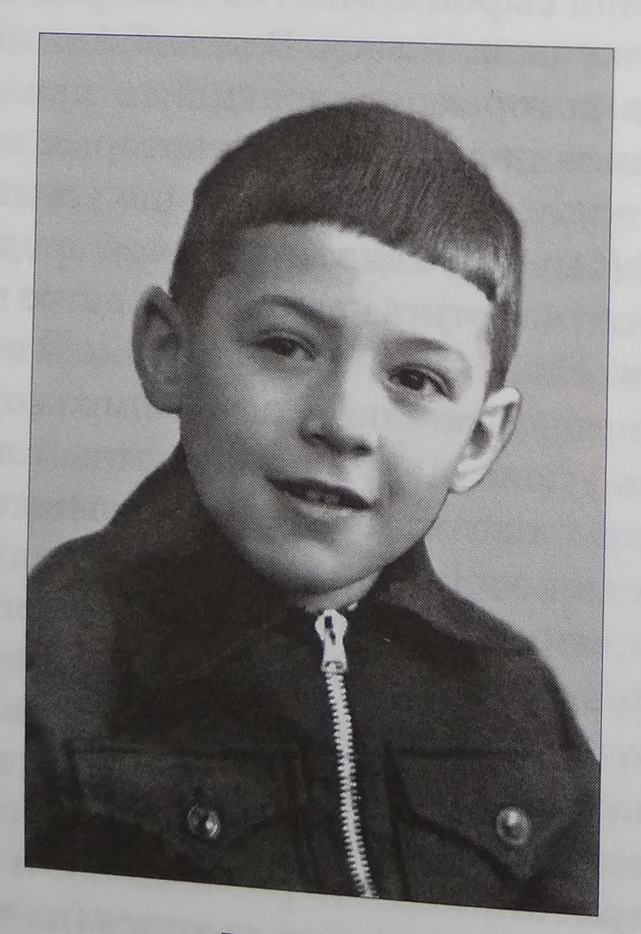
Мы играли во дворах в прятки, казаки-разбойники и другие игры того времени, мальчишки, бывало, и дрались (да и мне

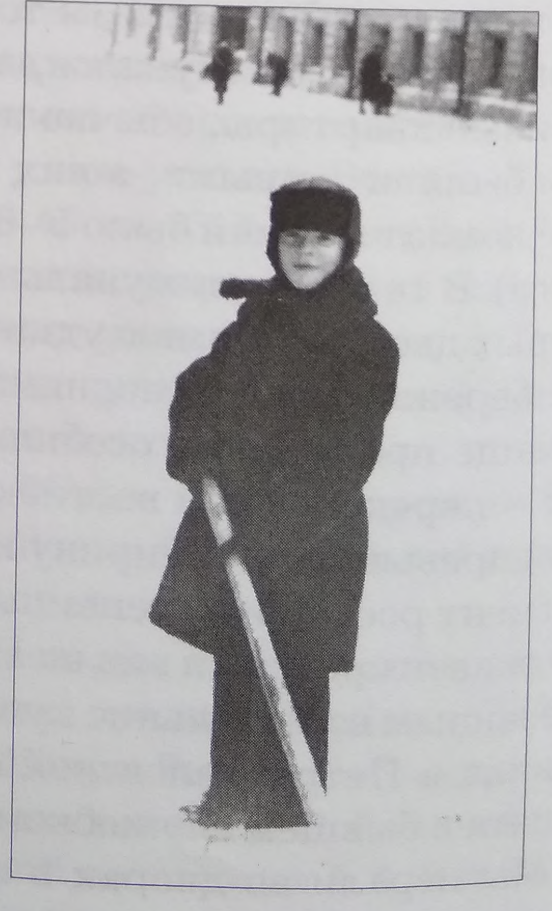
приходилось). Нравы не были нежными. Володе доставалось иногда от ребят своего двора, но куда опаснее были ребята из чужих дворов и тем более из других районов, они просто считали своим долгом побить чужака, неосторожно оказавшегося на их территории.

Домой к Касьяновым приходила учительница музыки, обучала Володю игре на фортепьяно. Для него «Детский альбом» Чайковского, «К Элизе» Бетховена, пьесы Шуберта были родной детской музыкой. Он много читал, и не только детские книжки: всегда любил читать энциклопедии, справочники, словари – его будущая энциклопедичность была органичной. Любил рассматривать географические карты, а карта Советского Союза была прикреплена над его кроватью.

Зимой в Ленинграде всегда было много снега, Володя охотно помогал дворникам убирать его широкой лопатой-скребком.

Честность была привита ему с ранних лет. Он рассказывал нам с Колей, как однажды нашел на улице 3 рубля – вполне приличные в то время деньги, особенно для ребенка, и отнес их в милицию. Там удивились, но взяли. Володя устраивал семейные собрания в тех случаях, когда считал нужным обсудить нечто важное, писал «повестки» с указанием времени собрания и рассматриваемого вопроса и раздавал отцу, маме и сестре. Все собирались, вели серьезный

Володя – третьеклассник; уборка снега у дома

разговор и принимали решение. В сущности, это был тренинг будущего организатора и администратора.

Разговоры на семейные темы не были пустяковой игрой. У мамы сила духа сочеталась с болезненностью, но настоящая трагедия постигла семью, когда Марита, красивая, живая и общительная девушка, заболела волчанкой и, несмотря на все усилия семьи и врачей, умерла, ей было 23 года. Это произошло в 1956 году, Володя еще не закончил школу.

Болезнь и смерть Мариты стали страшным ударом для семьи и окончательно подкосили здоровье Зинаиды Марковны. Володе приходилось много ухаживать за мамой. Леонид Павлович ушел в отставку, чтобы заботиться о жене.

Но школу надо было заканчивать, и весной 1957 года Володя получил аттестат и серебряную медаль. В день выпуска одноклассники фотографировались у василеостровской школы № 5, той самой бывшей гимназии Карла Мая. Школы уже перевели на совместное обучение, но в прежних мужских школах еще преобладали мальчики, а в женских – девочки. Потому на выпускных Володиных фотографиях больше мальчиков.

Когда я впервые увидела Володю в университете, он был таким, как на этих фотографиях 1957 года. После лекций он обычно

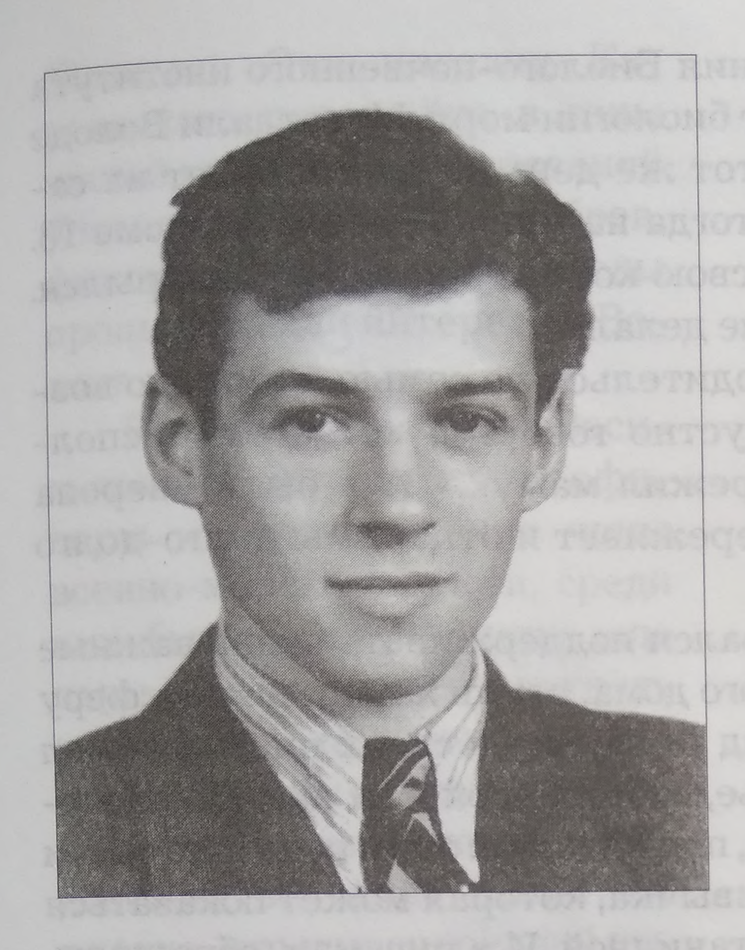
Марита и Володя

спешил домой, к больной матери. Раза два во время семейных праздников я оказывалась в гостях у Касьяновых, Зинаида Марковна была со мной очень приветлива. Она умерла после инфаркта и инсульта в 1965 году, Володя заканчивал аспирантуру. Ему было тогда очень трудно. Когда мы с Володей стали жить семьей во Владивостоке, Леонид Павлович подарил мне обручальное кольцо Зинаиды Марковны, и я постоянно носила его. (В конце сентября 2005 года оно мистически кануло в море, незаметно соскользнув с пальца во время работы с морскими животными.) Мы, по нашему общему согласию, пренебрегли обычаем и не завели собственных колец.

Леонид Павлович очень интересовался научной и административной работой сына, при встрече и в письмах подробно расспрашивал его. Володя даже выписывал в Ленинград по просьбе отца газету «Дальневосточный ученый», чтобы Леонид Павлович мог больше узнавать о жизни тогда еще Дальневосточного научного центра. Леонид Павлович, как и сын, всегда был добрым, веселым, шутил даже во время своей последней болезни. Он умер после инсульта в декабре 1980 года. Я помню, как принесли нам телеграмму, как мы с Колей пошли разыскивать Володю, который вместе с другими сотрудниками занимался уборкой хозяйственных

Со школьным другом Женей Беловым и одноклассницами

Володя – выпускник школы № 5 (гимназии К.И. Мая)

С одноклассниками

помещений неподалеку от здания Биолого-почвенного института – в нем ютился тогда Институт биологии моря. Мы отдали Володе эту страшную телеграмму. В тот же день он купил билет на самолет в Ленинград. Мы жили тогда на улице Чкалова, в доме 18. Коля помнит, как отец ушел в свою комнату-кабинет и закрылся. Ни раньше, ни позже он этого не делал.

Володя часто вспоминал родительскую семью, помнил о возрасте умерших близких и грустно говорил, когда ему исполнилось 57 лет: «Вот я уже пережил маму...» А я была уверена и говорила ему о том, что он переживет и отца и мы долго-долго будем вместе...

В нашей семье Володя старался поддерживать очень важные для него традиции родительского дома, стиль жизни и атмосферу своего детства и юности. Леонид Павлович в своих письмах имел обыкновение, обращаясь к семье, собственной или нашей с Володей, писать Вы с большой буквы, подчеркивая этим ценность семьи в его глазах. Для Володи эта привычка, которая может показаться странной, была удивительно органичной. И в письмах, обращаясь ко мне и Коле, и в отчетах, написанных «для себя», для устного доклада и не предназначавшихся для опубликования, обращаясь к сотрудникам, он всегда писал Вы с большой буквы, как и слово Институт.

В детстве и молодости глаза у Володи были темно-карими, после 60 лет посветлели и стали золотистыми, а золотым человеком, наивным идеалистом он был всегда. Он рассказывал, как отец, мягкий и добрый, все же не выдерживал и бранился, когда в ванной во время купания вместо горячей воды начинала литься холодная. Володя же в таких случаях думал: «Может быть, кочегару плохо стало» (тогда кочегарки были при каждом доме).

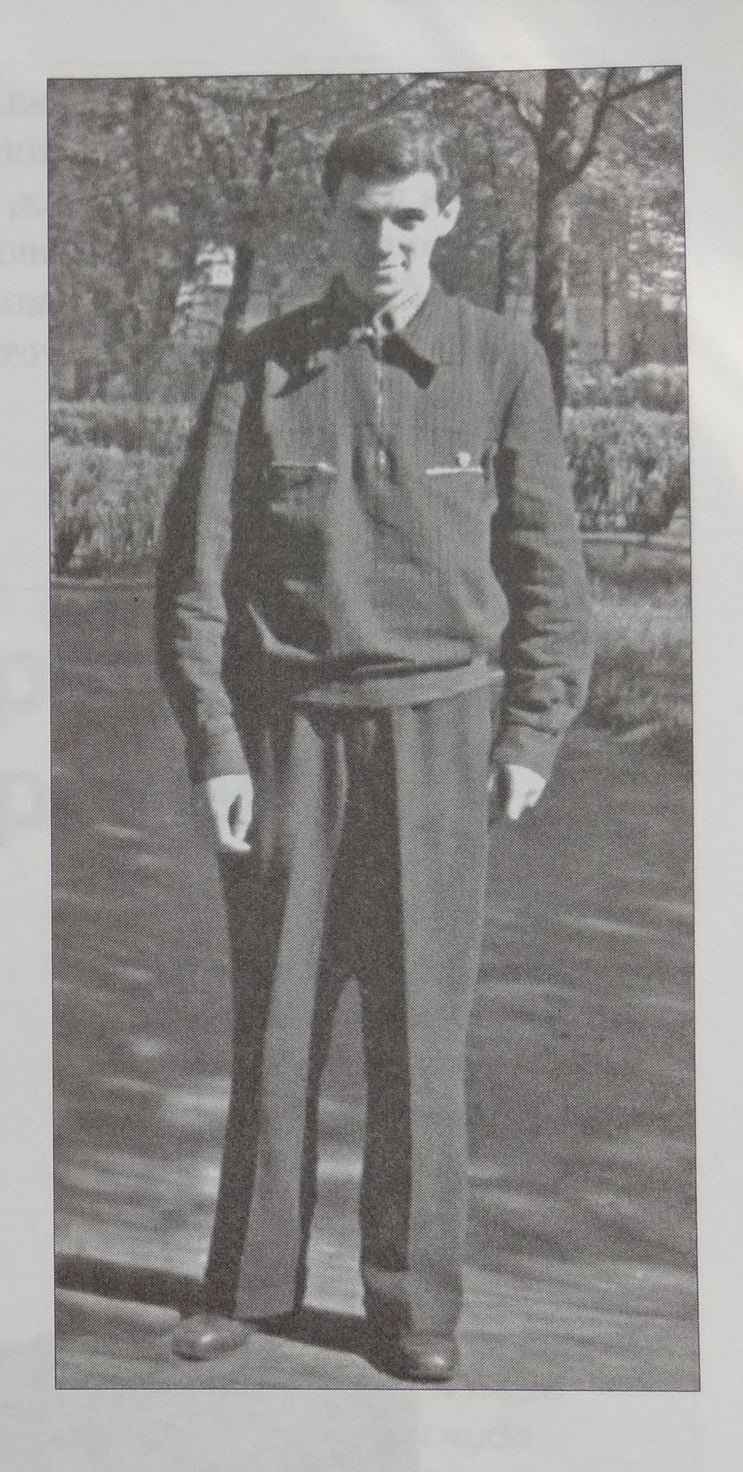
Все наше сознательное детство и юность прошли в Ленинграде. Строгая классическая красота города определила какие-то эстетические и этические координаты нашей жизни. Это было «обучающее пространство», как говорят искусствоведы.

Как клен и рябина растут у порога,
Росли у порога Растрелли и Росси...

Александр Кушнер

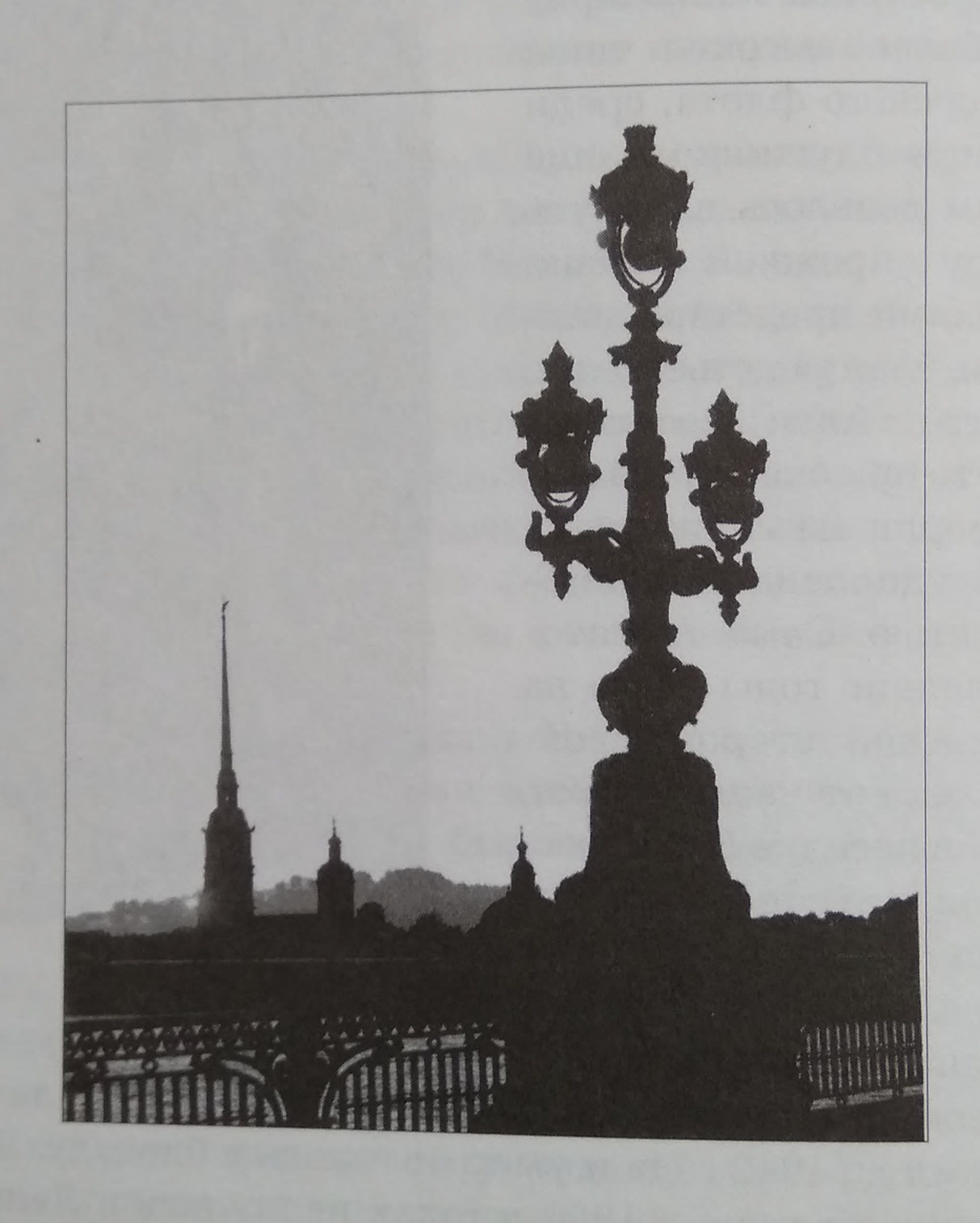
Когда мы учились в школе, наши семьи летом жили «на даче»: семья Касьяновых обычно снимала две комнаты в районе Удельной и Разлива, позже в Зеленогорске (Териоки), а мы жили в Репино (Куоккала), Комарово (Келомякки), Солнечном

(Оллила). Эти поселки Карельского перешейка в годы нашей юности были недавней Финляндией и местами боев, финские названия и следы прошлого были интересны Володе и мне.

В доме на 13-й линии Васильевского острова жили офицеры и более высокие чины военно-морского флота, среди них были и служившие еще царю. Нам довелось вдохнуть атмосферу прежней жизни с ее высокими представлениями о чести, благородстве, долге, достоинстве. Анна Ахматова писала, что при очередной высылке дворян из Ленинграда она была удивлена их многочисленностью. Сама Ахматова в последние годы жила на Петроградской стороне, совсем недалеко от нашего дома, а летом – в поселке Комарово, как и моя родительская семья. Меня даже пару раз звали пойти к ней, но я полагала такой визит бесцеремонным. Как жаль теперь! Мой дедушка был дворянином, его не раз увольняли с работы, высылали из города, но он дожил до 1942 года и умер от голода в блокаду. Высланные и выжившие дворяне в 1960-х годах вернулись в Ленинград. Да и помимо явных носителей этого звания было немало людей того же образа мыслей, поведения, уровня образованности. Я помню красивых седеющих дам благородного облика, в устах которых слова «некрасивый поступок», «неприличный поступок» были почти предельным выражением осуждения. Однако прежняя атмосфера постепенно неуловимо изменялась и исчезала, и время от времени вспоминались слова Фаины Раневской: «Я такая старая, что еще помню порядочных людей».

Володя всегда руководствовался высокими мерками и сам был эталоном благородства, скромного, лишенного вызова и самоуверенности. Он никого не предавал, даже тех, кто предавал его. Одно из правил его поведения – не говорить в отсутствие человека того, чего не смог бы сказать ему самому. Он почти никогда не говорил высоких слов, не переносил пустого пафоса, был прост и терпим к мнению других.

Ленинградский университет

На земном шаре,
Под одним небом,
Мы с тобой жили,
Где в лучах солнца
Облака плыли
И дожди лили...

Николай Асеев

Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо...

Анна Ахматова

Володя поступил на биофак ЛГУ, думая заняться исследованием фотосинтеза. В его внимании к фотосинтезу как процессу, обеспечивающему жизнь на Земле, проявилось характерное для него сочетание широты интересов и желания принести пользу. Он не был юннатом в школьные годы (я была), его интересы лежали скорее в области гуманитарных наук и медицины. Медиком он думал стать по примеру матери, и желание избавлять людей от мучительных летальных болезней усилилось после смерти сестры.

Я, увидев Володю в первый же день учебы, осенью 1957 года, в большой лекционной аудитории 133, сразу выделила его среди первокурсников биофака – остальных я тогда просто не запомнила. Мы оба поступили в университет сразу после окончания школы. Нам было по 17 лет. Володя был худой, с бледным, живым, умным и добрым, даже кротким лицом, сохранившим детские веснушки. Худоба и бледность, как я позже поняла, в значительной мере были следствием переживаний, вызванных недавней смертью сестры и усилившейся болезнью матери. Фотографии Володи-десятиклассника хорошо передают это впечатление от его внешнего облика. Мы оказались в одной группе, где он, разумеется, был выбран старостой.

На первом же курсе на нас произвели впечатление яркие лекции Бориса Петровича Токина по общей биологии, и уже тогда мы оба начали ходить на кафедру эмбриологии, которой заведовал Борис Петрович, а на третьем курсе стали студентами-эмбриологами. Кафедре дали помещения в здании исторического факультета на Менделеевской линии, Володя помогал переносить мебель. Мы с ним, студенты одного курса, потом аспиранты, постоянно работали в одной комнате. Володя организовал студенческий научный кружок при кафедре и руководил им.

Летом после второго курса мы с другими студентами биофака ездили на практику в «Лес на Ворскле», в Белгородской области. Ходили по этому прекрасному заповедному лесу, вдоль реки Ворсклы, по окружающим лес холмам и оврагам. Среди степных просторов были хороши даже неинтересные мне практические занятия по почвоведению, что уж говорить о дневных и ночных орнитологических экскурсиях в лес и на реку. Летали на маленьком самолете в Харьков – это был наш первый в жизни полет. Однажды Володя таинственно повел меня вдоль реки, чтобы показать

найденное им в прибрежных кустах птичье гнездо. И через 45 лет он, по дороге из института в президиум ДВО РАН, подобным же интригующим образом пообещал мне показать что-то интересное и привел к гнезду с птенцами в дупле дерева. Это гнездо он заметил, когда воскресным днем шел пешком в институт с автобусной остановки. Академик оставался прежним Володей Касьяновым...

После третьего курса мы были вместе на эмбриологической практике на Баренцевом море, в Дальних Зеленцах, в Мурманском морском биологическом институте АН СССР. Нас поразили прозрачная зеленая студеная вода Баренцева моря с прибрежными водорослями на уходящих под воду скалах, трехметровые отливы, во время которых собирали животных. Лазили по этим скалам, бродили «по тундре, по зеленой дороге». На вёсельной лодке добирались до островов, ходили на драгировки на старой шхуне «Диана». Нам открылся, говоря словами поэта, «мир обольстительный и странный».

Невиданное прежде незаходящее летнее солнце, поразившие нас птичьи базары, морские беспозвоночные, которых мы впервые увидели на Баренцевом море: морские ежи, звезды, моллюски, губки, черви, водоросли...

Эмбриологи-однокурсники Володя Касьянов и Володя Ефремов на Баренцевом море

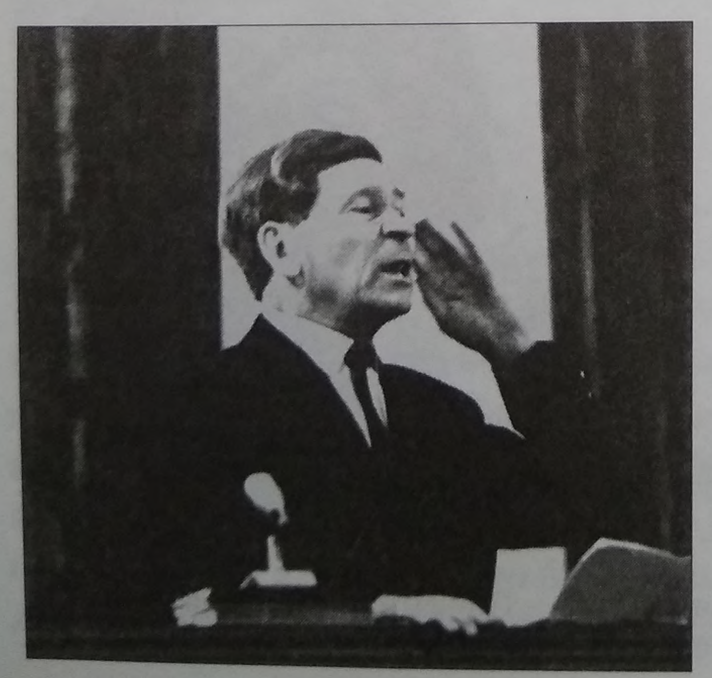
Птенец чайки на моей ладони. Дальние Зеленцы (1960)

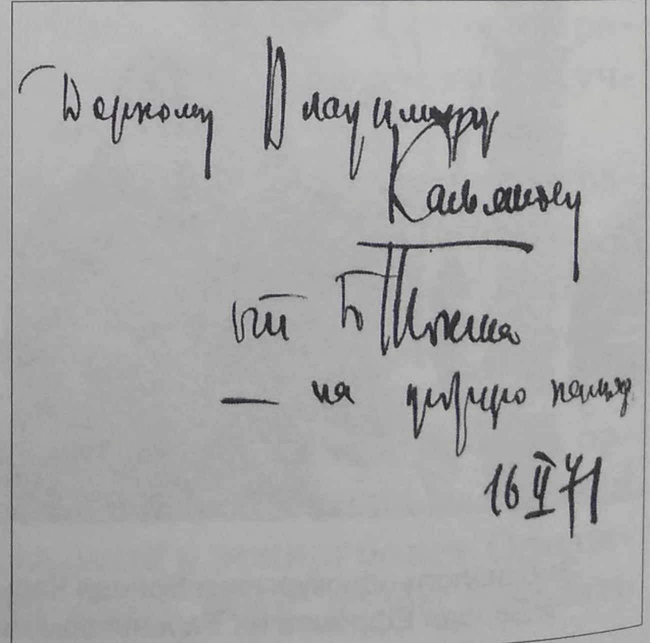
В 1962 году мы получили дипломы биологов-зоологов – Володя, конечно же, красный, я синий – и стали аспирантами Бориса Петровича Токина.

Объектами Володиных интересов тогда были амфибии: травяная лягушка, тритон и жаба. Я занималась американскими планариями бесполой расы, привезенными Токиным из Венгрии. После возвращения оттуда, придя на кафедру, Борис Петрович позвал меня, достал из внутреннего кармана пиджака небольшой пузырек, по стенкам которого ползали семь планарий, и радостно вручил мне подарок. Так появились у нас эти планарии, потомки которых и теперь живут в Институте биофизики клетки в Пущино, под Москвой. Когда я снова заинтересовалась планариями, лет через тридцать, уже работая в Институте биологии моря, Володя привез мне этих червячков, съездив из Москвы в Пущино, к Инне Моисеевне Шейман. Планарии вернулись ко мне.

Борис Петрович подарил Володе и мне фотографии, сделанные во время празднования его семидесятилетия в главном зале ЛГУ, с дарственными надписями. Вообще на кафедре эмбриологии были приняты веселые новогодние и другие сборища, на них вместе с сотрудниками и приглашенными профессорами, среди которых бывали Артемий Васильевич Иванов, Юрий Иванович Полянский, Михаил Ефимович Лобашев и другие ученые, всегда собирались аспиранты и студенты кафедры. Мы организовывали веселые представления, пели...

Студенты биофака Ленинградского университета слушали замечательные, нередко захватывающе интересные лекции.

Время нашего студенчества и аспирантуры совпало с возрождением интереса к генетике после многих лет ее преследования и погрома. Общий курс лекций читал Михаил Ефимович Лобашев, отдельные лекции и факультативные курсы проводили Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская, Раиса Львовна Берг. Их лекции были яркими, эмоционально окрашенными. До сих пор помню, как артистично артикулировала Раиса Львовна: «конвариантная редупликация». Полюбила ископаемые растения, услышав на лекциях, как выразительно Армен Леонович Тахтаджян произносил Psilotophita и рассказывал о них с пафосом, будто о древних римлянах.

С другой стороны, «оттепель» породила и шарлатанство: вдруг появились люди «сверхъестественных» способностей, физиологи носились с некоей Розой Кулешовой, якобы видевшей пальцами рук. Володя присутствовал на одном «сеансе», когда Кулешова читала с завязанными глазами. Он подошел близко и понял, что повязка была натянута так, что оставался узкий просвет внизу и можно было, изловчившись, видеть текст. Володя тогда же говорил мне об этом «чуде», а позже весело рассказывал Коле. Володя никогда не искал чудес, подобных телепатии и прочим «тонким»

Праздник на кафедре эмбриологии ЛГУ:
Артемий Васильевич Иванов, Эрванд Шамирович Айрапетьянц,
Борис Петрович Токин, Юрий Иванович Полянский

материям: и он, и я не понимали, зачем эти поиски, когда и без того вся жизнь и весь мир – непостижимое чудо.

Студентами мы с Володей ходили в библиотеку ЛГУ, расположенную в конце знаменитого длинного университетского коридора. Став аспирантами, записались в БАН – Библиотеку Академии наук, рядом с ЛГУ. Об этой библиотеке мы анекдотическим образом впервые услышали от Токина: однажды он сказал, что с какой-то ученой дамой познакомился в «бане» – то есть, конечно, в БАНе. Впервые в БАН меня привел Володя и приучил регулярно ходить на выставку новых поступлений научной литературы, без чего я потом уже не могла обходиться. Правда, во Владивостоке пришлось привыкать к иной ситуации. Володя очень любил библиотеки. Много лет спустя он охотно, с удовольствием приводил в библиотеки Москвы и Петербурга Колю, приобщая его к радости поиска и находок новых сведений. Осталось множество читательских билетов В.Л. Касьянова самых разнообразных библиотек и архивов Москвы и Петербурга.

У нас с Володей была привычка ходить с кафедры в главное здание университета, в БАН и в университетскую столовую без пальто даже в самые холодные зимние дни, и мы почему-то упорно придерживались этого обычая.

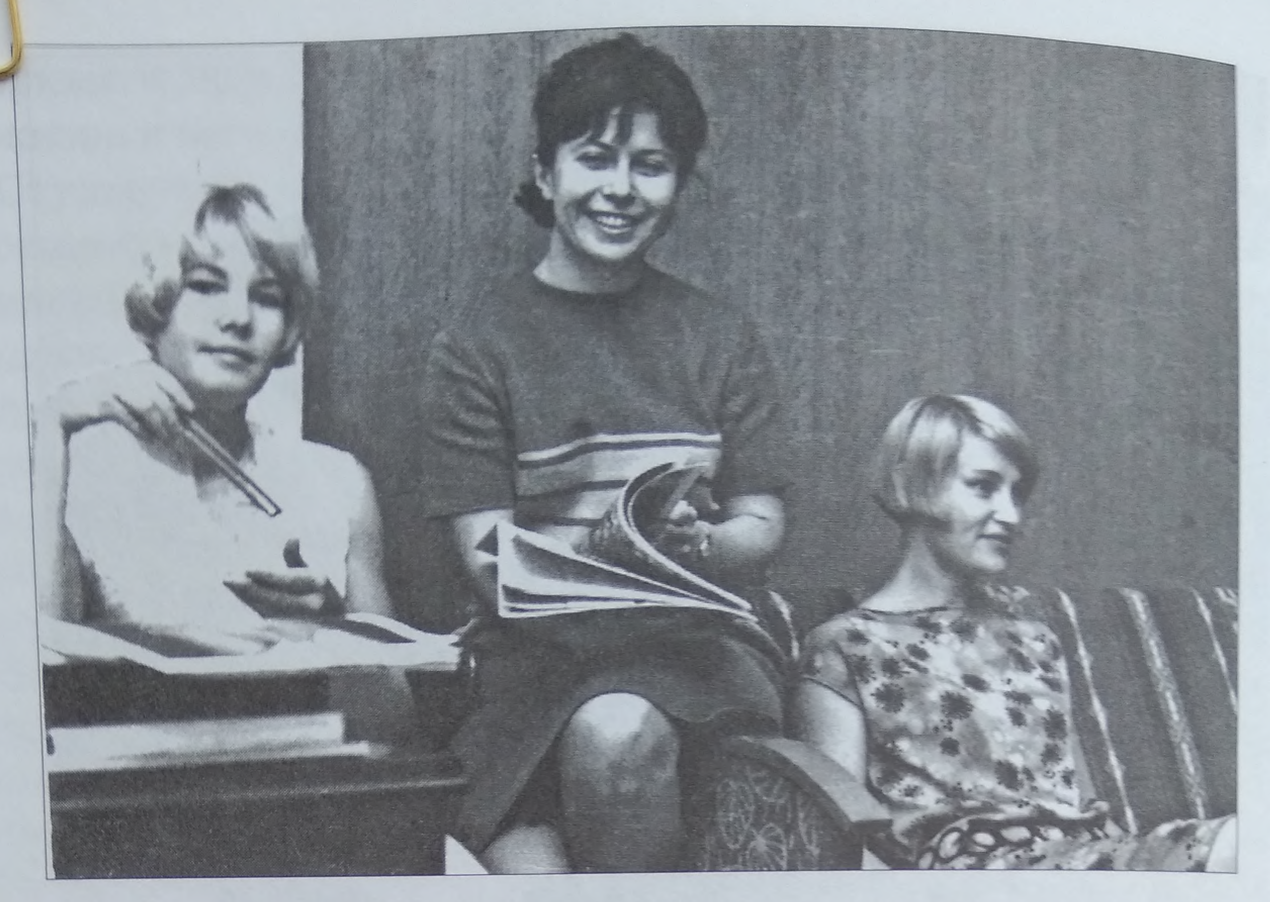
В студенческое и аспирантское время Володя постоянно был или комсоргом, или профоргом кафедры, или председателем какого-то совета (кажется, молодых ученых), секретарем научного семинара кафедры, куратором аспирантов-иностранцев биолого-почвенного факультета. И всегда старался ради других, не для себя.

Б.П. Токин руководил студенческой и аспирантской работой в чисто теоретическом аспекте, не жалея своего времени на обсуждение с нами научных идей, но не участвуя в нашей экспериментальной работе и полностью предоставляя нам разработку методики. Такая «вольная натаска» приучила нас к самостоятельности, и после аспирантуры мы уже совершенно не нуждались в каком-либо научном руководстве.

Володя проводил на кафедре практические занятия по общей биологии и эмбриологии, читал некоторые лекции, руководил научной работой студентов Анатолия Дроздова, Германа Святогора, Ольги Подгорной. Фотография с Германом и Толей сделана в нашей общей комнате при мне или даже мною – этого уже не скажу точно, но прекрасно помню, как при фотографировании Володя подыграл и, шутливо изобразив ментора, поднял

Володя со студентами Германом Святогором и Анатолием Дроздовым

С Ольгой Подгорной, Анатолием Дроздовым и Германом Святогором

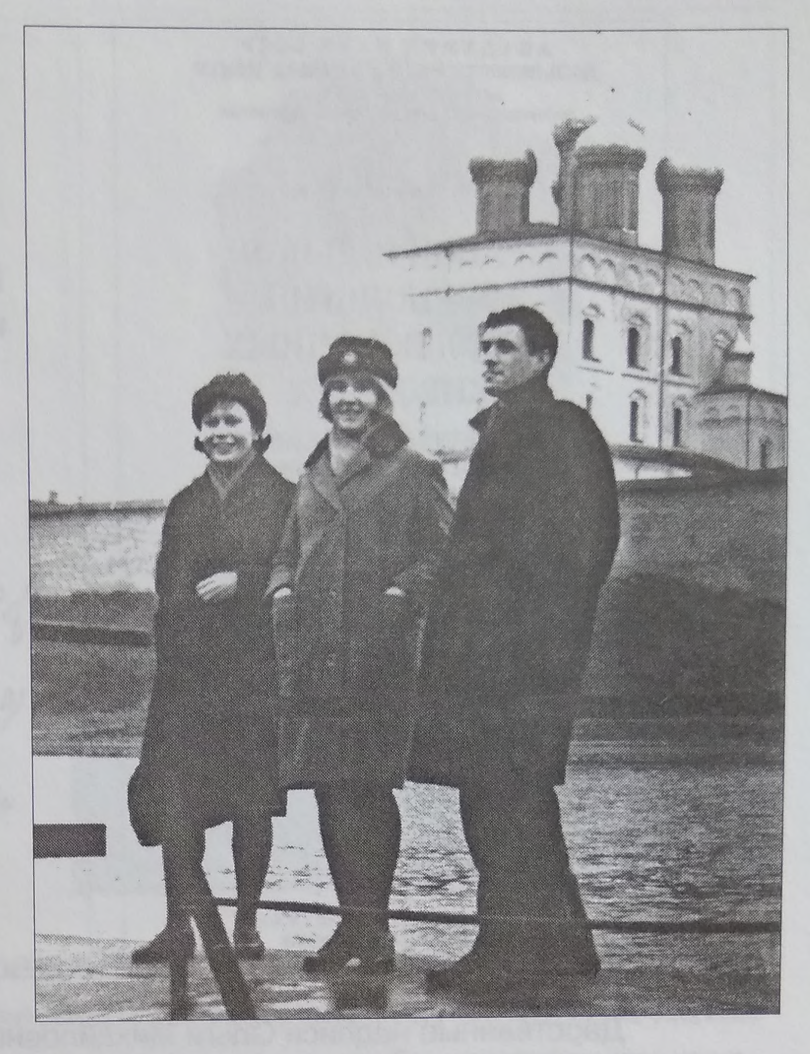
Эмбриологи Соня Ефремова, Ира Пылило, Валя Исаева

Володя среди сотрудников кафедры эмбриологии ЛГУ (справа в верхнем ряду).
В первом ряду: Борис Петрович Токин, Ирина Владимировна Пылило,
Диана Григорьевна Полтева, Галина Павловна Короткова

«указующий перст», чего в реальном общении с ним никогда не бывало.

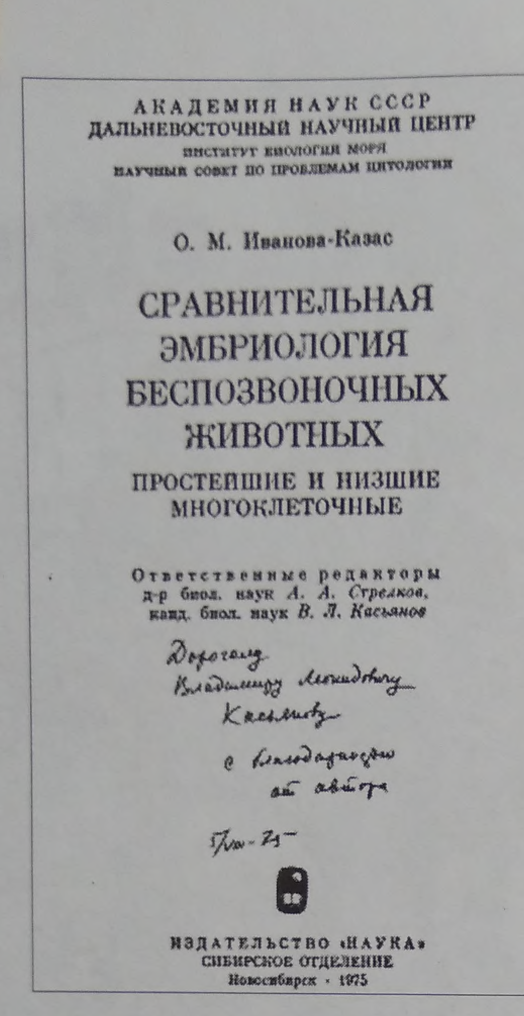
Со свойственной ему живостью Володя легко брался за новые дела и вне кафедры: проводил экскурсии в музее Зоологического института, реферировал биологические статьи на английском и других языках для публикации в «Реферативном журнале». Это был и способ приработка, ведь стипендия студента и аспиранта всегда была невелика. Полученные деньги тратил своеобразно: например, купил микроскоп – они тогда продавались в специализированном магазине вместе с другой оптикой. Я брала с него пример – тоже купила микроскоп и проводила дома круглосуточные опыты на амёбах для своей дипломной работы, реферировала статьи для «РЖ», переводила с английского, немецкого, французского, а позже и с испанского. Работа для «РЖ» ввела нас в круг научной литературы, раздвигавшей рамки наших интересов, и приучила быстро схватывать основной смысл и новизну каждой статьи.

С сотрудницами кафедры эмбриологии в Пскове

Кандидатские диссертации мы с Володей защищали в один год: он весной, я – осенью. На его защите я волновалась больше, чем потом на своей. Наши защиты, как было принято, отмечались общим кафедральным сбором-банкетом.

Талант общения и понимания, искренний интерес ко всем, кто с ним общался, обаяние и непринужденная элегантность поведения Володи привлекали к нему людей, а иногда, как им казалось, обещали больше, чем он мог и хотел дать (я знаю от него о нескольких курьезах, изумлявших его самого). Как потом оказалось, наша студенческая и аспирантская компания, вместе встречавшая праздники, совершавшая поездки в Пушкинские Горы, Псков, Новгород, держалась главным образом общительностью и активностью Володи.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ БИОЛОГИИ МОРЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ ЦИТОЛОГИИ

О. М. Иванова-Казас

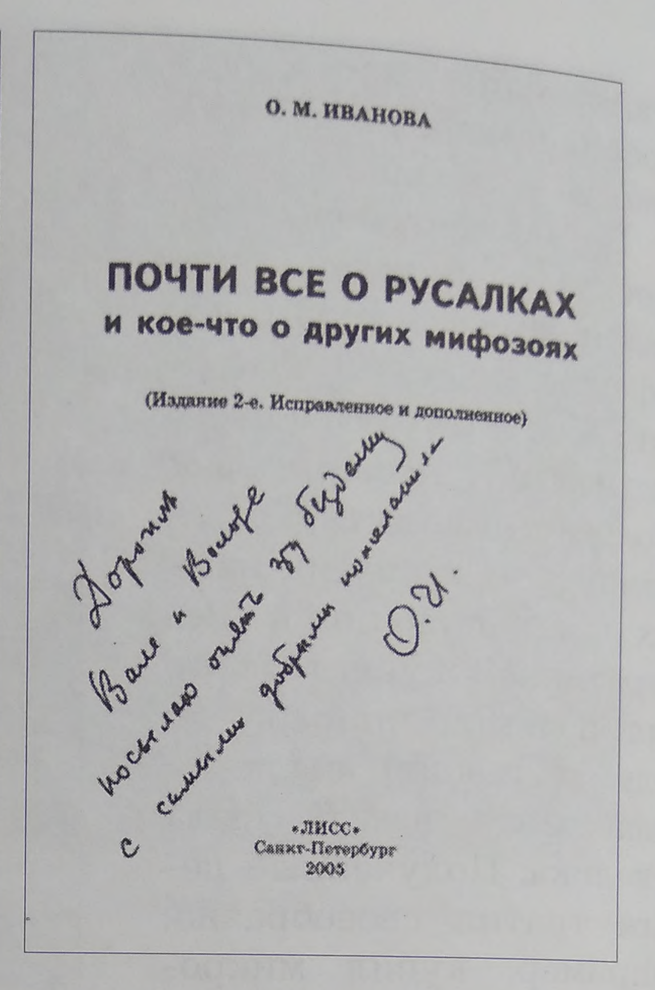
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭМБРИОЛОГИЯ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ

ПРОСТЕЙШИЕ И НИЗШИЕ МНОГОКЛЕТОЧНЫЕ

Ответственные редакторы
д-р биол. наук *А. А. Стрелков*,
канд. биол. наук *В. Л. Касьянов*

Дорогому Владимиру Леонидовичу Касьянову с благодарностью от автора
5/XII-75

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1975

О. М. ИВАНОВА

ПОЧТИ ВСЕ О РУСАЛКАХ
и кое-что о других мифозоях

(Издание 2-е. Исправленное и дополненное)

«ЛИСС»
Санкт-Петербург
2005

Дарственные надписи Ольги Михайловны Ивановой-Казас на ее книгах

Вспоминая во Владивостоке нашу молодость, мы с Володей говорили, что «воспитаны в одном детском саду», и этим «детским садом» стала для нас кафедра эмбриологии. Володя всегда поддерживал связь с кафедрой. Он содействовал публикации многотомной «Сравнительной эмбриологии» О.М. Ивановой-Казас, редактировал первый том, вышедший в 1975 году в Новосибирске, и был редактором «Эволюционной эмбриологии животных» (1995). Все тома классической «Сравнительной эмбриологии» Володя получил от Ольги Михайловны с ее дарственной надписью. В последние годы она дарила нам свои книги по «мифозоологии». Как мы радовались! А надпись на книге, присланной ею в 2006 году, обращена уже только ко мне...

В студенческое и аспирантское время, особенно после смерти мамы, Володя нередко говорил со мной о трагизме жизни. Помню, что из прочитанных стихов Евгения Винокурова он выделил строку: «Трагическая тень лежит под каждою травинкой в поле». Тогда же нам удавалось получать (обычно на ночь или на один день) полуслепые машинописные или выполненные на ротапринте (множительной технике того времени) копии книг Александра Солженицына, «Крутого маршрута» Евгении Гинзбург, «Доктора

Живаго» Бориса Пастернака, стихов Иосифа Бродского. Эти книги существенно повлияли на наши взгляды.

Летом, между первым и вторым курсом, во время одного из наших блужданий по городу, Володя в легкой, намеренно шутливой форме – он не переносил пафоса – спросил: «Будем дружить?» Я только улыбнулась. Но наивное, казалось бы, предложение определило направление всей нашей жизни, хотя отношения между нами развивались долго и совсем не линейно. Мы оба были инфантильны и избегали уз, ограничивающих свободу. Не сразу поверили в свою общую судьбу и даже уклонялись от нее – приученные думать не о себе, уступали посторонним воздействиям, много лет кругами ходили друг возле друга, пытались расстаться – и не смогли. Дружили мы всегда, подолгу доверительно вели «дружбы светлые беседы», но еще долго не понимали, как необходимы друг другу. Открытость Володи удивительным образом сочеталась с деликатностью, даже застенчивостью и стыдливостью, чему могут и не поверить люди, общавшиеся с ним как с директором института. А я хорошо знаю, что не только смолоду, но и вплоть до осени 2005 года он мог смущаться и краснеть – в сущности, беспричинно – даже дома, в разговорах со мной. Это сочетание деликатности с живостью и ассоциативными способностями Володи породило своеобразный способ выражения им эмоций – он как бы невзначай негромко напевал песню подходящего содержания. Если же слова оказывались слишком выразительными, неловкими для языка и слуха, звучала только мелодия.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой,
Одну только песню, что пел я с тобой,
Что ты повторяла за мной.

Александр Блок

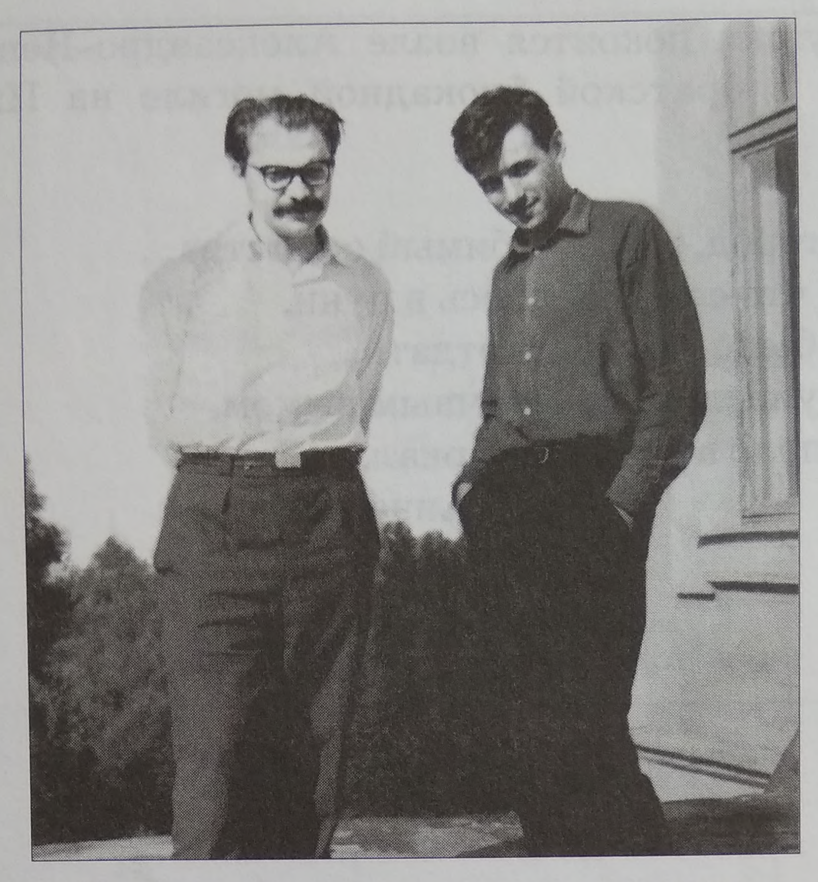
Таких песен было несколько, и одной из них стала «Girl» Биттлз, которую мы в 60-е годы слушали и даже пытались петь; теперь же совпадения мистическим образом усилились:

Is there anybody going to listen to my story
all about a girl who came to stay?
. . . .
Did she understand it when they said
That a man must break his back to earn his day of leisure?
Will she still believe when he is dead?

В острый период наших отношений он позвал меня посмотреть фильм «С любимыми не расставайтесь». Отчаянные рыдания героини в последних кадрах оказались пророчеством моего невообразимого тогда горя после 1 октября 2005 года.

Володя всегда был для меня необыкновенным, почти чудом, и наши отношения оставались не вполне постижимыми даже для нас, таинственными. Поездки с ним становились волшебным приключением. Такой была поездка из Ленинграда в Эстонию, в женский монастырь Куремяэ – крепость на холме, окруженную чудной природой. Когда вечером мы обходили монастырь вокруг, под его стенами, из раскрытого окна донеслось неземное, как мне показалось, песнопение. Я была поражена мелодией и чистым красивым голосом и сказала, что хотела бы жить в монастыре, а он объяснял мне, что я не выдержу уклада жизни послушницы. В самом деле, я никогда не была склонна ни к подчинению, ни к руководству и была довольно строптива. Володя был единственным человеком, помимо моих родителей, чье мнение было для меня существенным и влияло на мое поведение. Однажды он сказал по поводу моих служебных отношений – как обычно, в ненавязчивой и шутливой форме, зарифмовав свой совет и облегчив для меня его восприятие: «Ты иди на компромисс, мисс, а иначе компромат – мат» (конечно, он разумел метафору шахматного мата, а не того, что расползается теперь повсюду).

Мы часто гуляли в Старом Петергофе, где проходили студенческую практику, а после окончания аспирантуры работали вместе в Биологическом научно-исследовательском институте ЛГУ. Этот институт располагается в живописном парке во дворце, построенном по проекту А.И. Штакеншнейдера для великой княгини Марии Николаевны и ее мужа герцога Лейхтенбергского. После войны 1941–1945 годов от дворца, как и других прекрасных зданий Нового и Старого Петергофа, остались руины. Студентами мы ходили

На террасе Петергофского дворца-института
с заведующим лабораторией экспериментальной
эмбриологии Арчилом Карпезовичем Дондуа

на субботники по восстановлению дворца, и в нем потом работали научными сотрудниками. После окончания аспирантуры оба стали младшими научными сотрудниками Биологического НИИ ЛГУ в Старом Петергофе. Я работала там дольше Володи – 10 лет.

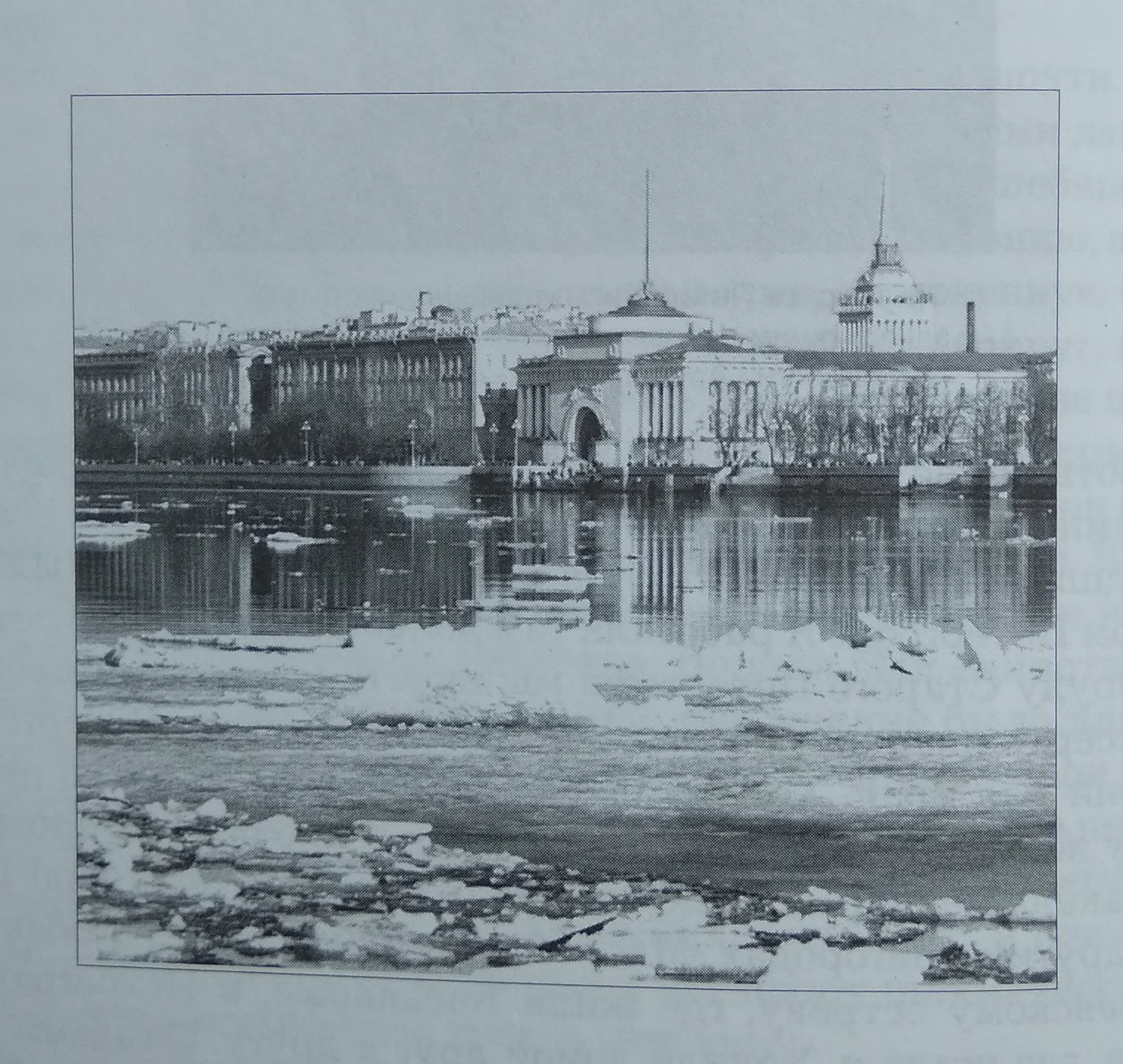
В пруду Старого Петергофа мы вместе ловили тритонов для его диссертационной работы, а в прудах у Нового Петергофа – планарий для моей. Ходили по Бабигонским высотам по другую сторону железной дороги, к Бельведеру, тоже спроектированному Штакеншнейдером, – действительно прекрасный вид! Гуляли и в других пригородах. Много бродили по городу, особенно по Васильевскому острову, где жили Касьяновы, и Петроградской стороне, где жила я. Ходили домой друг к другу. С годами наша взаимная привязанность превратилась в неодолимую психологическую зависимость, нерасторжимую связь. Мои воображаемые беседы с Володей продолжаются и сегодня...

Мы оба потеряли свои ленинградские квартиры, потеряли возможность жить в Петрополе, который со временем превратился для нас в некрополь, «гранитный город славы и беды». На Серафимовском кладбище похоронены мать, отец и сестра Володи, на Охтенском – моя мама, бабушка, прабабушка и другие родственники;

прах прадедушки покоится возле Александро-Невской лавры, а дедушки – в братской блокадной могиле на Пискаревском кладбище.

Тот город, мной любимый с детства...
Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать...
Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...

Анна Ахматова

Владивосток и наша семья

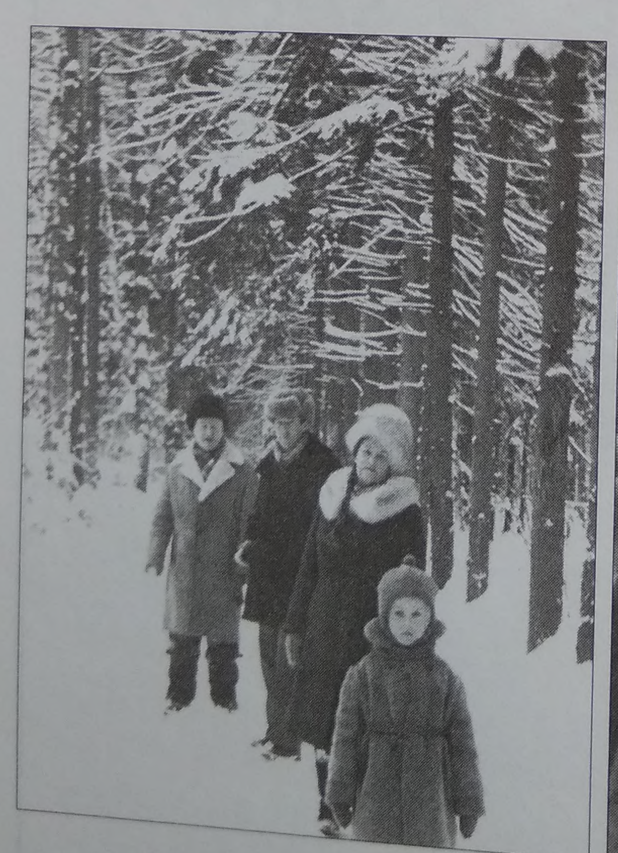
In a kingdom by the sea...
In this kingdom by the sea...
Edgar Poe

Это было в России,
Это было в раю.
Владимир Набоков

Володя уехал во Владивосток в 1971 году и вплоть до 1 октября 2005 года работал в Институте биологии моря сначала младшим, затем старшим научным сотрудником, потом заведовал лабораторией, был назначен заместителем директора, избран директором. Только в самые последние годы формально основным, но не единственным местом его работы стал президиум Дальневосточного отделения Академии наук.

Владивосток, Владимир, ВЛК (первые буквы Володиного имени, отчества и фамилии) – созвучны, и он говорил мне это. Думаю, что созвучие способствовало его внутреннему ощущению этого города своим и усиливало его привязанность к Владивостоку. Владивосток можно воспринимать обыденно, с множеством его проблем, криминальностью, но Володя видел город у моря подобным сказочному Зурбагану – каким он предстает на картинах владивостокского художника Сергея Черкасова.

В 1977 году я и Коля, которому было четыре года, переехали из Ленинграда во Владивосток. Мы летели на самолете вместе с Володей. Помимо наших вещей он вез огромную пачку новых обложек журнала «Биология моря» – с бирюзовыми волнами. В самолете Володя и Коля придумали игру, которую назвали «Поехали!», и продолжали играть в нее во Владивостоке.

В подмосковном лесу
с моими родителями (1977)

На льду Амурского залива.
8 марта 1977 года

Незадолго до переезда мы гуляли с моими родителями в заснеженном подмосковном лесу, а во Владивостоке снега уже не было, хотя Амурский залив еще был покрыт льдом и рыбаки ловили корюшку.

Мы прилетели 7 марта, на другой день пошли гулять по льду залива, и Коля с любопытством рассматривал выловленных рыбаками корюшек. Вечером нас позвали к себе Катя и Петя Семеньковы, они работали в Институте биологии моря.

Мы с Володей всегда отмечали именно день 7 марта, а не общепринятый праздник следующего дня. Он дарил мне что-нибудь красивое или полезное, стараясь сделать мою жизнь более комфортной. Жили в однокомнатной квартире на улице Кирова (позже на улице Чкалова). Неожиданным подарком стал вид на Амурский залив с великолепными, библейскими закатами. Таким предстал мне «тот дивный мир, где шли мы рядом».

Во Владивостоке у меня и Коли был только Володя, все родственники остались в Москве и Ленинграде. Когда мы пошли с Володей в ЗАГС, я не хотела брать в свидетели случайных людей. Оказалось, что можно и без них. Пришли втроем, третьим был Коля, и нам очень по-доброму сказали: «Да вот же ваш свидетель!» Через несколько дней мы сфотографировались в фотоателье,

Наша семья во Владивостоке (1977)

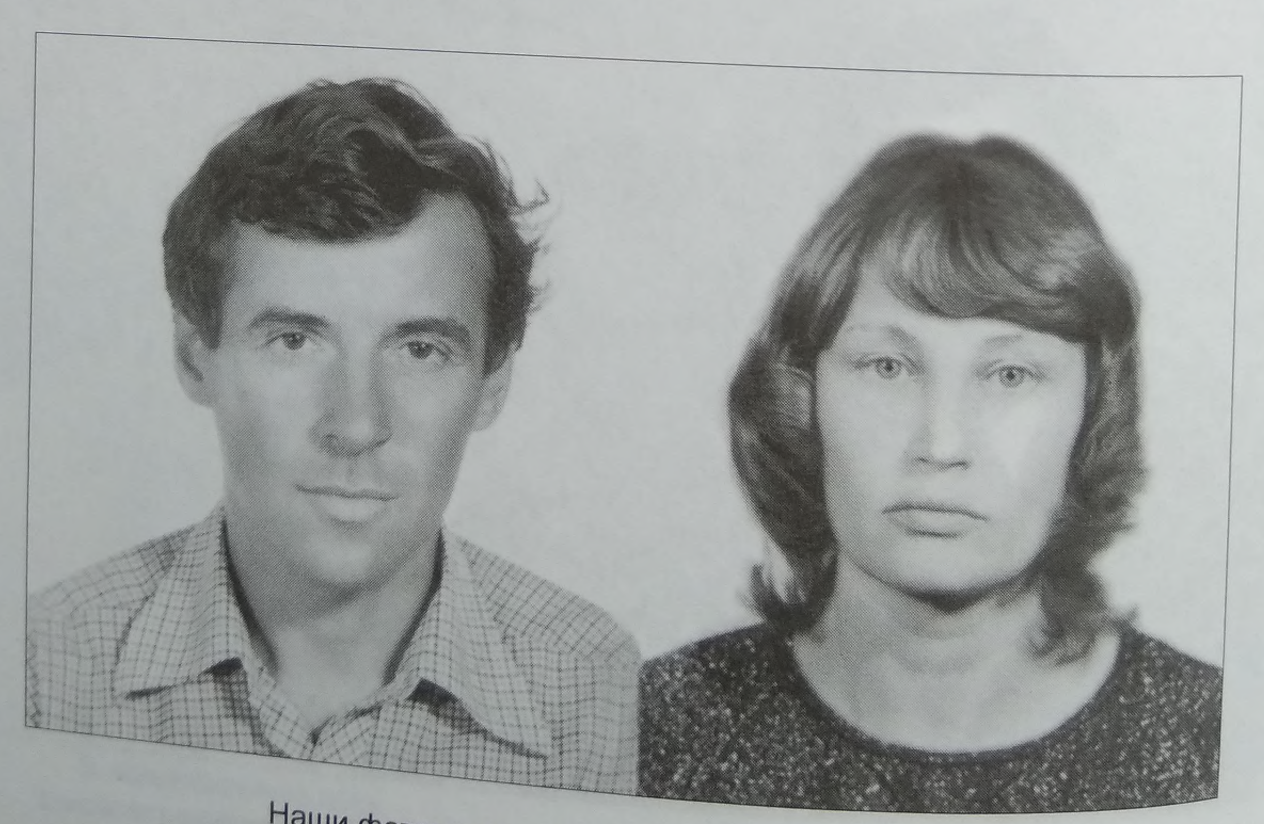
чтобы послать снимки моим родителям в Москву и Леониду Павловичу – в Ленинград.

На этих фотографиях Володя и я получились, по нашему мнению, не очень похожими на себя, но Коля был именно таким – очень серьезным, думающим мальчиком. Володин и мой облик первого года нашей семейной жизни точнее передают простые маленькие снимки, сделанные для документов.

Я начала работать в Институте биологии моря младшим научным сотрудником, а Володя был назначен заместителем директора.

Первое лето провели во Владивостоке. После работы и по выходным гуляли недалеко от дома в лесочках, еще чистых и почти диких, ходили на море. Володя с Колей придумывали всё новые игры. Например, Коля снимал обувь и начинал быстро кружиться, выкрикивая «заклинания», а тем временем новые маленькие игрушки «прилетали с неба» в его башмачки.

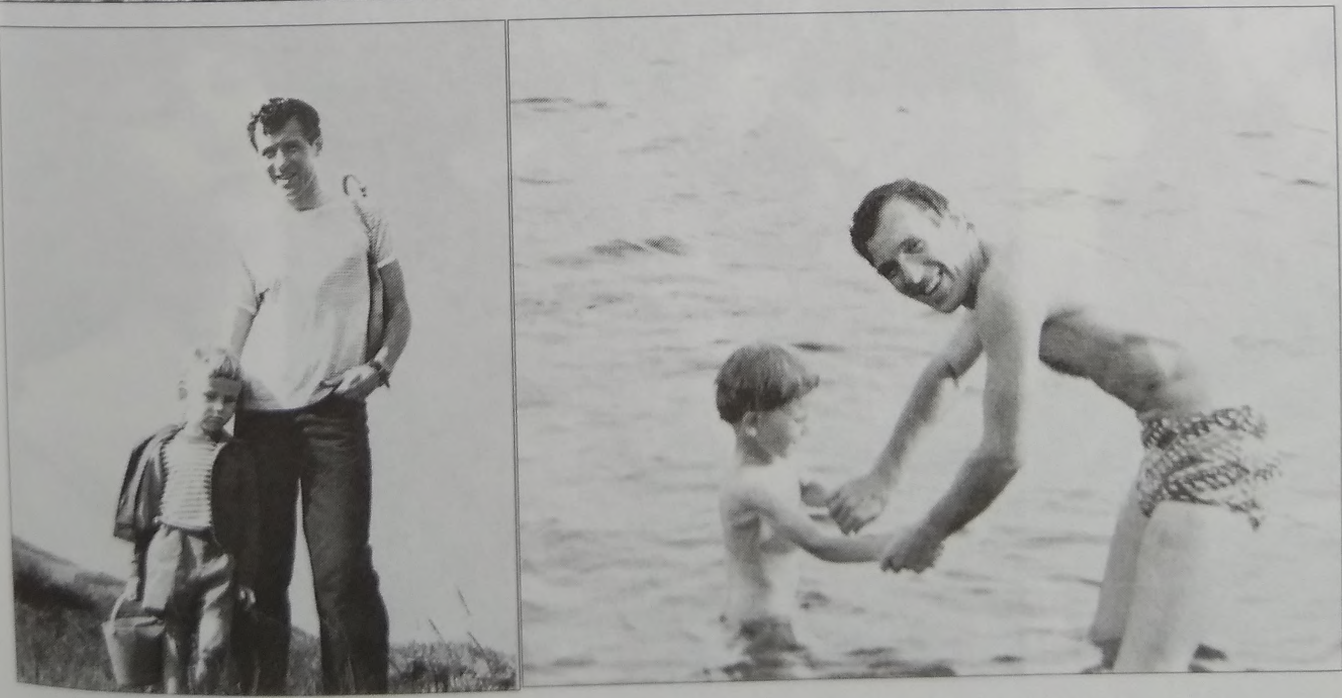
Начиная с 1978 года я несколько лет в теплые месяцы работала на морской экспериментальной станции в бухте Витязь, в лаборатории Нины Львовны Лейбсон. Станция располагалась в Хасанском районе. На институтскую станцию «Восток» под Находкой, где была лаборатория эмбриологии, тогда с детьми не пускали. Володя всегда отвозил нас с Колей на Витязь, навещал нас летом, а к осени забирал во Владивосток.

Наши фотографии 1977 года для документов

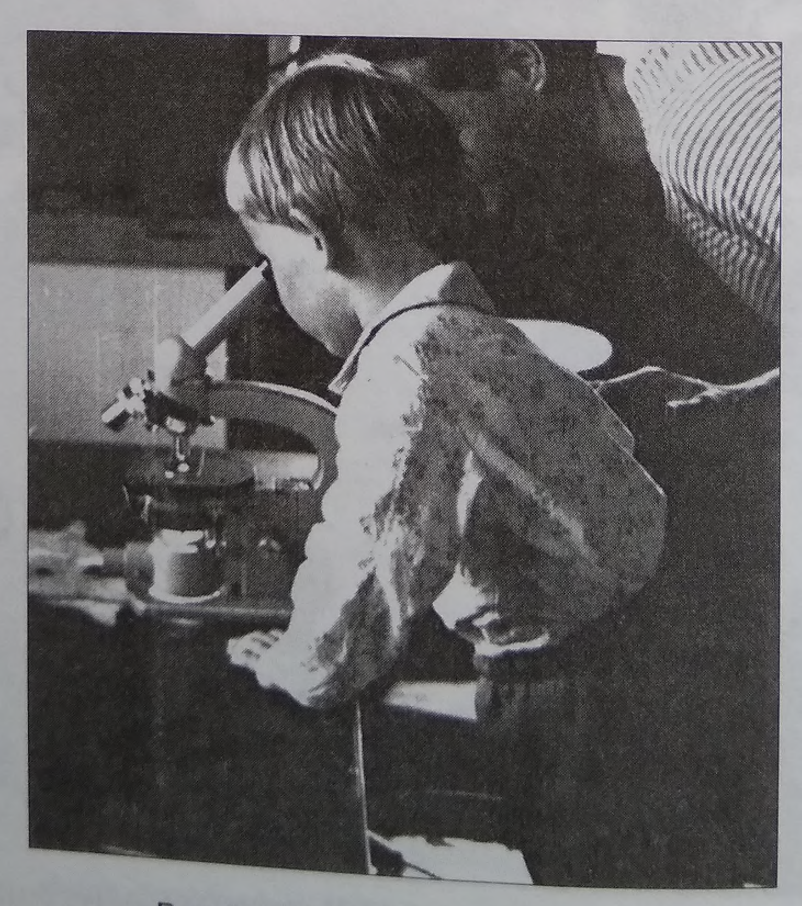

На морской экспериментальной станции «Витязь» (1978)

После Карельского перешейка и тем более побережья Баренцева моря в Дальних Зеленцах роскошная южная природа Приморья сначала казалась избыточно красивой. Когда Володя приезжал к нам и работал в лаборатории, вечерами мы гуляли и купались.

Одним из наших первых совместных путешествий по краю была поездка в Чистоводное (Вангоу – Володя всегда предпочитал старые названия) в Лазовском районе. Там мы прожили недели две, ходили вдоль горной речки, поднимались к живописным причудливым скалам. Я поймала красивого амурского полоза, сфотографировалась с ним и выпустила. Фотографировали и щитомордников, но не в руках, разумеется, а на скалах у реки.

Так прошло несколько лет. Если мы с Колей, будучи на «Витязе», заранее узнавали о приезде Володи, всегда старались встретить его. Помню, как однажды, оба в каких-то джинсовых костюмчиках, бежали ему навстречу по лесной дороге, и он издали не узнал нас: «Смотрю, какие-то мальчишки бегут!» А когда мы с Колей месяца два жили летом с моими родителями под Москвой – и прекрасно жили, Коля говорил мне: «Я уже не могу больше без папы и Егорки» (Егоркой звали нашего домашнего кота).

В лаборатории на Витязе (1978)

На «Витязе» поддерживалась радиосвязь с институтом, и однажды мы получили от Володи очень испугавшую меня радиограмму: «Всё в порядке. Ложусь в больницу» – он пытался успокоить меня. У него было сильное воспаление роговицы, которое пришлось лечить несколько месяцев.

Работая на «Витязе», Володя всегда старался показать и Коле то, что считал интересным: развитие морского ежа и других животных, подробно отвечал на все Колины вопросы. Потом Коле пришлось отправляться в школу, и она показалась ему совсем неинтересной и нудной после такого домашнего образования.

Для Володи было характерно редкое сочетание легкости, живости, даже беспечности и беззаботности – и ярко выраженного чувства долга, обязательности и настойчивости. Он никогда не забывал выполнить обещанное, всегда был добр, чуток, заботлив, не жалел времени и сил для меня и Коли, был нашим утешителем и вдохновителем. С ним мы были защищены, с ним мы становились лучше, способнее и умнее. Он всегда был нашим спасителем, который не давал тонуть нашей семье, и парусом, который направлял нас. Он был носителем дара радости, способным создать праздничную атмосферу в обыденной повседневности, – он сам был праздником, a movable feast, говоря словами Эрнеста Хемингуэя.

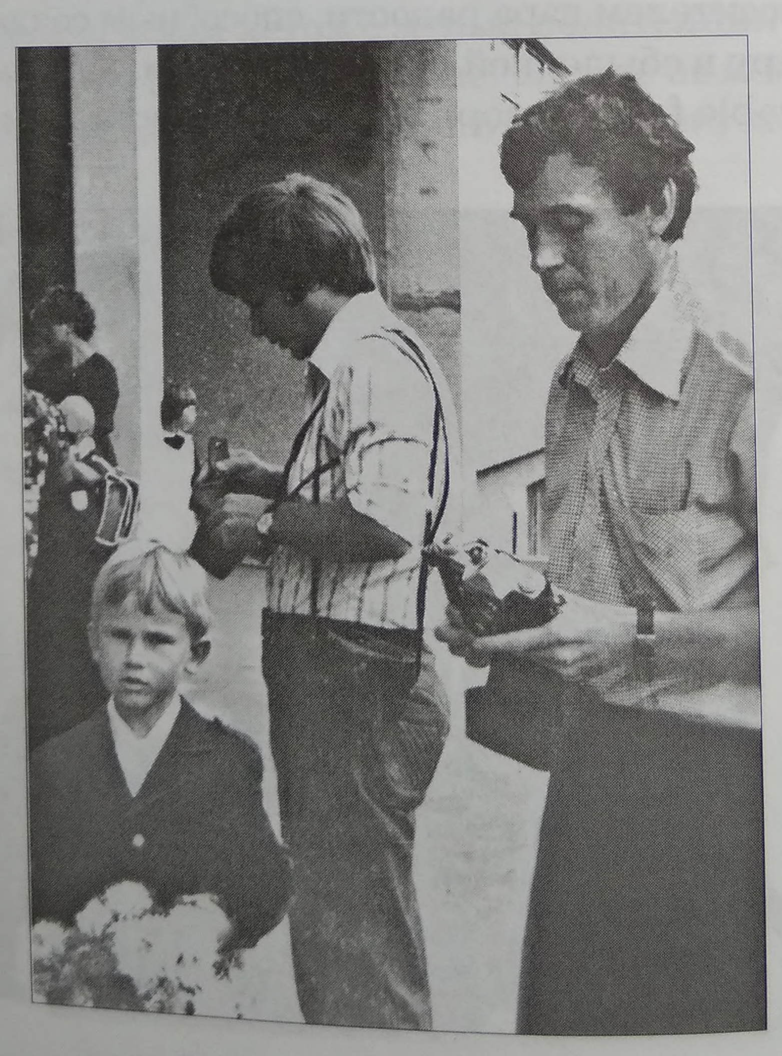

В Чистоводном (1979)

В домашней жизни Володя был уступчивым, невзыскательным и нетребовательным. Он помогал по дому, брался за уборку, ходил в магазины, легко относился к бытовым затруднениям и быстро справлялся с ними. Он никогда не обманывал и не говорил неправду, но умел останавливаться у черты, за которой «правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна». Обо мне же он шутливо говорил – «патологически правдива»: я часто не могла скрыть то, чего говорить людям не следует, и временами «резала бедную правду-матку с визгом».

Всю жизнь у Володи сохранялись идеалистические детские, пионерские, как он сам говорил, установки, которые он не желал пересматривать: «все люди хорошие», «людям надо помогать», «разве можно отказаться дать свой мобильный телефон, чтобы человек мог позвонить из аэропорта?» В итоге его телефонный счет «обнулялся» в самом начале командировки, чему он неизменно удивлялся. Как-то раз он доверчиво оставил ненадолго свой дипломат на лестничной площадке у двери нашей квартиры, а потом надеялся, что люди забрали его с целью сохранения и скоро вер-

Первый школьный день (1979)

нут... Детская вера в справедливость, в хороших людей никогда не покидала его, сочетаясь с собственной ответственностью и добротой.

Володя всю жизнь был альтруистом, донором, окруженным массой реципиентов. Его потребностью было – отдавать, дарить, тогда как потребность большинства – брать...

После масштабных человеческих катастроф, первой из которых для нас было Спитакское землетрясение в декабре 1988 года в Армении, а последней – захват террористами 1 сентября 2004 года школы в Беслане, Володя решал посылать деньги в помощь пострадавшим. Я, конечно, одобряла это намерение, и мы пересылали весьма чувствительные для нашего семейного бюджета суммы. Очень волновали нас военные события в Чечне, и между двумя основными войнами в этом регионе, в конце сентября 1995 года, Володя после конференции по марикультуре в пансионате вблизи Туапсе отправился в Грозный! Он позвонил мне оттуда и сказал: «Привет! Я в Грозном». Я плюхнулась на стул рядом с телефоном. Конечно, он не просто безрассудно любопытствовал – он пытался организовать помощь университету и другим вузам Грозного учебниками и научными книгами. В этом адском тогда городе он разыскал маму сотрудника нашего института Делика Габаева; в следующем году она приехала оттуда к сыну. Вернувшись во Владивосток, Володя записал свои впечатления и передал мне. Эти записки я помещаю в конце книги.

Из поездки на Гомельщину, в село Глушец, после чернобыльской катастрофы Володя привез от тети Ксени сало. Мы рассудили, что в Белоруссии постоянно едят местные продукты, и стали есть это сало из солидарности с ними. Забавно, что наши гости, которых мы хотели угостить, шарахались от угощения и никто не осмелился съесть ни кусочка, а потом мы уж и не пытались никому предлагать и вдвоем понемногу прикончили его.

А вот икру Володя не любил и, как правило, не ел: «нехорошо есть детей», «не люблю роскошную жизнь», – полушутя говорил он.

Трудные девяностые годы еще больше сплотили нашу семью. Памятна «шоковая терапия» зимой 1992 года, когда после Нового года мы внезапно стали нищими – едва хватало на еду, а надо было еще помогать родственникам. Дома и в институте холодно... В один из вечеров я вспомнила воронежские стихи Осипа Мандельштама, прочла их Володе, заменив формы первого лица на формы второго:

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.
В прекрасной бедности, в роскошной нищете
Живи, спокоен и утешен...

Он был явно тронут.

Запомнился и мрачноватый юмор того времени: в разговоре с дамами – учеными секретарями двух владивостокских академических институтов зимой 1992 года – одна из них сказала: «Казалось бы, много ли еды человеку надо – но ведь есть хочется!»; другая весной того же года шутливо похвасталась: «Вчера сливочного масла купили! Оказывается, так вкусно!» Нам тоже осенью после долгого перерыва удалось попробовать сливочного масла. Мы видели, как дети, выходившие из школы-интерната, держали в руке по кусочку серого хлеба, и некоторые сразу же ели этот хлеб. Кругом бегали изгнанные из домов тощие, голодные собаки.

Я твердила слова «Прощания с империей» Олеси Николаевой:

Вспоминая жизнь свою – посреди Империи,
на шершавой
и рельефной ее ладони ширококостной,
я прощаюсь с волчьей моей, отощавшей вконец
державой...
...я клянусь вам последним Римом упавшим:
здесь ему еще присягнут не раз
всем рельефом обглоданным и уставшим...

Когда я сокрушалась о распаде империи, Володя шутил: «Экая же ты императрица!» Он принимал реальную действительность, никогда не жаловался, ценил то, что есть, повторяя присказку терпеливых предков: «Чем богаты, тем и рады».

Получив ваучеры, мы, все трое, не размышляли, как и куда их «вложить», а решили сохранить как свидетельство этого исторического обмана, поместив в наш домашний «музей государства и революции». Туда же мы складывали продуктовые и водочные талоны времен «перестройки», образцы сменяемых купюр времен инфляции. В ноябре 1991 года во время семейной прогулки мы нашли на обочине лесной дороги картонную коробку с партийными билетами и учетными карточками. Часть их тоже пополнила наш «музей».

На улице Чкалова мы прожили 20 лет.

Дома Володя обычно работал и по вечерам, и в выходные дни, но вечера у нас всегда были веселые, как и домашние праздники.

Близость пригородных лесов очень скрашивала жизнь на улице Чкалова. Относительно чистый воздух и отсутствие яркого уличного освещения позволяли видеть звезды, планеты и наблюдать прямо у дома или даже из окон лунные затмения, парад планет, прохождение комет. Небольшой телескоп, которым мы обзавелись, давал возможность разглядеть все это, но многое можно было увидеть и без всякой оптики. Звездное небо было столь естественной частью окружающей нас среды, что в начале девяностых годов, в период очередной «бессмысленной и беспощадной» русской революции двадцатого века, мне приснилось, что наш дом несется в космосе, окруженный звездами со всех сторон.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

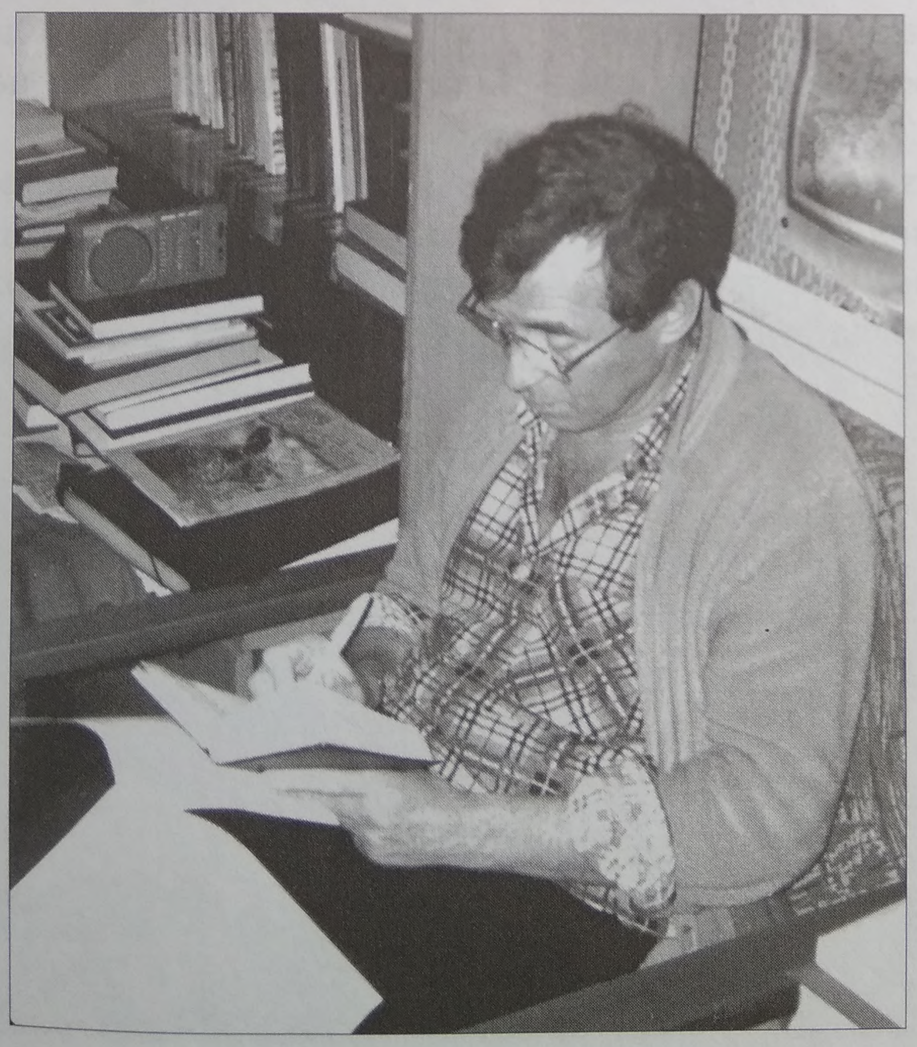
Федор Тютчев

Я привожу стихи, составлявшие часть нашего мира.

В один из двух выходных дней (другой отводился для работы) втроем отправлялись в долгие походы. Вскоре после того как был разрешен свободный проход по военной дороге вдоль цепи сопок с семью фортами на вершинах, мы не раз ходили по ней через весь полуостров Муравьева-Амурского от нашего района у Амурского залива до залива Уссурийского. Там было еще пустынно и очень живописно. Побывали на многих фортах Владивостокской крепости – впечатляющее зрелище! Шли и по тропе, ведущей от Ботанического сада к дороге вдоль Уссурийского залива и перевалу на пути к бухте Лазурной. На полуострове в тех местах еще сохраняется прекрасный таежный массив, с зарослями лимонника, винограда и актинидии – у горы Острой и в других, еще мало тронутых местах.

Зимой спускались от форта № 2 «вдоль да по речке, вдоль да по Седанке», по бугристому зеленовато-голубому льду до водохранилища. Ходили по льду не только на «Коврижку» (остров Скребцова, недалеко от Института биологии моря), но и на Речной остров у впадения в залив реки Раздольной и полуостров Де-Фриза. Там однажды какой-то злобный охранник натравил на нас трех крупных овчарок. Я прикрывала наш отход, отступая лицом к собакам, выкрикивая запрещающие команды и замахиваясь сумкой, когда

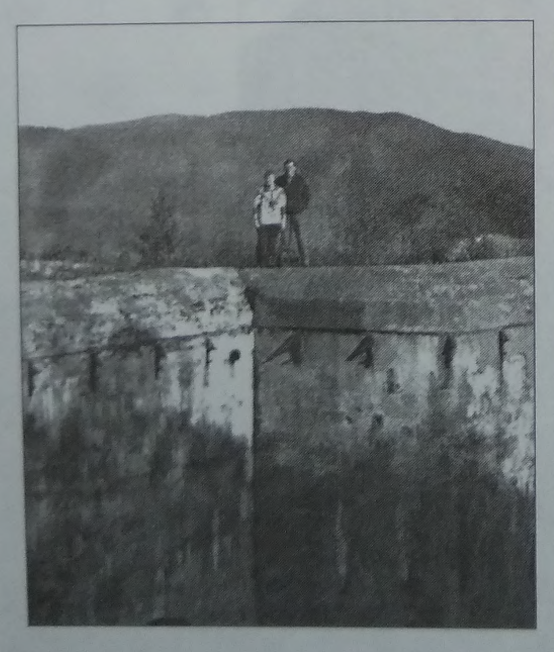
Домашние снимки

они делали попытку куснуть, – я лучше Володи и Коли понимала поведение собак. Поведение людей понимаю хуже и часто жестоко обманываюсь.

Много ходили и по городу. Вспоминаю, как на одной из окраин, с полуразвалившимися бараками и жалкими старыми домишками, увидели на почерневшей стене сарая надпись, выведенную белой краской, крупными аккуратными буквами, без ошибок: *Memento mori* – очень уместную среди той деградации.

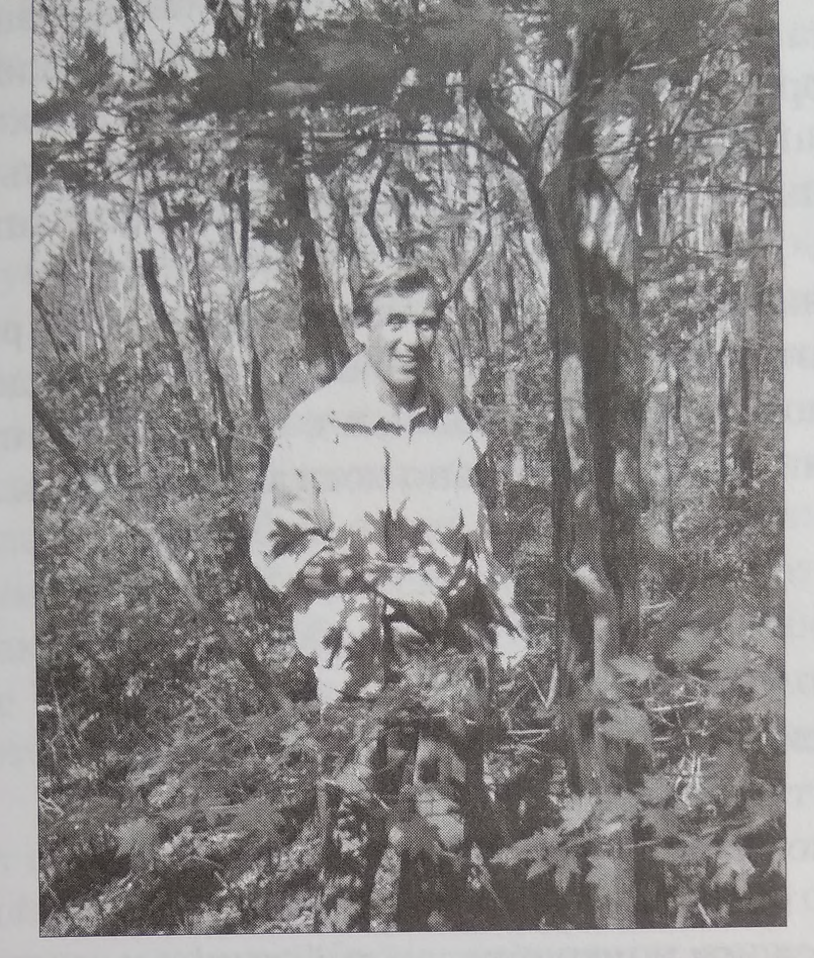
Последние годы мы жили на улице Бестужева, и, кажется, это было самое счастливое время для нашей семьи. Мы снова стали посещать концерты классической музыки. Очень радовал вид города, Амурского залива и бухты Золотой Рог из окон нашего двенадцатого этажа. Летом и зимой, при восходе и на закате солнца, поражала красота неба, моря, города. Дом окружает информационно и эстетически насыщенная среда рубежа XIX–XX веков. Под нашими окнами, на той же улице, находится особняк генерала Ирмана, одного из комендантов крепости Владивосток. Рядом два двухэтажных деревянных дома, в одном из которых в начале XX века жила семья немецкого архитектора Георга Юнгхенделя, спроектировавшего лучшие здания Владивостока; неподалеку – дом В.К. Арсеньева.

Мы исходили все ближайшие и отдаленные городские районы, рассматривая и фотографируя старую архитектуру, по-дружески общаясь со встречными кошками и собаками. У Володи была идея сфотографировать все старые дома Владивостока, прежде

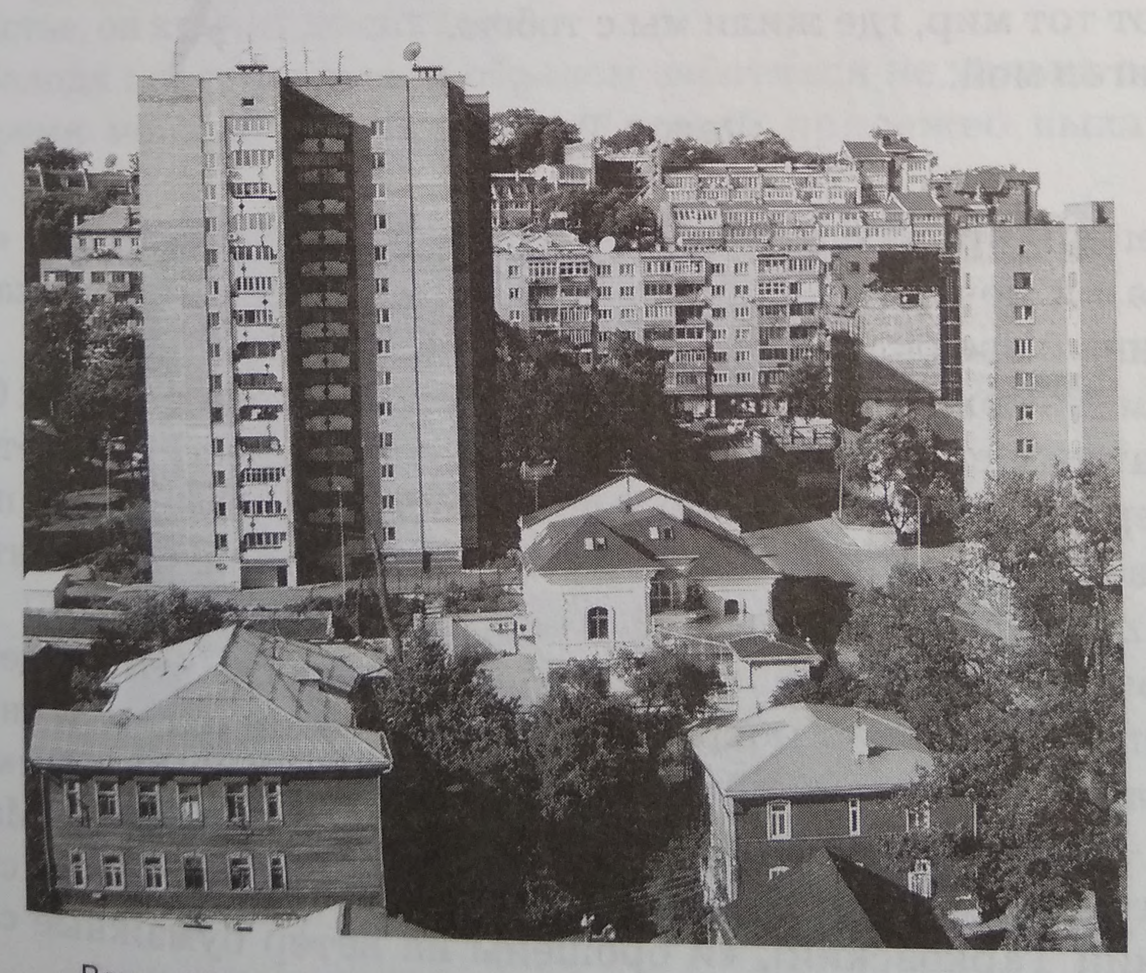

На фортах № 6 и № 3 Владивостокской крепости

Полуостров Муравьева-Амурского. На горе Острой

Вековой Владивосток под нашими окнами на улице Бестужева

чем они исчезнут. Для него история всегда была очень важной и интересной. В наших хождениях по городу он отыскивал необычные закоулки, дворики, домики, незаметные с основных улиц.

После трагического 1 октября 2005 года сколько раз в своих снах я отчаянно бегала по этим местам, в ужасе тщетно разыскивая Володю...

Дома у нас росли большой красивый кипарис, араукария – почти до потолка, сосенка, елочка, цвела орхидея. Зимой окна расцветали морозными узорами, а с приходом тепла от рассвета до заката за ними стремительно носились стрижи...

...Черно-синий
выстрелит стриж.
И вдоль по сердцу
носится
с криком своим изумленным: вий-вии!

Владимир Набоков

Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой...

Федор Тютчев

Теперь это мой «разоренный дом» (Анна Ахматова), «город исхудал и почернел», «вечер пуст, как прерванный рассказ, оставленный звездой без продолженья» (Борис Пастернак).

У меня сохранилось множество писем Володи и других бумаг, написанных его очень характерным – стремительным, летящим – почерком занятого, увлеченного и открытого человека, почерком, дающим ощущение его живого присутствия. Фрагменты его писем приведены в конце книги.

При разборе семейного архива оказалось, что за десятки лет нашего общения я написала Володе сотни писем, и он тоже хранил их. Теперь мне приходится писать «Письмо в бесконечность. – Письмо в беспредельность, Письмо в пустоту» (Марина Цветаева) – реквием Володе. «Судьба моя сгорела между строк» (Арсений Тарковский), «и брошены на ветер бумажные слова» (Варлам Шаламов).

Белый кот Егор, или просто Котик, с разноцветными глазами – один голубой, другой зеленый, которые ночью светятся по-разному, красным и зеленым, – был нашим домашним духом. Володя забавно играл с ним, они «дрались» почти каждый вечер. Стоило Володе вернуться с работы – Егор сразу прыгал на стул, как цирковой лев на тумбу. Мы с Колей смотрели на их «сражения» и хохотали. Теперь мне ясно, что Володя не просто развлекал кота, а устраивал веселое представление для нас. До разноглазого у нас был другой белый Егор, проживший с нами 8 лет. А самый первый, серый полосатый Егор, которого Володя завел еще до нашего переезда во Владивосток, был очень самостоятельным существом и безудержным гулякой. По рассказам Володи, тот первый Егор однажды «пешком» сумел добраться со станции «Восток» до квартиры на улице Чкалова. Дома он отъедался и отсыпался не дольше недели, потом садился у двери и рвался на волю, и однажды не вернулся.

Третий кот прожил в нашей полной семье 14 лет – половину нашей совместной жизни с Володей. После черного 1 октября Котик бродил по квартире и кричал, бросался к двери, когда кто-то приходил, – он ждал Володю. Теперь Котик остается живым напоминанием о нашем былом счастье – былом чуде. Котик понял, что случилось несчастье, он кричит до сих пор…

Володя поразительным образом заботился не только о котах. Во время моих командировок он всегда прилежно выхаживал

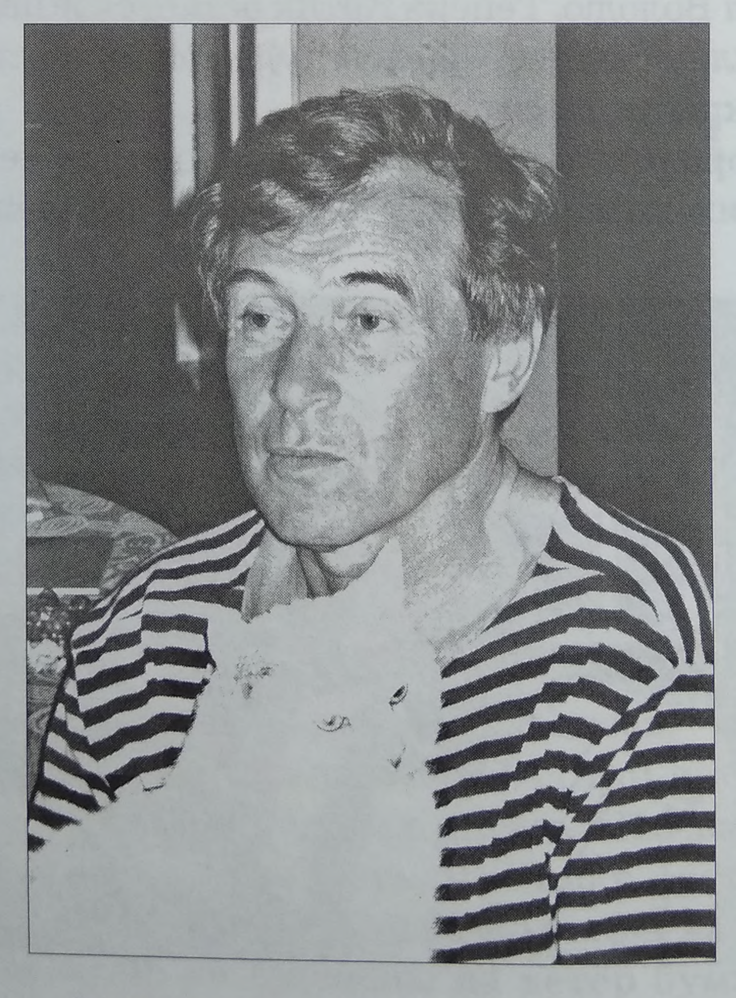
Случайная встреча (2005)

наши домашние растения, никогда не погубив ни единого; упоминать о его заботливом отношении к Коле просто излишне. У нас дома часто стояли и срезанные цветы, чаще розы, но бывали и лилии, и сирень, даже соцветия орхидей, подаренные Володе в юбилейный день рождения.

Мы помнили друг друга юными первокурсниками, потом аспирантами, и запечатленный в памяти молодой облик проступал сквозь все последующие возрастные наслоения – мы обсуждали с ним эту особенность нашего видения. Наше семейное счастье и единение было таким естественным и органичным, что мы воспринимали его как природную атмосферу. Двенадцатый этаж в доме на улице Бестужева был нашим волшебным воздушным замком, счастливым миром нас троих, я отчетливо понимала это и надеялась еще на долгое счастье в этом раю.

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком...
Этот мир невозвратно-чудный...

Марина Цветаева

За просмотром телевизионных новостей

Когда кто-то из нас уходил из дома, остающийся смотрел в окно, а уходящий непременно оборачивался, чтобы помахать рукой, – это было нашей многолетней традицией. Когда я ждала Володю, то старалась высмотреть его в окно и бежала на лестничную площадку, чтобы встретить. В последние годы его рабочая нагрузка была непомерной, и я видела, как устало шел он с тяжелым портфелем, возвращаясь вечером пешком из президиума ДВО РАН, куда отправлялся после рабочего дня в институте. Но в ответ на мой вопрос: «Устал?» – отвечал шуткой: «Отдохнул!» Мы все много работали и, конечно, уставали. Но наша радость возвращения домой была неизменной. По вечерам вместе смотрели программу новостей, при этом на коленях у Володи обычно пристраивался Котик. Потом болтали, шутили и веселились, понимая друг друга с полуслова и одного взгляда.

Наши скромные семейные пиры превращались в праздники. Володя от природы был остроумен, быстро выдавал неожиданные смешные ассоциации, и временами возникал фейерверк шуток – мы взрывались легким, радостным, беззаботным весельем. Теперь лишь на наших домашних фотографиях мы остаемся беспечными и счастливыми, только на них запечатлено наше потерянное счастье – немыслимое и неправдоподобное, наш утраченный рай, который теперь только снится...

Сны только снятся нам,
Снятся и тают.

Павел Антокольский

Ты смотришь на меня из темноты
Моих ночей, придя из дальней дали...

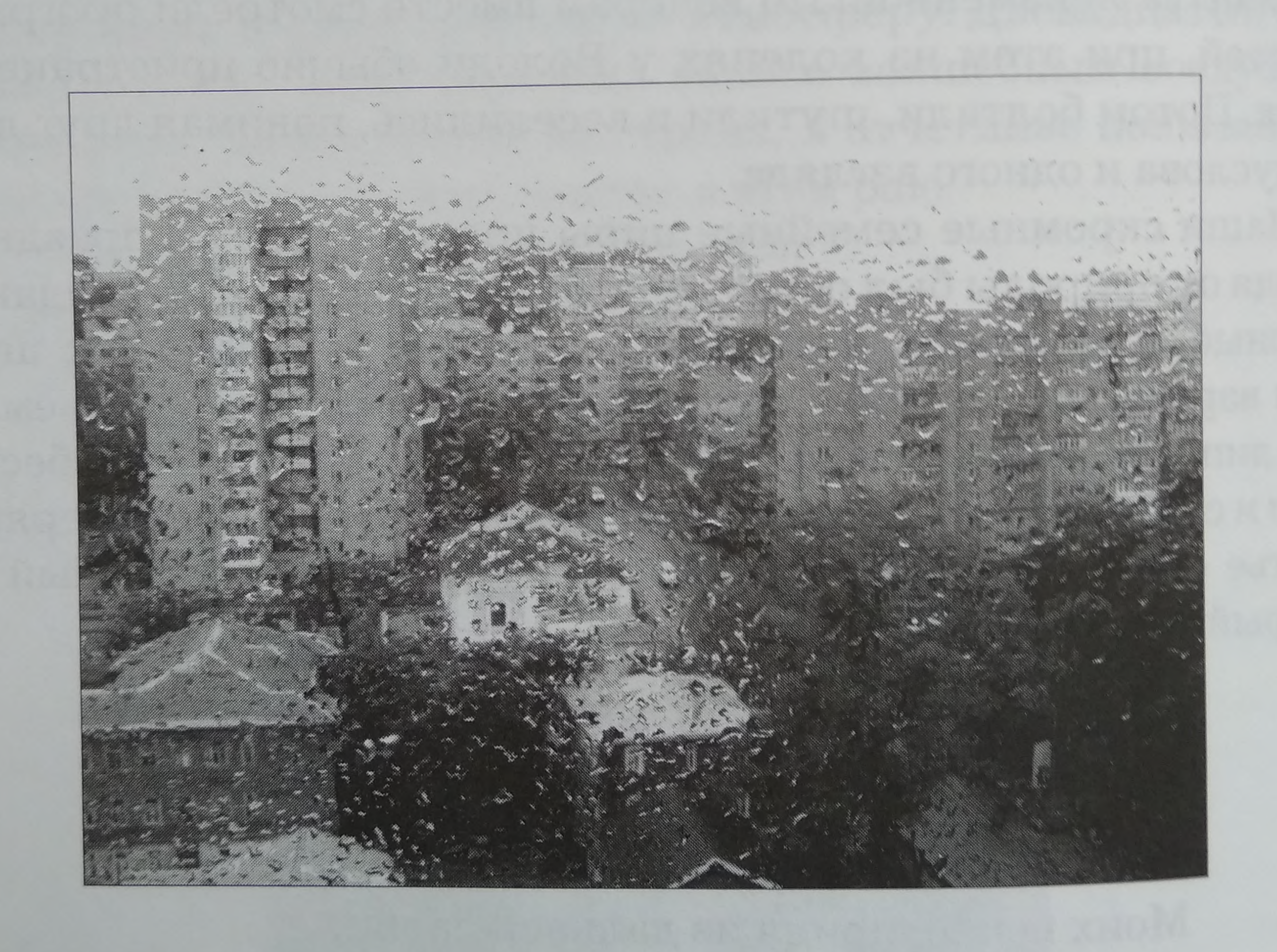
Франческо Петрарка

Шутки уже не вспомнить, но во время встречи дома втроем очередного Нового года Володя минут за пять сочинил два стихотворных тоста, я тут же записала их. Эти экспромты – лишь пара искорок касьяновского костра, согревавшего нашу семью; они замечательны не только практически мгновенным возникновением и вполне изящной формой, но и тем, что отражают постоянно присущие Володе склонность к прощению и устремленность ввысь:

Я поднимаю бокал
За без вины виноватых,
И без вина виноватых,
И бездну всех виноватых,
И чтобы Бог их простил!

Я поднимаю бокал
За звезды, солнце и небо,
За те высоты, где не был.
Я поднимаю бокал
До звезд, до солнца и неба,
До тех высот, где я не был,
Я поднимаю бокал!

Теперь он постоянно пребывает на тех высотах...

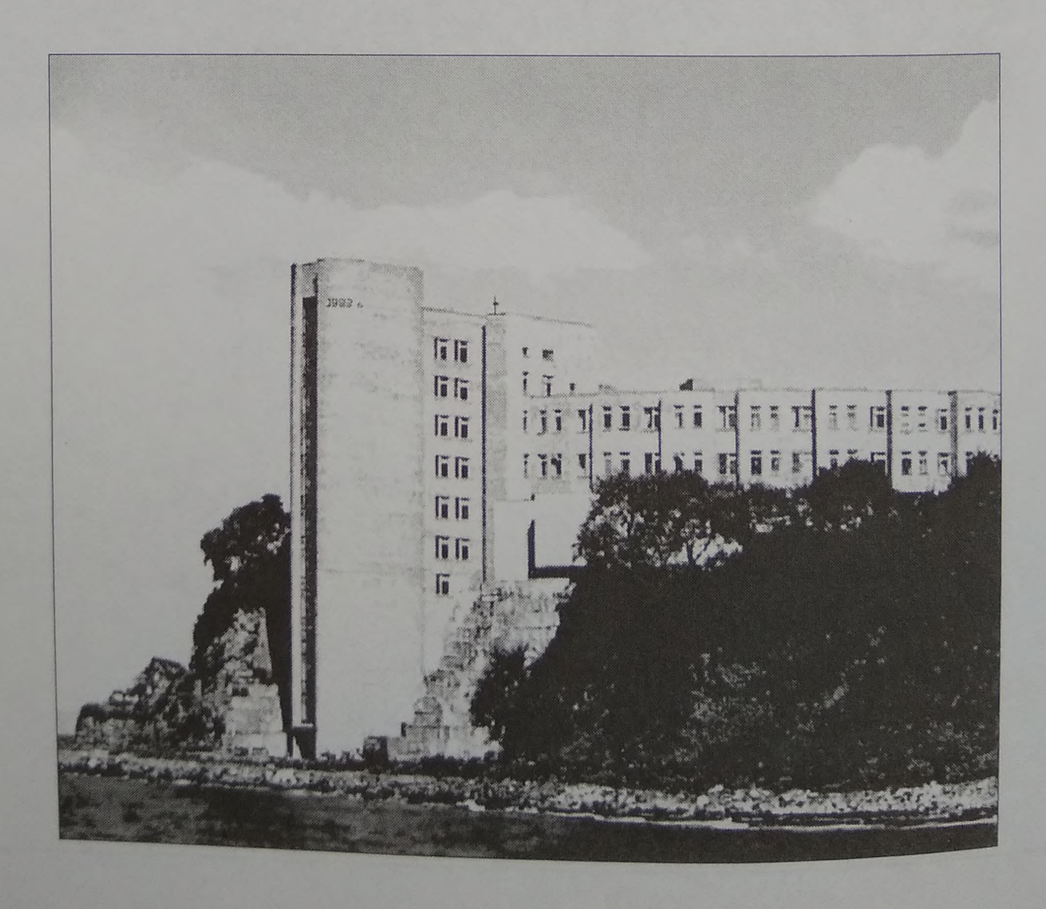
Институт биологии моря

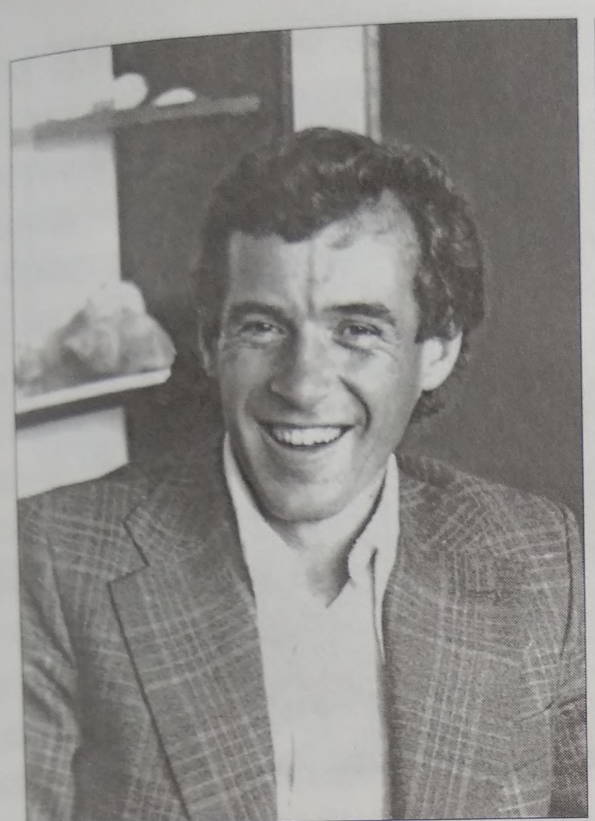
Это было у моря,
Где ажурная пена...

Игорь Северянин

Володя, Владимир Леонидович Касьянов (ВЛК) приехал во Владивосток в начале лета 1971 года, в незадолго перед тем, 1 января 1970 года, организованный Алексеем Викторовичем Жирмунским (АВЖ) Институт биологии моря, после встречи с АВЖ у него дома в Ленинграде. ВЛК не раз рассказывал мне об этой встрече, о приезде во Владивосток, о первом дне, прожитом в гостинице «Золотой Рог». Эти истории очень живо переданы в газете «Дальневосточный ученый» (1994, 22 июня) Александром Калининым: «Жирмунский встретил любезно, сам показал всё – несколько комнат в здании Дальневосточного геологического института. Сказал, что буду работать в его лаборатории. Показал «тычок» – полстола: «Это ваше рабочее место». Вызвал какого-то сотрудника и спросил: «Вы вроде бы женились? Поздравляю! Переезжайте к жене, койку освободите – там будет жить Касьянов». Так Владимир Леонидович получил место в общежитии».

До переезда во Владивосток АВЖ был ученым секретарем Института цитологии в Ленинграде. Я видела его в этом институте и на научных конференциях, а однажды, в конце 60-х годов, он привез какого-то американского ученого в Петергофский БНИИ, где я тогда работала, и мне пришлось рассказывать о научных исследованиях в нашей лаборатории. АВЖ запомнил это и потом уже во Владивостоке говорил, как хорош тогда был мой английский. На самом деле говорила я плохо, как и большинство

В Институте биологии моря (1975, 1977)

АВЖ и ВЛК: директор и его заместитель (1987)

С директором и почетным директором

научных сотрудников тех времен, но АВЖ ценил благие порывы. Перед моим переездом во Владивосток Таня – Татьяна Николаевна Игнатова из Института цитологии – в ответ на мой вопрос об АВЖ сказала, что он был «совестью института». Таня достаточно хорошо знала Алексея Викторовича: помимо общения в институте они вместе осваивали профессиональную технику подводных погружений.

Во Владивостоке АВЖ – основатель Института биологии моря, морской биологической станции «Восток», первого и пока единственного в стране морского заповедника, академического журнала «Биология моря», кафедры морской биологии (клеточной биологии) в Дальневосточном государственном университете, малой академии морской биологии для школьников – стал демиургом научного мира для сотен морских биологов Дальнего Востока. Именно АВЖ в полной мере смог разглядеть и развить организаторские способности ВЛК, проявившиеся у него еще в родительской семье и потом в Ленинградском университете.

Я дважды слышала рассказ АВЖ о том, как он впервые оценил организаторский талант Володи: вскоре после приезда он поручил ему вести собрание на станции «Восток». Увидев, как младший научный сотрудник ВЛК, непринужденно восседая на бочке, успешно руководит всем мероприятием, АВЖ понял: вот прирожденный организатор.

Дружеские отношения Володи с Алексеем Викторовичем были неизменными: приходили на дни рождения друг друга, часто вместе встречали Новый год. Мы многократно навещали АВЖ у него дома, и он много раз бывал у нас на улице Чкалова, успел навестить и на улице Бестужева. Наш нелюдимый Котик, признававший, подобно собачке, только нас троих, удивительным образом всегда был очень внимателен и любезен к АВЖ, по-видимому чувствуя наши родственные отношения: всегда приходил, подсаживался поближе, давал себя погладить. АВЖ тоже неизменно ласково приговаривал: «Хороший, хороший котик!»

Алексей Викторович, вопреки мнению некоторых сотрудников института, обладал замечательным чувством юмора и нередко очень веселил нас. Так, увидев на мне довольно массивное украшение, одобрительно сказал: «Какая у Вали красивая сбруя!» Но такой юмор не все и не всегда принимали. Мне очень нравилось выражение АВЖ: «Это не мое собачье дело!» – которое и я переняла у него. Нравились и его прозвища функционеров: «обкомыч», «профкомыч».

И в науке, и в научно-организационной деятельности Жирмунский оставался смелым и закаленным младшим лейтенантом Великой Отечественной войны, с широкими научными интересами и необыкновенной энергией. Изменение политической жизни и географической карты страны и мира в 1991 году он сразу определил как новую революцию. Как-то в девяностых годах

мы вместе ехали в институт вдоль моря по проселочной дороге над Транссибом, забитой по обочинам автомобильными остовами, и АВЖ тяжело сказал: «Как на войне».

В девяностые же годы Алексей Викторович подарил мне свою фотографию с дарственной надписью.

За неделю до смерти, в октябре 2000 года, ему стало плохо в лаборатории. Вызвали врачей, сняли кардиограмму – она оказалась невозможной для регулярно ходящего на работу человека: на кардиограмме практически не было типичных зубцов, лишь невысокие, слабые волны. 19 октября он был на институтском ученом совете, выступал. А вечером лег спать – и остался лежать в спокойной позе на боку, укрытый одеялом. Таким мы с Володей увидели его утром 20 октября. Не веря в произошедшее, я позвала Алексея Викторовича, тронула его за плечо... Рядом, на столе, увидела в простой рамке небольшой фотопортрет Нади Христофоровой, его жены. Вспомнила, как Алексей Викторович в гостях у Семеньковых (кажется, мы праздновали наступление 1978 года) легко, по памяти, прочел стихотворение Блока:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе...

После смерти Алексея Викторовича, проходя мимо его дома на Академической, где его уже никогда не будет, мы с Володей каждый раз чувствовали, как нас тянет зайти к нему...

Дорогой Вале Исаевой
с самыми добрыми
пожеланиями и
сердечным приветом
А. Жирмунский

Подаренная мне фотография АВЖ

Удивительным образом стараниями ВЛК и других людей удалось осуществить неканонический, мрачно-торжественный, горестный и прекрасный ритуал прощания с прахом Алексея Викторовича, развеянным, в соответствии с его волей, у скалистых островков Верховского в заливе Петра Великого...

В свою последнюю поездку в Москву в сентябре 2005 года ВЛК добился решения о присвоении Институту биологии моря имени А.В. Жирмунского – так он в последний месяц своей жизни исполнил долг памяти учителю и другу, который считал очень важным. В блокноте-ежедневнике Володи, записи которого оборвались 1 октября 2005 года, день памяти Алексея Викторовича, 20 октября, отмечен заранее.

Велика была роль АВЖ в приобщении ВЛК к ответственной административной работе, к которой исходно Володя не чувствовал ни склонности, ни тяги. С 1973 года ВЛК начал заведовать лабораторией эмбриологии, тогда еще малочисленной; в 1977–1978 годах стал на какое-то время заместителем директора, но отпросился с этой должности писать докторскую диссертацию. После защиты, в 1985 году, ему пришлось-таки снова принять обязанности заместителя директора. А с 19 января 1989 года до рокового 1 октября 2005 он был вторым за всю институтскую историю директором ИБМ. В 1994 году ВЛК был избран членом-корреспондентом, в 2000-м – действительным членом Российской академии наук.

В институте почти 500 человек; в его штат входят и водолазы, и команды двух судов, и сотрудники экспериментальных станций. Большинство исследований выполняются в экспедициях и на станциях «Восток» под Находкой, «Сокол» на Сахалине, «Радуга» на Камчатке. Помимо заведования этим большим и непростым хозяйством, постепенно расширялся круг других обязанностей ВЛК: председатель ученого совета и совета по защитам кандидатских и докторских диссертаций, главный редактор журнала «Биология моря», член редакционных советов других журналов, директор Академии экологии, морской биологии и биотехнологии ДВГУ, председатель объединенного совета по биологическим наукам, конкурсной комиссии ДВО РАН, научного совета Минпромнауки по федеральной целевой программе «Исследования Мирового океана», секции заповедного дела научного совета РАН по биоразнообразию, первый заместитель председателя президиума ДВО РАН и член президиума РАН, член научных советов

Выступление в конференц-зале
Дальневосточного геологического института (1989)

Рядом с выдающимся морским биологом
Олегом Григорьевичем Кусакиным

РАН по онтогенезу, биоразнообразию, гидробиологии, региональному развитию, вице-президент фонда Отто Кинне, Гидробиологического общества РАН, председатель национального комитета Международной геобиосферной программы (International Geo-Biosphere Program, IGBP) и ее Восточно-Азиатского комитета (Temperate East Asia Committee, TEACOM; System for Training, Research and Analysis, START), член экспертной комиссии Госсовета РФ по экологической безопасности и совета при президенте РФ по науке, технологиям и образованию… Сейчас эти обязанности поделены между несколькими людьми, а он поразительным образом успевал один…

В 1980–90-е годы, когда ВЛК часто был недоволен своей административной работой, он не раз приговаривал, что лучше пойдет работать санитаром в больницу. «Почему санитаром?» – спрашивала я. «Потому что польза от санитара несомненна». Идея работать санитаром была у него в этот период почти навязчивой. Но и в своей административной работе он тоже бросался спасать людей и идеи от чьего бы то ни было несправедливого отношения и пренебрежения – он всегда был социально ориентированным спасателем, спасителем.

Демократичный стиль, установленный в ИБМ Алексеем Викторовичем Жирмунским (при этом временами восклицавшим: «К черту демократию!»), усилился во время директорства ВЛК. Он всегда допускал инакомыслие. Нередко с ним не соглашались, публично выступали против – ВЛК никогда и в мыслях не допускал возможности какого-либо преследования за это. Даже в научной среде не всегда понимают, что отказ от применения «силовых» административных воздействий – это проявление подлинного мужества и силы. И в ИБМ «непротивление насилием» со стороны ВЛК некоторые принимали за его податливость. Однако, всегда внимательно выслушивая все мнения и советы, окончательное решение он принимал самостоятельно.

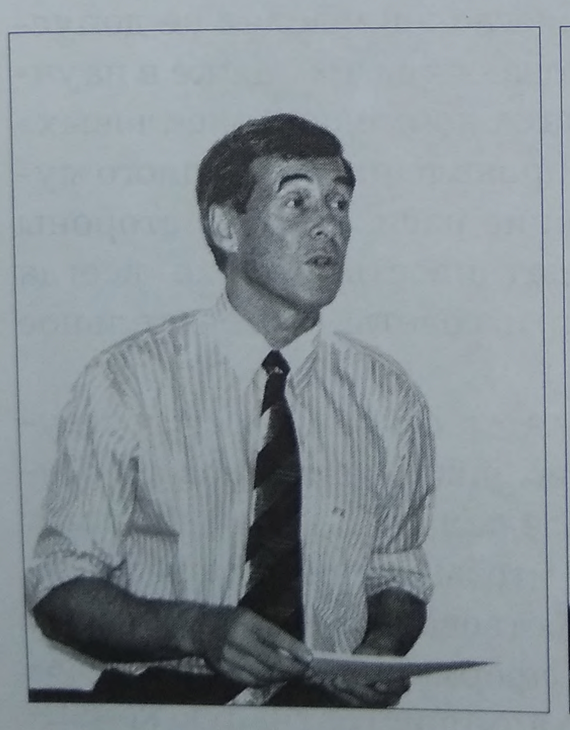
Есть два типа лидеров: одни стремятся сохранить существующий порядок, другие способствуют возникновению нового. Лидеры второго типа, к которым принадлежал ВЛК, предпочитают использовать свое лидерство для того, чтобы расширить возможности других, дать перспективу, способствовать самоорганизации и творчеству коллектива. ВЛК удалось сформировать замечательную, очень успешную, подлинно боевую административную команду: ученый секретарь Владимир Евгеньевич Жуков, заместители

директора – Виталий Георгиевич Тарасов, Андрей Борисович Имбс, Дмитрий Леонидович Питрук, Андрей Владимирович Адрианов. Выбранный при ВЛК членом-корреспондентом РАН А.В. Адрианов теперь возглавляет ИБМ и в свои 42 года стал академиком.

А.В. Адрианов, Д.Л. Питрук, В.В. Юшин и другие словесно нарисовали выразительный портрет ВЛК «в интерьере» института и лаборатории и его экспедиционный облик («Вестник ДВО РАН» 2000, № 1; 2006, № 1).

Людей по отношению к ВЛК я разделила бы на две категории: работавших в одной упряжке с ним и помогавших ему и тех, кому помогал он. ВЛК был редким пассионарием и мощным донором. Став директором, ВЛК предпочитал достижение справедливости путем установления единых требований, равного внимания ко всем и равномерного распределения материальных средств. Эту тактику АВЖ определял поговоркой «всем сестрам по серьгам», она далеко не всем нравилась: многие ведь склонны рассчитывать на более значительные средства для реализации своего научного потенциала.

ВЛК всегда стремился к открытости, прозрачности работы дирекции. Приказы вывешивались для общего сведения, на общих собраниях директор делал полный отчет о работе института за каждый год, за пятилетний срок. Такие отчеты обязательно содержали и сведения об объеме и структуре финансовых затрат

На заседании в ИБМ; с заместителем директора Дмитрием Леонидовичем Питруком

института. Как он писал в одной из программ, «внутренняя политика, включая финансовую, должна быть активной, открытой, понятной и прозрачной»; «в центре постоянного требовательного внимания руководства должен быть каждый научный сотрудник»; «следует всеми мерами поощрять публикации научных результатов в ведущих международных и отечественных журналах и участие научных сотрудников в международных конференциях». ВЛК всегда следовал этим принципам. Последний пятилетний отчет, за 1999–2004 годы, полностью приведенный в конце книжки, убедительно свидетельствует об открытости директора ИБМ, его ответственности и глубоком уважении к сотрудникам.

Его бескорыстие, великодушие и готовность помочь нередко пытались эксплуатировать, и в итоге у него выработался принцип: «Выслушать всех и поступить по-своему».

Он легко отдавал собственные деньги, бывало, и безвозвратно; приходилось нам из нашего семейного дохода иногда чужие долги выплачивать, и один был немалым. Володя не забивал голову размышлениями о бытовых денежных делах, я тоже, и у нас никогда не было накоплений. Мы были беспечны, и оба полагали, что деньги нужны только для того, чтобы о них не думать. Хотя многие считают иначе, даже в академической среде. Давно уже писал Евгений Баратынский:

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.

Это ясно проявилось с началом событий «перестройки» (современной революции), которые писатель А. Варламов оценил как «время невероятно мутное, когда под видом очищения все стали искать собственную выгоду». ВЛК не вписывался в эту реальность, не умел и не хотел пользоваться теми возможностями, которые создавало его положение. Случалось, преуспевающие «новые русские» (разумеется, вне института) предлагали ему в той или иной форме взятки, но это вызывало у него единственную реакцию – смех. Один его подчиненный наловчился извлекать прибыль из своего положения и к тому же бессовестным образом делал вид, что к прибыли причастен и директор. ВЛК даже предположить не мог ничего подобного и, узнав об этом, немедленно уволил этого начальничка, а тот и после увольнения пытался вредить директору.

В условиях, разрушающих российскую науку, ВЛК в пределах своих возможностей прилагал все усилия для ее защиты и сохранения человеческих ценностей. Если бы он ставил целью личные достижения, научные или карьерные, личное обогащение, то его ум и таланты, думаю, позволили бы ему добиться на этом пути многого. Но это было совсем не нужно ему. ВЛК без сожаления тратил свое жизненное время, силы и здоровье, отдавая их множеству людей. Он никогда не жаловался на свои недомогания, высокое давление, головную боль.

Когда я приехала во Владивосток, лаборатория эмбриологии, четырех лет от роду, была небольшой и отнюдь не сильной. В ее составе были и довольно случайные люди, оказавшиеся за бортом других лабораторий и спасаемые ВЛК. Он шутливо называл свой коллектив «инвалидной командой». И он сумел превратить лабораторию эмбриологии в большую, успешно работающую, получившую признание в качестве ведущей научной школы, поддержанной грантами Российского фонда фундаментальных исследований и президента РФ. Возглавляя коллектив, он не только никогда не «приписывался» к работам своих сотрудников, что было противоестественно в сравнении с обычной практикой многих заведующих, но и отказывался становиться соавтором даже тех работ, в планировании и обсуждении которых постоянно и активно участвовал. Заимствование чужих данных было невозможным и ненужным для него, зато он постоянно дарил идеи и возможности работы другим. В лаборатории регулярно проходили семинары, на которых обсуждали научные планы и отчеты, представляли статьи, делали научные доклады; число эмбриологических семинаров уже приближается к семистам. Мнение ВЛК о научной работе сотрудников всегда было очень содержательным и существенным для судьбы продолжающихся исследований. Он старался организовать сотрудничество эмбриологов, да и не только эмбриологов, с исследователями из других институтов и стран – и оставался в стороне от соавторства появлявшихся в итоге такой работы публикаций. Не раз я замечала эксплуатацию и заимствование его идей, и не только в пределах нашей лаборатории. Я говорила ему об этом, но он шутливо отвечал мне присказкой о священнике, вполне удовлетворенном регулярными хищениями Библии из его храма. А уж книги из рук ВЛК уплывали постоянно и безвозвратно. Он мог бы быть священником (мы обсуждали с ним и такую теоретическую возможность),

пастырем по призванию, не осуждавшим «заблудших», а старавшимся им помочь.

Чувство собственности и заботы о себе было поразительно редуцировано у него: он легко и с удовольствием отдавал людям вещи, время, усилия. В этом проявлялись его широта, даже величие, но тем самым он распылял, диссипировал свое жизненное время и энергию, не стремясь (хотя и не будучи безразличен) к карьерным достижениям. Я никогда не встречала такого альтруиста и вместе с тем талантливого интеллектуала высокого уровня. Меня огорчало, что свой интеллект, быстроту и остроту мыслей, свою редкую способность к неожиданным и глубоким ассоциациям ему приходилось тратить все в большей мере не на научную деятельность, а на других людей, совещания, бумаги, особенно во второй половине жизни, в русле административной работы, превратившемся со временем в обширную дельту. Позже я поняла, что это служение людям и своим идеалам необходимо ему и неизбежно.

Желание помочь временами возникало у него спонтанно, неожиданно для него самого. Такова, например, история с организацией лекций в библиотеке слепых: мы часто проходили мимо этой библиотеки, расположенной на нашей улице Чкалова, и однажды разговорились о сложностях получения информации слепыми людьми. ВЛК внезапно сказал: надо организовать здесь чтение лекций. Я тут же согласилась поучаствовать. ВЛК немедленно, играя словами, выдал название для моей лекции по эмбриологии: «Детки в клетке и клетки в детках» (до сих пор я так и занимаюсь именно этим, половыми и стволовыми клетками). Несколько лекций наши сотрудники прочли, потом стало трудно находить желающих – время альтруистов уходило.

Много времени ВЛК уделял ДВГУ и МАМБу – малой академии морской биологии для школьников. Во время его руководства университетской Академией экологии, морской биологии и биотехнологии был создан научно-образовательный центр ДВГУ и ДВО РАН; университету удалось получить крупный грант американский организации CRDF (Civil Research Development Foundation). Обучение студентов ДВГУ научными сотрудниками ИБМ и других академических институтов ВЛК считал очень важным. Он сам читал курс лекций по биологии размножения, уделяя подготовке к лекциям много времени. В своей программе действий он писал: «Следует всемерно поддерживать и развивать

Лаборатория эмбриологии

С преподавателями малой академии морской биологии

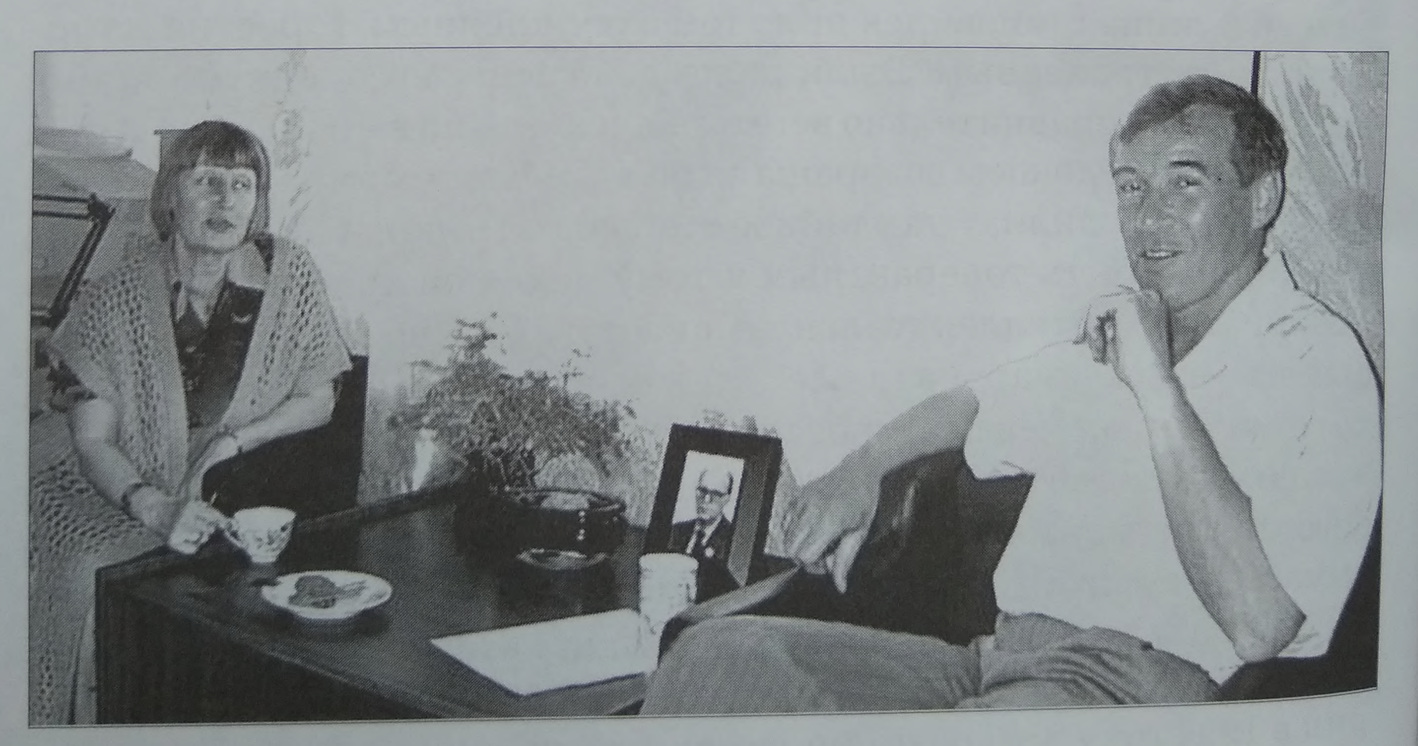
сложившееся, в частности в рамках ФЦП «Интеграция», взаимодействие ДВО РАН с вузами Дальнего Востока, что повышает уровень вузовского образования и обеспечивает приток молодых кадров в науку – без такого взаимодействия наука обречена на стагнацию» – и постоянно следовал этой линии в крупных и малых делах. ВЛК находил время контролировать успеваемость студентов, он показывал мне бумажки, на которых были написаны фамилии отстающих студентов и названные ими даты ликвидации «хвостов». Много сил, времени и нервной энергии ВЛК потратил вместе с Дмитрием Кравченко, начальником морской биологической станции ДВГУ в Заповедном, вблизи села Киевка Лазовского района Приморского края, на строительство и приведение в порядок этой станции. Помню, когда мы впервые приехали туда и увидели запустение, разруху, крыс в двухэтажном деревянном здании, у него разболелась голова от огорчения. Тогда же он решил добиться создания хорошей станции, пригодной для постоянной практики студентов. У меня иногда спрашивали, зачем ВЛК нужна эта станция. Мне такие вопросы казались странными и обидными. Но ВЛК не обижался – ведь он старался не для себя, а для других, для студентов, для университета, никогда не выставляя напоказ свои старания и честность...

Прекрасная наивность идеалиста помогала ВЛК выносить даже такие эксцессы, как агрессивные временами выступления коллег, борьбу за псевдолидерство «ветвей власти» в ученом совете. Он лишь становился при этом отчужденным, горестно и горделиво отстраненным. Были даже доносы на него, однако время снова стало «сравнительно вегетарьянским», по выражению Анны Ахматовой, и доносы возвращали по адресам тех учреждений, откуда они исходили, – так тайное становилось явным. ВЛК нередко продолжал быть толерантным к тому, что я оценивала как нравственную и интеллектуальную низость. Со своей нравственной высоты он рассматривал все это как человеческую слабость, на которую не должен реагировать, которую не желал даже замечать и запоминать, объясняя свою позицию необходимостью объективного, непредвзятого отношения к людям, особенно подчиненным ему. «Приходится быть психиатром», – говорил он мне.

Очень трудными по рабочей и психологической нагрузке оказались для него времена «перестроек» 1991–2005 годов. Он говорил в 1994 году, что позиция директора института – «как в глубоком окопе... Кое-как держимся».

Автор книги «Трудные годы советской биологии. Записки современника» (1992), Владимир Яковлевич Александров, пришел «к грустному выводу: популяция ученых (впрочем, как и другие человеческие популяции) в моральном отношении оказывается весьма хрупкой». Эта нравственная хрупкость проявляется отнюдь не только во времена, например, «лысенковщины». Впрочем, биологам не следует сетовать на низкий уровень нравственности сообществ людей. Великий и мудрый зоолог-систематик Владимир Николаевич Беклемишев писал, что жизнь всегда основана на борьбе и гибели, по Библии, «мир лежит во зле».

После выборов директора или председателя ученого совета института я чувствовала «кожей», кто голосовал против ВЛК, – по многим, иногда явным, иногда почти неуловимым признакам. ВЛК никогда не хотел знать этого, а главное – не желал менять свое отношение к людям в зависимости от их позиции при голосовании. При этом он был раним ничуть не менее других и очень чувствителен к неприятным деловым разговорам, к грубости, истерикам и капризам сотрудников, после чего не мог заснуть всю ночь. Позже стал принимать снотворное – ведь наутро нужно было снова идти на работу и не срываться. Его выдержку, терпение и корректность многие принимали либо за податливость, либо за некую «непробиваемость», а он тоже нуждался в заботе, внимании и бережном отношении, радостно отзывался на доброе и бескорыстное отношение к нему – но никогда не просил этого.

В директорском кабинете во время обеденного перерыва (2000)

Доброжелательность, оптимизм, «презумпция» ума, порядочности и благородства окружающих людей – эти несомненные признаки нравственного здоровья, расцениваемые психологами как «приметы счастья», всегда были присущи ВЛК. Агрессивность же, свойственная ущербным людям, – примета несчастья. Я помню, как АВЖ во время нашего традиционного послеобеденного чаепития в институте, комментируя злобные публичные выпады одного из сотрудников, мирно сказал: «Он бедный – его жена не любит».

Володе был близок дух и смысл стихотворения Редьярда Киплинга, обычно именуемого «If» (сам автор не дал ему названия), часть которого он однажды процитировал на языке оригинала на общем институтском собрании. Этот отрывок включал утверждение, что следует с равной стойкостью встречать и триумф, и беду (полностью это стихотворение Киплинга с переводом Михаила Лозинского приведено в конце книжки).

Сходную идею выразил Борис Пастернак:

Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

Само слово «победа» – производное от «беды», и мы с Володей говорили об этом. Теперь в этимологическом словаре Макса Фасмера я прочла, что слово «победа» когда-то означало также и «поражение» – значение, сохранившееся в выражении «победная головушка». Словарь Фасмера, как и множество других словарей и энциклопедий, – приобретение Володи, ведь разгадывание этимологии, как и чтение словарей и энциклопедий, было с детства его любимым занятием.

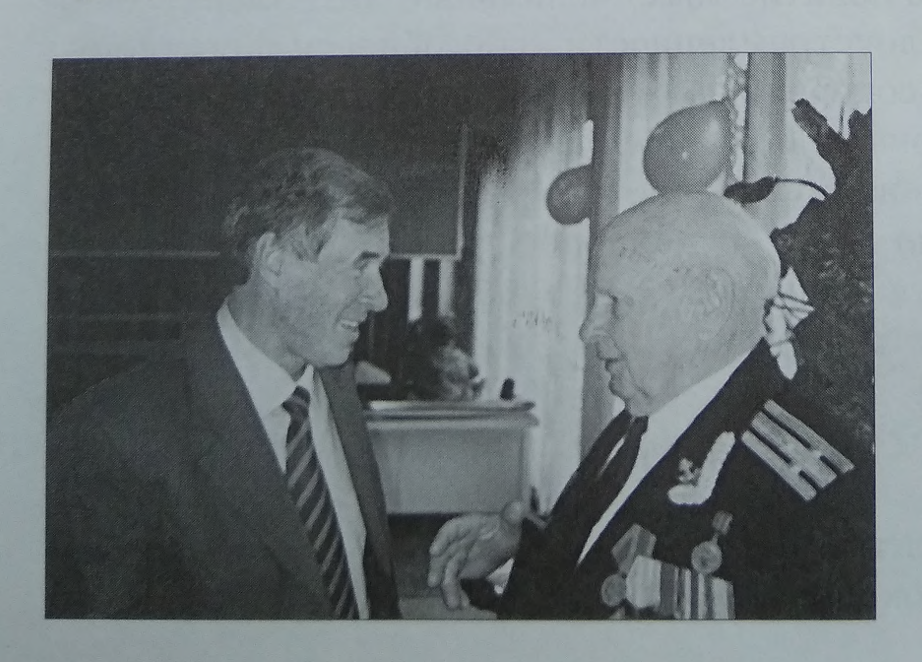
В психологии есть понятие «эмоциональный интеллект». Оно включает оценку целеустремленности, способности контролировать свои чувства, сопереживать и помогать другим. Высокий коэффициент эмоционального интеллекта не часто совпадает с высоким коэффициентом интеллекта – общеизвестным и более принятым. Именно такое совпадение, счастливое для его носителей, было свойственно ВЛК. В его поведении совершенно отсутствовали важность, напыщенность, напускная многозначительность чиновника или «выдающегося ученого». Ему нравилось стихотворение Гавриила Державина, выражавшее близкую жизненную позицию:

Не умел я притворяться,
На святого походить,

Важным саном надуваться
И философа брать вид,
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.

Простота, естественность, отсутствие позы, чуткость, теплота, легкая и веселая ирония, талант заинтересованного и ненавязчивого общения были органичны для ВЛК и создавали впечатление, что он достигал успехов легко, играючи. Но ему далеко не всегда удавалось жить играючи и припеваючи, как хотелось бы. Вспоминая теперь о ВЛК, многие рассказывают о веселых праздниках и застольях с его участием. Но праздники были лишь частью его служения людям, подобно семинарам и заседаниям. В отличие от других участников посиделок, ему, как правило, приходилось быть тамадой, и он обычно не успевал даже толком поесть. Очень часто, вернувшись домой после веселых застолий, он ни словом не вспоминал о них, сразу переключаясь на другие дела или, реже, отдых.

Но традиции института, связанные с памятью ушедших из жизни сотрудников, он неизменно поддерживал, никогда не пренебрегая установившимися ритуалами и не жалея на это времени и сил. Были и торжества, непосредственно касавшиеся ВЛК, и тогда он артистично участвовал в церемониале. Так проходили его шестидесятилетие, празднования Нового года, Дня Победы для работающих в ИБМ ветеранов войны. Возле института, в саду или на обрывистом берегу, устраивались запомнившиеся многим празднования Дня моря, дней рождения.

Одной из шутливо-торжественных церемоний, в которой принимала заинтересованное участие вся дирекция, включая А.В. Жирмунского, было облачение ВЛК в мантию после его возвращения из Москвы весной 2000 года в звании академика.

60-летие ВЛК (2000)

Новогодний праздник в институте

Приезд в гости во Владивосток Нины Львовны Лейбсон – организатора лаборатории сравнительной цитологии ИБМ и многолетней ее заведующей (1998)

Эта церемония поэтапно запечатлена сотрудником института, талантливым фотографом Александром Омельяненко.

На торжественных заседаниях в Дальневосточном государственном университете было принято ношение профессорских мантий. После появления у ВЛК такой мантии Коля попросил его облачиться в нее дома и сфотографировал отца.

Редчайшим свойством ВЛК была способность одинаково внимательно, непринужденно и свободно общаться с людьми разного социального уровня – от уборщицы до министра и даже президента РФ.

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой.

Редьярд Киплинг

«Беседуя с царями», ВЛК проявлял поразительную социальную смелость и свободу. Мне удалось наблюдать убедительное свидетельство этой его внутренней свободы во время посещения нашего института президентом В.В. Путиным в 2004 году. Я увидела почти театрализованное шествие свиты, спускавшейся по многомаршевой институтской лестнице в «башне». Среди множества «замороженных» чиновников выделялись два живых человека, они

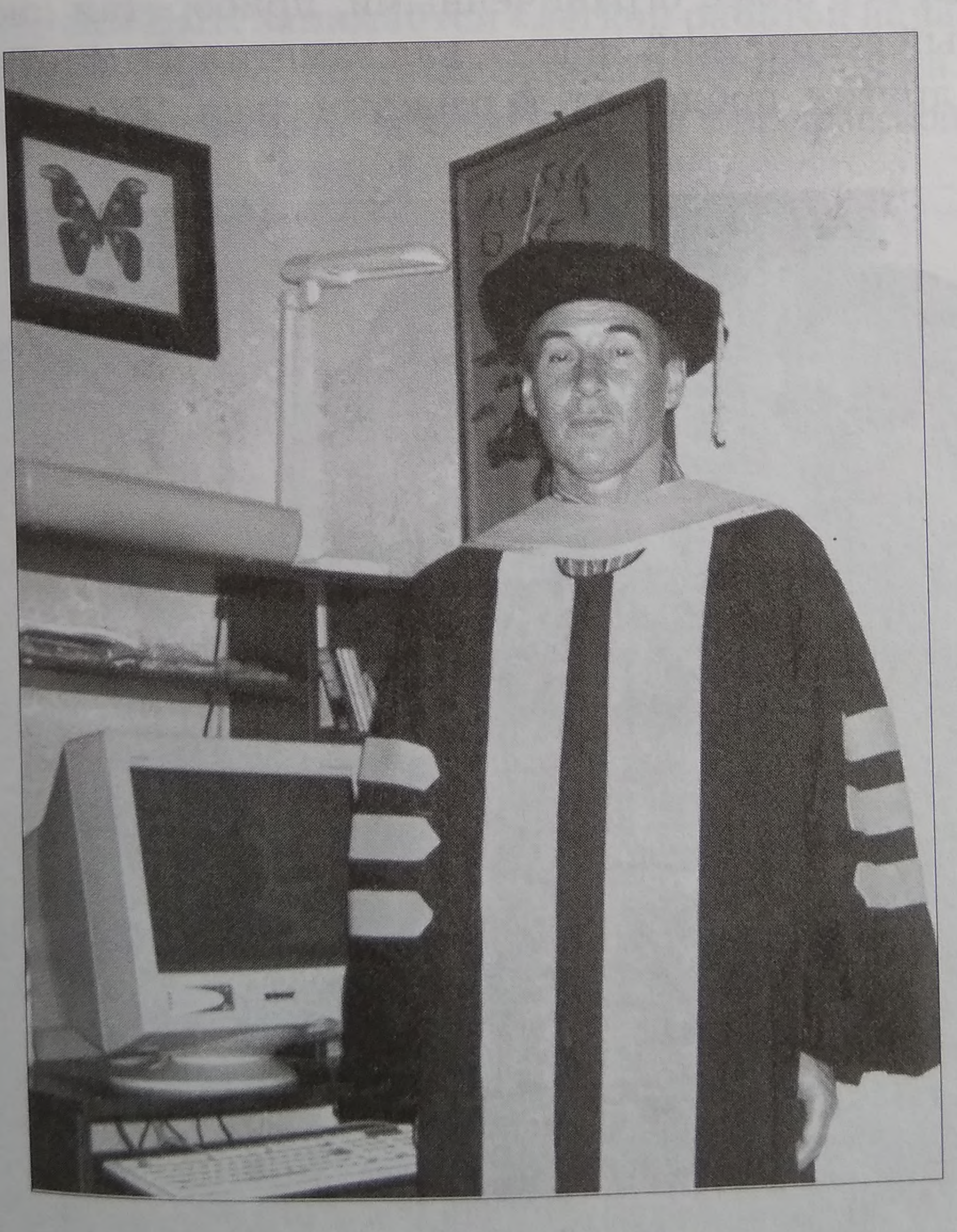
Мантия академика изучается...

…примеряется

… и надевается

шли рядом, легко и непринужденно беседуя, – президент и ВЛК. Они же улыбнулись и нам, нескольким эмбриологам, оказавшимся в лестничном холле. Справедливости ради скажу: еще два человека из свиты поздоровались и улыбнулись, остальные смотрели на нас не более внимательно, чем на ступени лестницы.

Поведение ВЛК разительно отличалось от расхожей «мудрости»: «ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак». Много лет, начиная с 1971 года, ВЛК был одним из сотрудников института, работал на станции «Восток», в совхозах, и кому-то было психологически трудно допустить его превосходство в интеллекте, научных и административных способностях. Сам ВЛК сказал в уже упоминавшемся интервью «Дальневосточному ученому»: «Скорее все-таки вижу не сложности, а особенности поведения руководителя, который в этом же коллективе вырос. Наверное, конечно же, к нему относятся с меньшим пиететом. Наверное, мне чаще

В мантии профессора ДВГУ

нужно бывает что-то объяснять, доказывать, а не приказывать. Но так тем лучше». На вопрос о значении академического звания (тогда он стал членом-корреспондентом РАН) ВЛК ответил: «Надеюсь, что для института это будет полезно, потому что наличие у директора дополнительного титула – это одновременно и наличие какого-то титула у самого института. Тем самым облегчается прохождение каких-то бумаг, прохождение директора в какие-то кабинеты. Значит, в иерархии институтов наш – Биологии моря – занимает не самую низшую ступень. И если я буду еще стараться, то это полезно институту. А как я себя чувствую? Ну, что же, говорить, что недоволен, что ли? Конечно, доволен. С другой стороны, вполне понимаю, что это детско-старческие игры людей, любовь к регалиям. И я, наверное, этому тоже подвержен» («Дальневосточный ученый», 1994, 22 июня).

С возрастом различия между людьми усиливаются, одни становятся все более ограниченными, приобретая иногда лишь «ворчливый старческий задор», как заметил Федор Тютчев, потенциал других продолжает раскрываться. Так происходило

с ВЛК: своего «потолка» он не достиг, продолжал взлет и замечал это увеличение дистанции. Однажды, с удивлением и юмором, он сказал мне о «девальвации» тех, кого прежде оценивал значительно выше. И морфологически, и поведенчески он выглядел лет на пятнадцать моложе своего возраста – и он действительно продолжал быть молодым.

ВЛК нередко приходилось выполнять достаточно неблагодарные административные задачи. Первой миссией такого рода оказалась мобилизация сотрудников на завершение строительства здания нашего института. Это происходило уже на излете советской власти, и без такой мобилизации, вероятно, институт очень долго не был бы достроен, ведь осталась же незавершенной вторая очередь здания, «замороженная» из-за очередной «революции» лет на двадцать. Но непрерывная работа на стройке зимой, да еще в конце года, вызывала раздражение у многих сотрудников. Некоторым казалось, что сам ВЛК занимается «легкой работой начальника», а их заставляет вместо научных занятий мучиться на стройке. На самом деле согласовывать рабочие задания с профессиональными

строителями было очень сложно и неприятно, не говоря уже о необходимости обеспечивать их по графику постоянным и немалым количеством институтской «рабсилы». Я прекрасно помню это, потому что ходила вместе со всеми на стройку, относясь при этом к старательным «дуракам» и понимая, что моя нагрузка психологически несравненно легче той, что свалилась на ВЛК.

Последние годы ВЛК не имел ни отпусков, ни полных выходных дней – лишь немногие часы и вечера. Он постоянно занимался организацией труда, для чего каждодневно расписывал все планируемые и выполняемые дела. Иногда даже рассчитывал расходы времени на дела, отдых и сон с целью составления оптимального режима, «бюджета времени», как он говорил.

Недавно я получила в следственном отделе Хасанского РОВД портфель Володи, находившийся там со дня трагедии. В портфеле был ежедневник 2005 года, в конце этой книги приведены несколько страниц из него, показывающие, насколько были уплотнены дни ВЛК.

Как правило, в субботу, а часто и воскресенье ВЛК работал в институте. С его привычкой работать по выходным связан один забавный эпизод. Еще в то время, когда Биолого-почвенный институт делил свои помещения с Институтом биологии моря, на вахте стала работать женщина, не пускавшая сотрудников в здание по вечерам и в выходные дни. ВЛК прошел мимо нее в лабораторию, сел за микроскоп, а свирепая вахтерша тем временем вызвала милицию. Примчались два «УАЗика», милиционеры пришли в лабораторию, вывели ВЛК из института, но контраст между его поведением и тем, что наговорила и накричала вахтерша, был столь велик, что сотрудники милиции даже предложили ВЛК довезти его до дома – он отказался от такой чести.

ВЛК порою жаловался на свою плохую память, но знал и не забывал имена и отчества практически всех сотрудников института, как и множества других людей из разных учреждений и городов. Он не раз говорил мне: «У тебя хорошая память», – но я-то помнила лишь то, что мне приятно и интересно: стихи, музыку, важные мне научные данные. А он держал в голове всю необходимую для биолога и администратора информацию, да еще и сведения из истории, географии, лингвистики, политики, медицины... Ассоциативность и метафоричность мышления ВЛК выполняли для него мнемоническую функцию, способствуя запоминанию фактов и организации их в стройную и легко воспроизводимую систему.

Как сын военного, он хорошо знал награды, флаги, гербы, географию государств. Не раз изумлял случайных попутчиков своими познаниями и даже вызывал их подозрения, о чем очень забавно рассказывал: в одном случае по планкам наград на пиджаке расшифровал и сами награды, и их ведомственную принадлежность, в другом – смутил попутчика (в Китае) географическими познаниями района Цицикара.

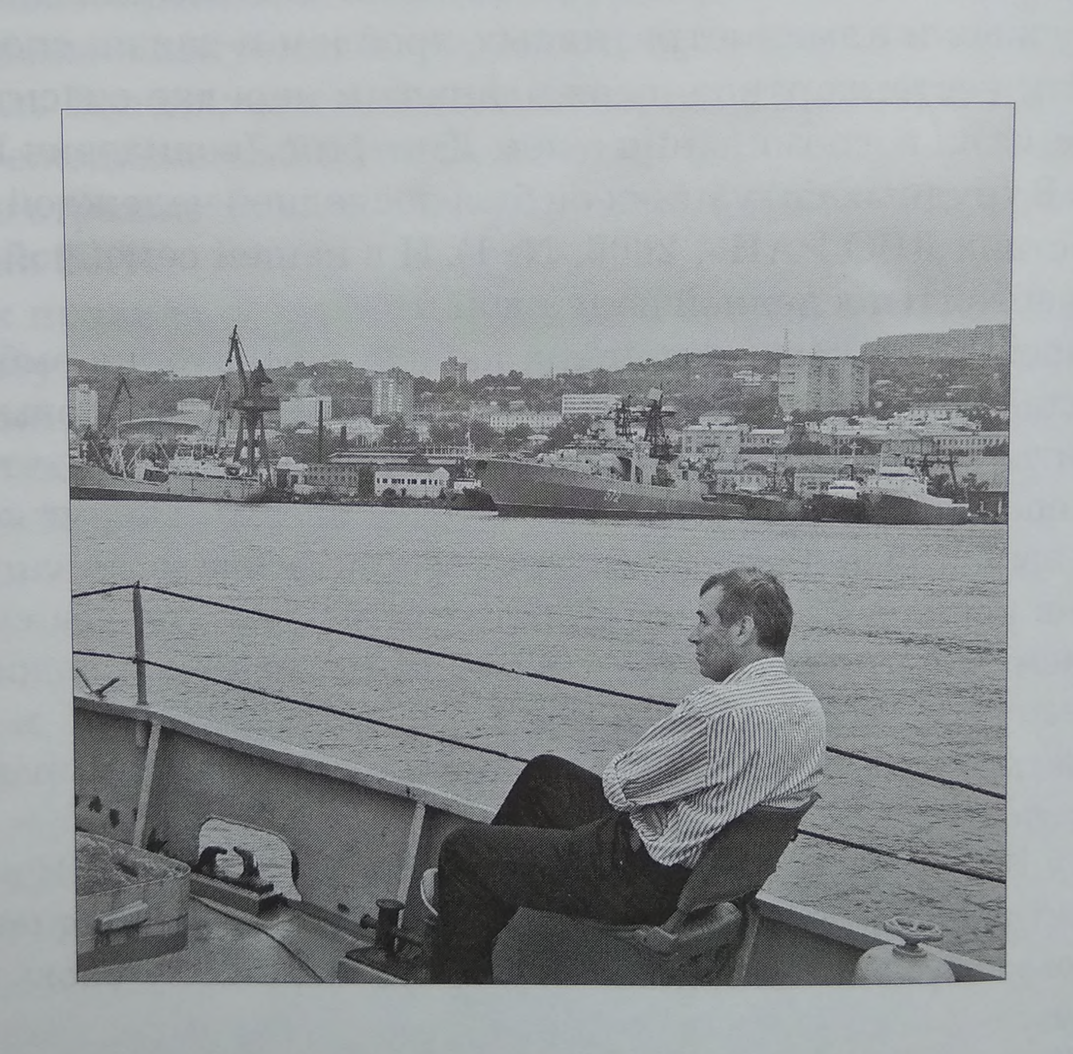
Такое уникальное сочетание сильного и утонченного интеллекта, доброты, мягкости, честности, энергии, долга, коммуникабельности, надежности встречается у малой части человеческой популяции. Его ассоциативность была функциональной, действенной. ВЛК отличался быстротой понимания и ясным схватыванием сути научных и административных проблем и задач, способностью найти нестандартное, неожиданное и нередко спасительное решение. Свои воспоминания о нем Дмитрий Леонидович Питрук назвал «В трудных ситуациях он был последней надеждой» (журнал «Вестник ДВО РАН», 2006, № 1). И в нашей семейной жизни он был первой и последней надеждой.

Андрей Шукалюк, сотрудник нашей лаборатории эмбриологии, недавно написал мне из Канады: «ВЛК – чудный пример, как надо жить, работать и дарить себя. Я еще раз осознал, что моей точкой опоры в жизни был ВЛК. Это та звезда, вокруг которой мы все вращались. Звезда, которая и притягивала, и запускала дальше в космос. Сейчас мы просто летим куда-то, все еще под действием силы того гиганта, что нас притягивал и удерживал от хаоса, вакуума, холода, темноты и пустоты. Люди, как и небесные тела, могут быть звездами, планетами, черными дырами или карликами».

Да, у ВЛК всегда была тяга к звездам – «ad astra». И заголовок его интервью газете «Дальневосточный ученый» удивительно точно и образно выражает эту тягу: «Привяжи свою телегу к звезде».

ВЛК удивительным образом был способен держать в голове одновременно множество дел, помнить о них, выполнять сразу много разных функций. Разумеется, это очень важное для администратора свойство, но эта сильная сторона проявлялась не только в работе, но и в быту – Володя был склонен быстро делать много разных дел «заодно», «сразу же», «по дороге», как он говорил. На семинарах, конференциях, заседаниях были обычными и привычными точные вопросы и четкие краткие формулировки

ВЛК проблем, нередко пространно и аморфно изложенных докладчиком. Легкость и быстрота реакций и решений ВЛК, мгновенное понимание мыслей собеседника или докладчика, блестящая способность к импровизации в сочетании с талантом общения совершенно непостижимы для тех, кто долго и тяжеловесно раскручивает одну-единственную мысль. Поэтому некоторые склонны были считать ВЛК остроумно-легкомысленным. Но это был дар «легко мыслить», сродни пушкинскому (а современники поэта, о большинстве которых никто и не вспоминает, не понимали и осуждали Пушкина).

Станции «Восток» и «Витязь»

И с ним говорила морская волна...

Евгений Баратынский

В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без
названия
Радостно-мощный прибой.

Владимир Соловьев

Over the glad waters of the
dark blue sea,
Our thoughts as boundless, and
our souls as free...

George Byron

Морская экспериментальная станция «Восток» была для Володи, как он сам говорил, «родной деревней» (отсюда анекдотическое недоразумение, попавшее в одну из газетных статей: якобы ВЛК родился в деревне под Ленинградом). На «Востоке» он подолгу работал, начиная с 1971 года. По мере нарастания груза административных дел проводимое на станции время непрерывно сжималось, поездки туда становились все более краткими.

Летом 1971 года, когда я была в командировке на «Востоке», там стояли всего два деревянных лабораторных барака и два небольших лабораторных павильонов, а весь народ жил в палатках. Вместе с Володей мы занимались выяснением сроков размножения и развитием зародышей морских беспозвоночных. В лабораторном бараке смотрели наш материал. Поскольку электричество тогда подавалось на станцию ненадолго, то и работать с микроскопом было сложно.

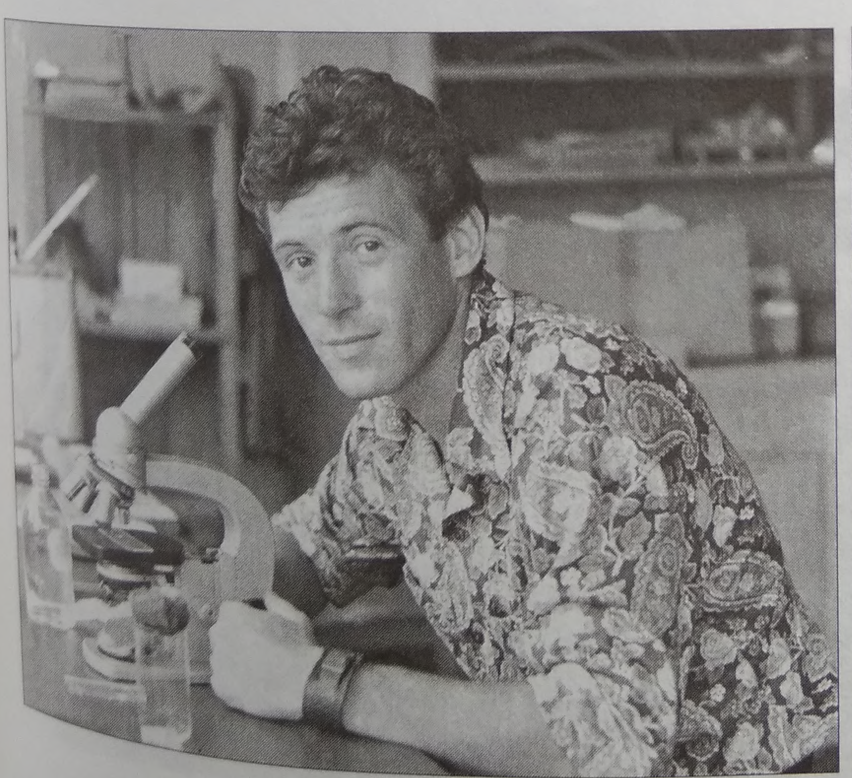
Природа дальневосточного морского побережья была новой и экзотичной для нас. Лесочки у «Востока» казались почти тайгой. Морские беспозвоночные – объект наших исследований – действительно были очень интересными и перспективными для научной работы.

В статье журналиста и писателя Владимира Губарева («Парламентская газета», 2002, № 27) приведен рассказ ВЛК о жизни

«Восток» еще палаточный (1971)

на «Востоке» в то время: «Это сейчас там цивилизация, а тридцать лет назад все иначе было. Тридцать километров от Находки – глухомань. Тем не менее это было единственное место вблизи Владивостока, куда можно было приглашать иностранцев. И все, кто приезжал на Дальний Восток, в те годы обязательно бывали у нас, даже если приезжали не в наш институт. А были среди них выдающиеся ученые и специалисты. Общение с ними много давало нам. Тем более что каждый, кто к нам приезжал, обязательно делал научный доклад. Это бывало обычно по вечерам. Работал движок – постоянное электричество появилось позже, собирались у костра. Экзотика!» Тогда на «Востоке» ВЛК (как и меня) поразила атмосфера «пьяного азарта» – такое определение дал ВЛК в интервью В. Губареву. «Пьяный азарт» проявлялся и в прямом, но больше в переносном смысле: «Ведь приезжало много молодежи. Со всей страны. Ребята хотели работать в море, жаждали осваивать Дальний Восток, а потому энтузиазма было очень много, что, впрочем, и позволяло переживать массу бытовых неудобств. Для нас они не имели решающего значения. Здания своего не было, жить было негде, работать было негде, но было море, дешевый бензин, моторки и акваланги. И – ожидание нового, восторженный азарт. А потом началась серьезная научная работа».

В лабораторном бараке (1971)

В «таежных дебрях» вблизи «Востока» (1971)

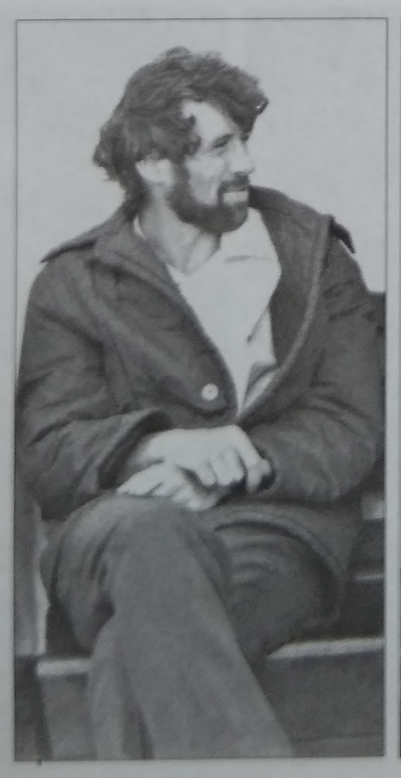
Обстановка «гуляй-море», как мы ее называли, поддерживалась и тогдашним начальником станции, запомнившимся мне склонностью накидывать полушубок поверх плавок и «закладывать виражи» на моторной лодке. На станции звучали (в магнитофонной записи) песни Адриано Челентано «Il ragazzo del via Gluc» («Парень с улицы Глюк»), «Azzurro» («Лазурь»), «Eravamo» («Мы были»), которые и теперь уносят меня на «Восток» 1971 года. В последней из названных песен есть слова «finita la partita» – да, теперь игра уже закончена. Eravamo!

Володя занимался исследованием размножения и развития морских организмов, организацией лаборатории эмбриологии. В 1973 году ненадолго сменил облик – ходил с бородой.

На станции установился рабочий порядок. К 1978 году, когда я оказалась на «Востоке» с Володей и Колей, атмосфера станции стала столь деловой, что даже пребывание детей сотрудников института было запрещено.

Работая на «Востоке», Володя жил в разных комнатах и домах, но последние лет пятнадцать его домик располагался на берегу рядом с домиком АВЖ. У крылечка домика росла пихта.

Володя, всегда интересовавшийся историей и географией, узнавал все, что мог, и об окрестностях «Востока». Он рассказывал, что река Литовка называлась Таудими (река больших сборов меда), а другая впадающая в залив Восток речка, Волчанка,

На «Востоке» в 1973 и 1975 годах

– Сяудими (малые сборы меда). Он знал, когда было основано село Душкино, располагающееся у поворота с шоссе Владивосток–Находка по пути на станцию, и побывал в 2005 году в школе этого села – в том году ей исполнилось 100 лет.

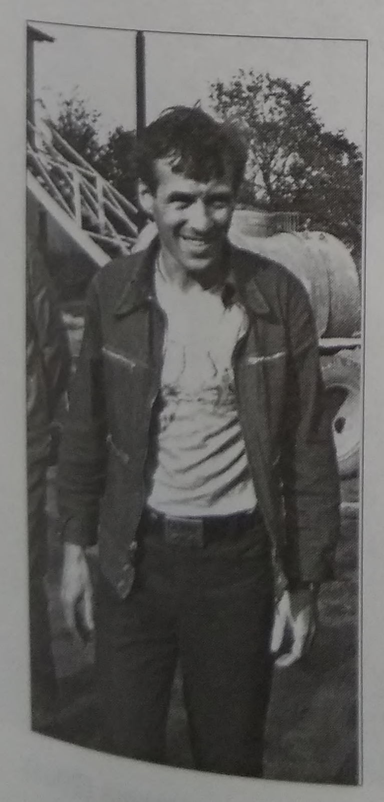
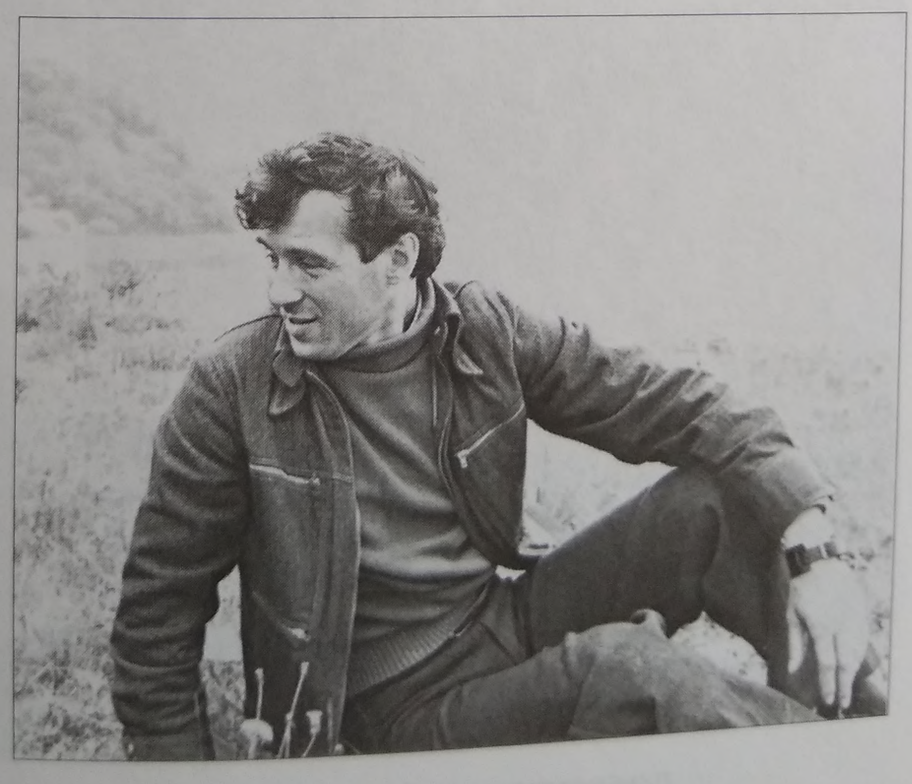
Фотографии отчетливо демонстрируют бег его жизни.

Все годы он увлеченно погружался с аквалангом, но чаще просто с маской и ластами.

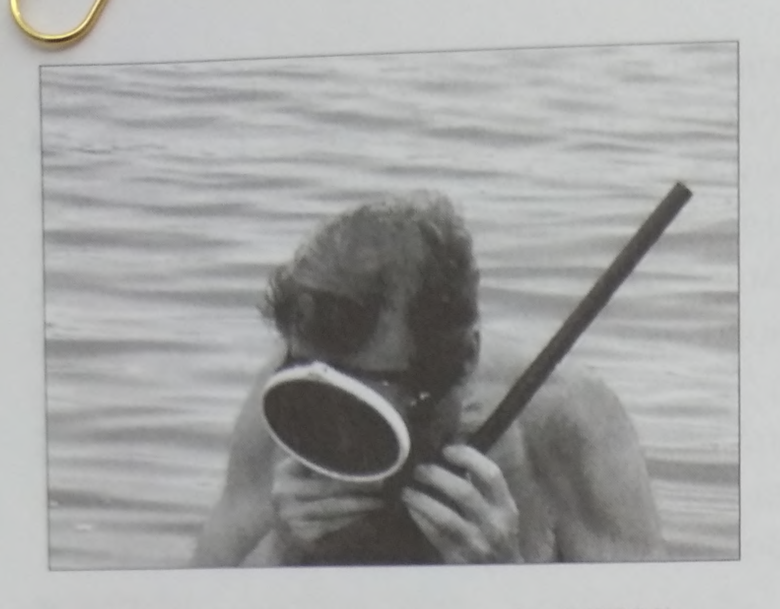
В мае 2005 года вечером мы недолго погуляли на сопке среди цветущих рододендронов. В августе и начале сентября, когда снова ненадолго приезжали на «Восток», Володя тоже охотно плавал и погружался...

В конце августа мы ходили на организованную неподалеку станцию «Запад», а потом от нее поднялись вверх по дороге на сопку. Летали синие махаоны, садились на цветущие аралии; плыли большие белые облака – облака счастья... Володя загляделся на «Восток» сверху, с сопочки, я сфотографировала его, а он попросил сфотографировать «Восток».

Летние месяцы с 1978 по 1983 год я работала на южном побережье залива Петра Великого, в Хасанском районе, на «Витязе» – морской экспериментальной станции Дальневосточного научного центра Академии наук (в Дальневосточное отделение центр был преобразован в июле 1987 года). Там были прекрасные условия для исследований: высококвалифицированные водолазы,

На «Востоке» в 1978–1980 годах

Погружение с маской и трубкой (2004)

способные достать для работы практически любые биологические объекты; замечательная аквариальная, хорошие лаборатории для экспериментов. Сегодня, при рухнувшем финансировании науки, трудно поверить, что в прошлом мы имели почти идеальные возможности для исследовательской работы. Станция располагалась среди роскошной южной уссурийской природы. Прежней станции давно нет, но все эти скалистые морские берега с соснами, сказочные островки и чистейшие пляжи теперь включены в состав Дальневосточного морского заповедника, которому так много внимания уделяли АВЖ и ВЛК; их стараниями заповедник получил международный статус биосферного.

Володя навещал нас с Колей на «Витязе», работал там и нырял в маске.

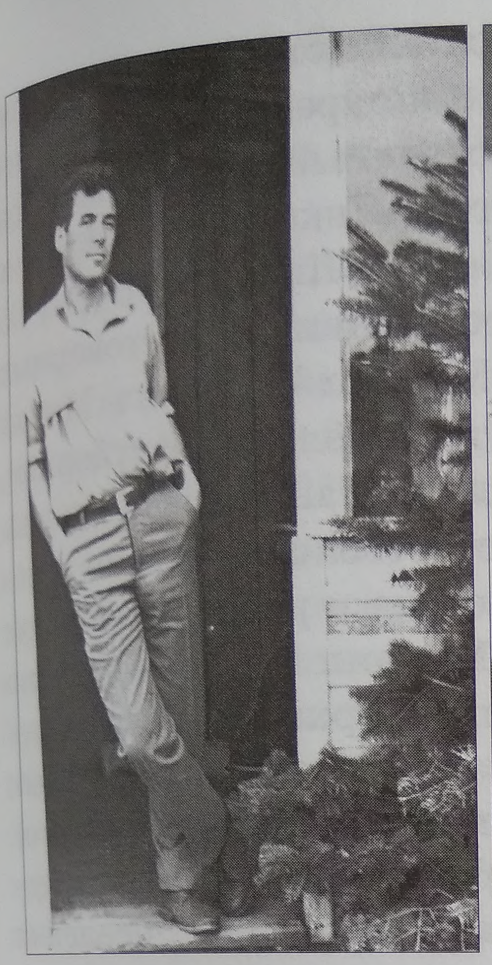
Мы ходили по отрогам горы Туманной, пили воду из радостных горных ручьев среди камней и цветов – золотые дни!

Домик ВЛК на «Востоке»

На крылечке домика (2004)

У домика на «Востоке» (1993)

На морской экспериментальной станции «Витязь» (1978)

Исторической достопримечательностью станции был дом Яна Янковского, тогда еще заселенный, в нем располагались почта и магазин. Этот дом-замок – единственный сохранившийся из всего построенного на Дальнем Востоке Янковскими. Из книг живущего во Владимире Валерия Юрьевича Янковского (ему 95 лет!), внука Михаила Янковского, известно немало достоверных сведений об этой замечательной семье. Михаил Иванович (Михал Янович) Янковский (1842–1912), дворянин Люблинской губернии, оказался в ссылке за участие в польском восстании 1863 года и на другом краю России стал известным естествоиспытателем и исследователем российского Дальнего Востока и родоначальником дальневосточной династии Янковских. Михаил Иванович сделал множество открытий в зоологии, ботанике и археологии. Его именем назван археологический слой, оставшийся от прибрежных поселений древнего человека в Приморье (культура Янковского). В музее Института биологии моря, не без стараний ВЛК, представлен раковинный слой, перенесенный из такого поселения археологами Дальневосточного отделения.

Ян, один из сыновей Михаила Янковского, организовал на полуострове Гамова оленеводческое товарищество «Сосновые скалы» и построил дом на берегу бухты Витязь. Спроектировал это здание старший брат Яна, Александр Михайлович, «архитектор от бога», по словам Валерия Юрьевича. Этот дом – уникальный пример сочетания в постройке начала XX века функций жилого здания и оборонительного сооружения; он стилизован под замок с элементами модерна – своеобразного «модерна Янковских», по определению польского ученого и историка науки Эугениуша Новака, посетившего в 2004 году бухты Нарва (Сидими) и Витязь.

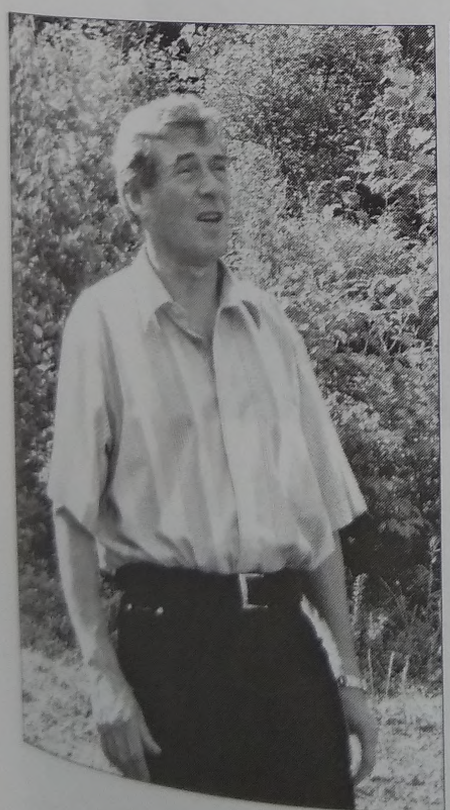

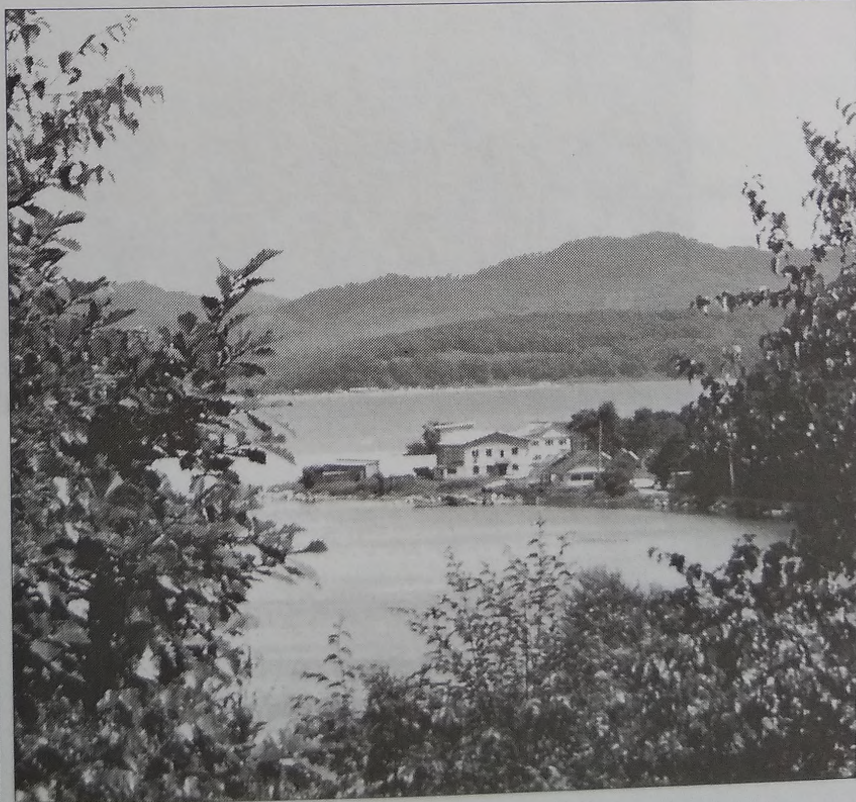
Дом Яна Янковского в бухте Витязь (2004) и его виртуальная реконструкция

Дом сооружен из бетона с наполнителем из прибрежной гальки, что необычно для гражданской архитектуры того времени. Фундамент, цокольный этаж и крыльцо сложены из крупных тесаных каменных глыб.

Сохранившийся в руинированном состоянии, этот замок по-прежнему привлекает внимание всех бывающих в поселке Витязь и стал уже легендой. Он имеет несомненную историко-архитектурную ценность и заслуживает реставрации, пока она еще возможна. ВЛК искал возможности для такой работы, и Коля, Николай Владимирович Касьянов, по специальности архитектор, сделал на основании натурного обследования трехмерную компьютерную реконструкцию первоначального облика здания. Бухта Витязь в последние годы становится своеобразным культовым местом, притягивающим туристов, отдыхающих и новых строителей загородных домов. Дом Янковского мог бы стать культурным и духовным центром поселка Витязь, ныне состоящего из маловыразительных «новорусских» коттеджей и обветшалых домишек прежних жителей. (Сегодня это типично не только для Витязя и не только для Приморья.)

Летом 2005 года, во время короткого захода с академическими гостями из Москвы в бухту Витязь из бухты Троицы на скоростном катере, Володя неожиданно для всех, даже для себя, стал

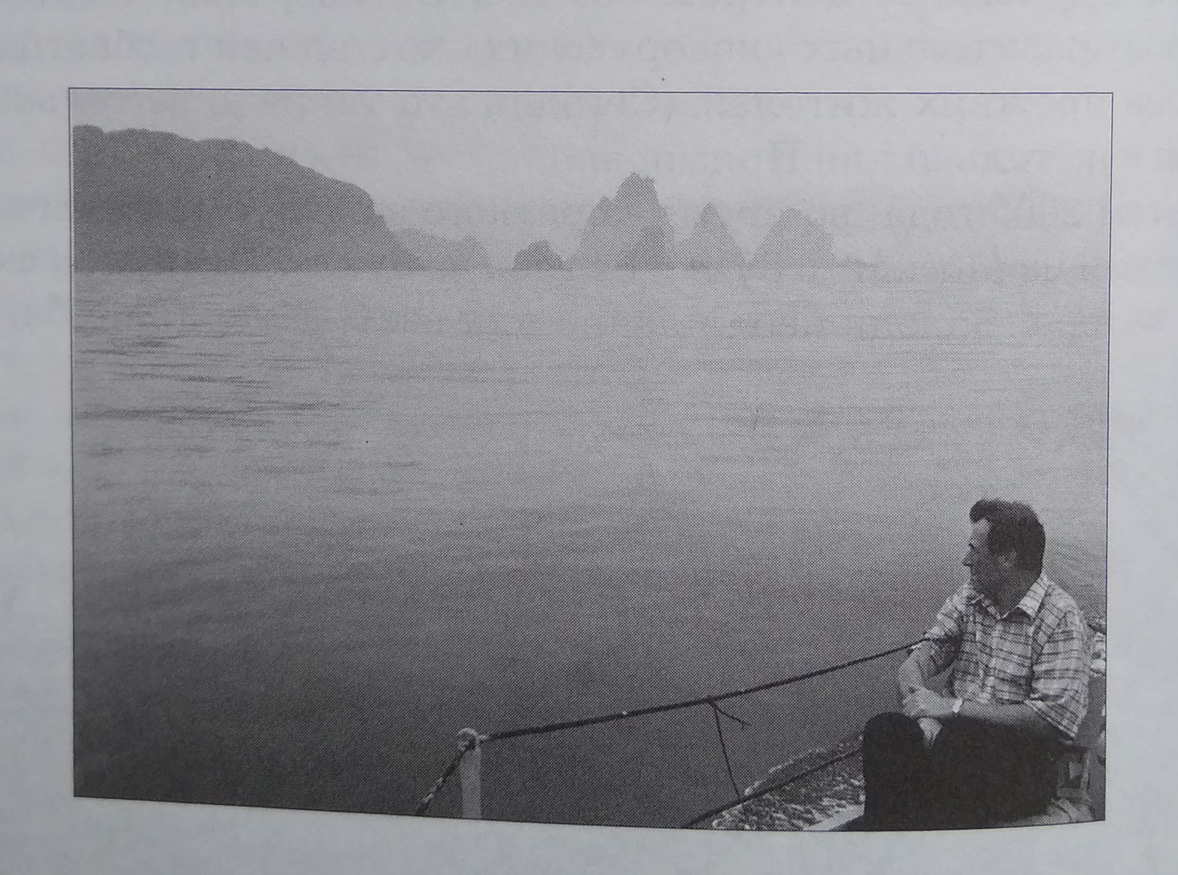

Последний взгляд на станцию «Восток». Август 2005 года

увлекательно рассказывать историю замка Янковского, чем оживил и украсил эту недолгую прогулку в серый туманный день.

Вблизи станции «Восток» в 2004–2005 годах были проведены научные экспедиции на институтских судах «Импульс» и «Профессор Насонов». Некоторые из сделанных тогда снимков передал мне наш коллега по институту Виталий Георгиевич Тарасов, они помещены в книге на цветной вклейке.

О любви ВЛК к морским научным экспедициям и его последней экспедиции со станции «Восток» хорошо написал его преемник на посту директора А.В. Адрианов в статье «Ныряющий академик» (в первом номере «Вестника ДВО РАН» за 2006 год). После возвращения во Владивосток ВЛК радостно рассказывал мне об этой экспедиции с Андреем Владимировичем: «Мы нашли соленогастров, увидели так много интересного!»

Путешествия по Приморью

Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей
поднимаются...

Владимир Соловьев

Есть три эпохи у воспоминаний,
И первая — как бы вчерашний день...

Анна Ахматова

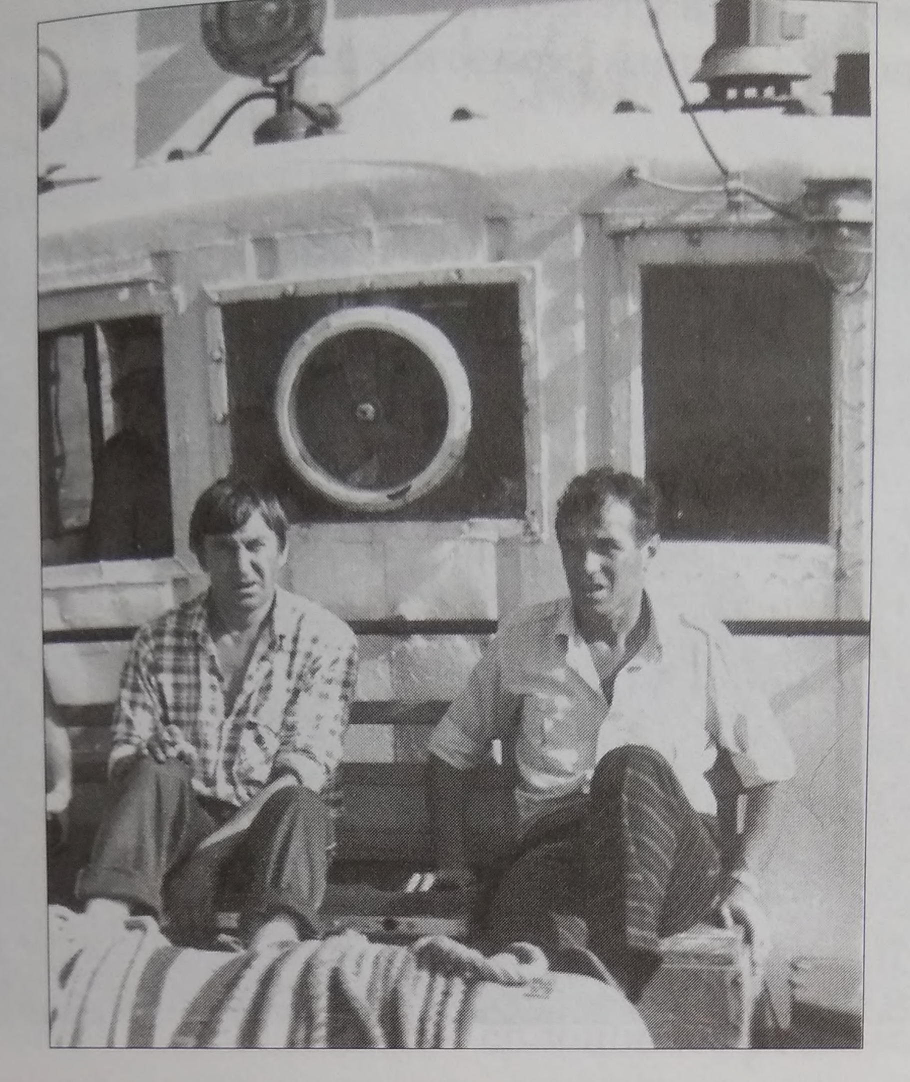
Володя всегда любил путешествовать, и в одиночку, и в компании. В пути был неприхотлив и легко сносил неудобства поездок автобусом, поездом, самолетом; не стремился жить в комфортабельных гостиницах, да и ездить предпочитал туда, где нет особого комфорта. В Приморском крае он бывал в Уссурийске, Партизанске, Арсеньеве, Тернее, Ольге, Владимире, многих селах. Такие поездки были его отдыхом. Он много фотографировал, а потом подробно рассказывал нам с Колей свои приключения. Одной из очень интересных была для него поездка в Михайловку Ольгинского района. Это единственное место компактного проживания малочисленного народа – тазов. И втроем мы тоже много ездили и ходили по Приморью.

На кордоны Дальневосточного государственного морского заповедника ВЛК чаще отправлялся летом, на судне «Профессор Насонов», названном АВЖ именем своего учителя. По возможности Коля и я старались быть вместе с ВЛК, чтобы еще раз увидеть эти необыкновенно красивые места. Во время одного хорошо запомнившегося нам рейса на «Насонове», в конце лета 1991 года, произошли в нашей стране известные события 19–21 августа. Телевизор на судне стал единственным источником информации. ВЛК решил возвращаться во Владивосток. Мы вернулись в город 21 августа, когда в Москве уже решился исход событий, определивших траекторию будущего России.

С кордона в бухте Спасения ВЛК с инспекторами морского заповедника отправлялся в ночные рейды гонять и ловить браконьеров. О рейдах он рассказывал нам с восторгом, о браконьерах, бедных безработных местных жителях, – с жалостью.

Зимой на некоторые кордоны заповедника можно было попасть только на автомобиле с хорошей проходимостью. Случались и аварийные ситуации. Во время одной из таких поездок на мыс Фальшивый грузовик неожиданно завалился на бок, но тогда все обошлось благополучно, и Володя ловко выбрался из кабины.

В другой поездке туда же, в начале марта, машина застряла в снегу на озере Птичьем (Тальми). Случилось это под самый вечер. Мы переночевали кое-как в машине, которая за ночь окончательно вмерзла в мокрый снег, и всей семьей пешком отправились на кордон мыса Фальшивый за подмогой. К нашей радости, инспектор заповедника Евгений Рейзман, дежуривший на кордоне, встретил нас на подходе – нес для нас резиновые сапоги (лед

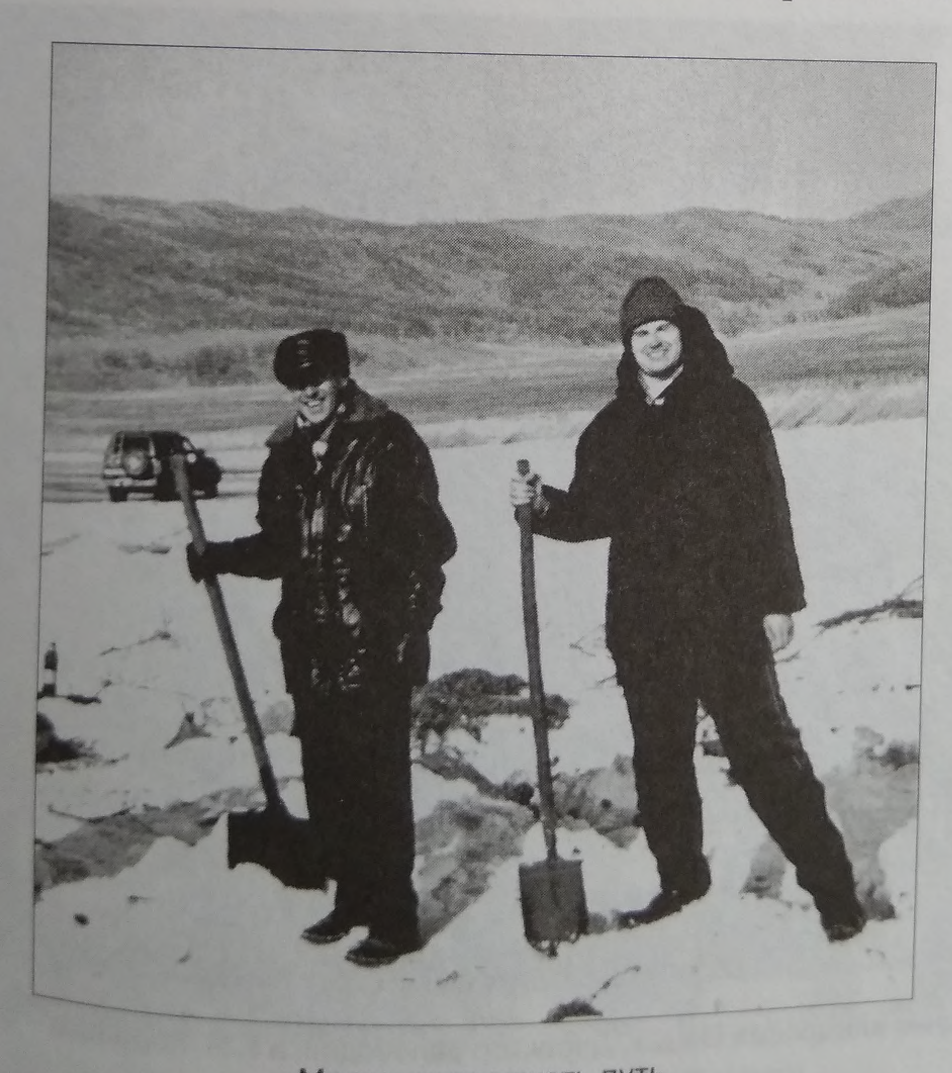
С капитаном судна Станиславом Даниловичем Олейником (1991)

На палубе «Профессора Насонова». Август 1991 года

Дорога с озера Птичьего на кордон Фальшивый

проливчика взломало ветром именно в эту ночь). Он накормил нас, и мы вместе с ним, нашим спасителем, взяв пару лопат, пошли на озеро освобождать машину.

Когда основным местом работы ВЛК стал президиум Дальневосточного отделения, где он отвечал и за работу с заповедниками, он бывал не только в морском, но и в других заповедниках Приморского края. Для таких поездок обычно выбирал конец недели или выходные дни, и мы с Колей старались присоединиться к нему. Как правило, ВЛК не привлекал водителей к работе в выходные дни, но два водителя последних лет были бессемейными и охотно отправлялись в далекие поездки. «Кедровая Падь», Уссурийский заповедник, остров Петрова Лазовского заповедника – каким счастьем это было! В Уссурийском заповеднике мы были зимой. Его директор Андрей Кириллович Котляр показал нам так называемый «домик Комарова», следы тигра, кабанов; мы увидели пятнистых оленей на южном склоне сопки. Летом в «Кедровой Пади» тогдашний директор Елена Ивановна Коркишко рассказывала о леопардах, которые еще водятся в заповеднике. И у всех этих уникальных заповедников – сплошные проблемы.

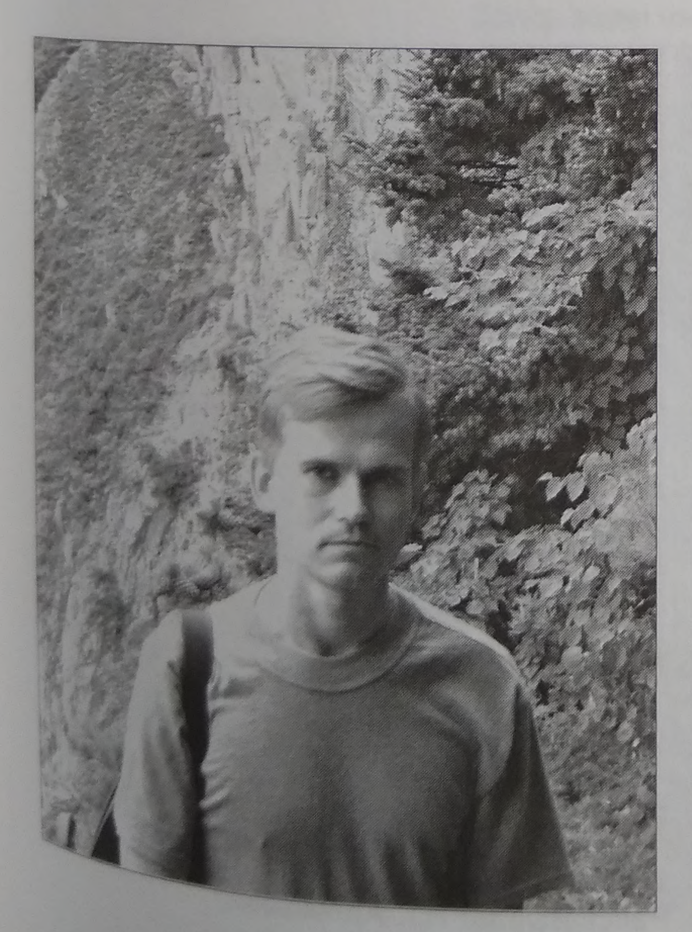

Можно продолжать путь

Уссурийский заповедник. У «домика Комарова» с директором А.К. Котляром

Заповедник «Кедровая Падь». Директор заповедника Е.И. Коркишко – справа, в центре – радист В. Павлов

Остров Петрова. С директором Лазовского заповедника А.А. Лаптевым

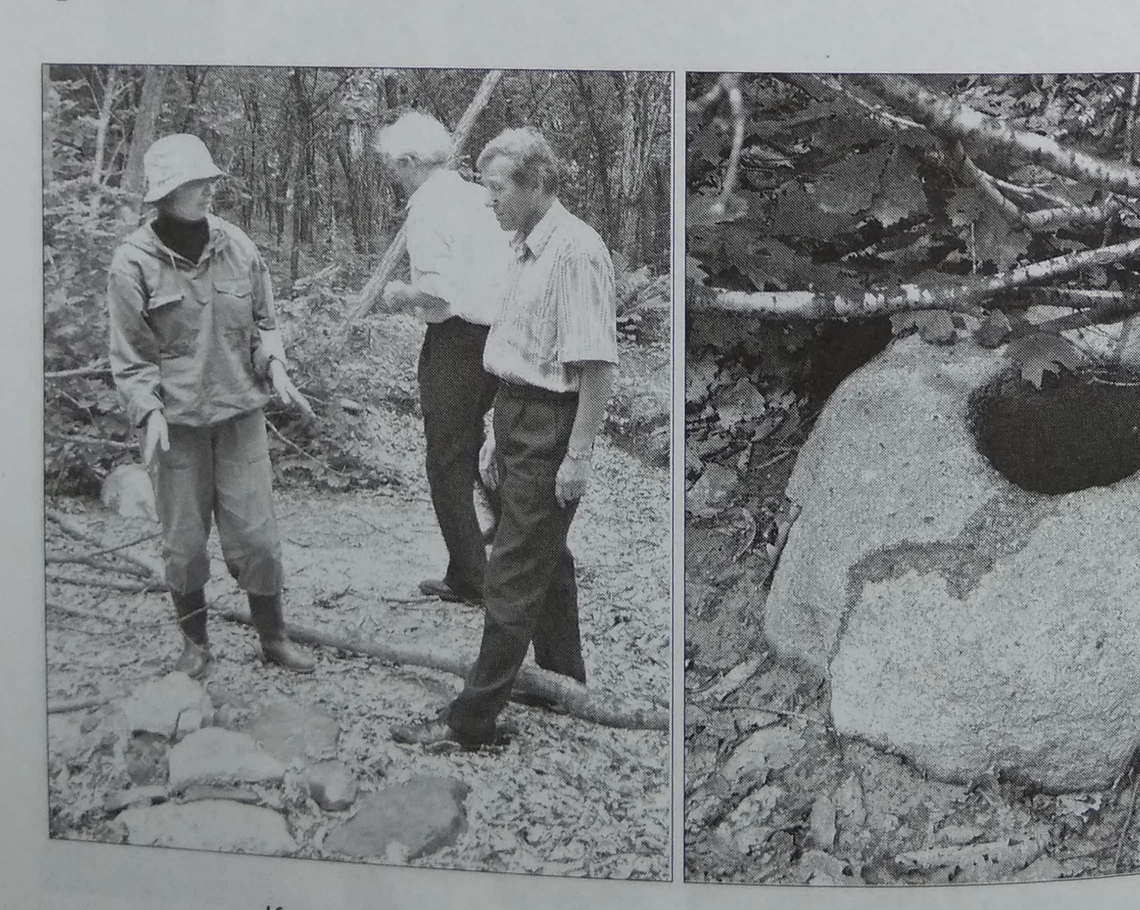

Коля и я на сказочном острове Петрова

В Лазовском (Судзухинском) заповеднике его директор Александр Александрович Лаптев показал заповедную тайгу и совершенно сказочный остров Петрова с остатками каменного вала чжурчжэней (приблизительно XII век), реликтовыми тисовыми рощицами, живописными береговыми скалами.

Плакат с фотографией настороженно смотрящей тигрицы, подаренный нам А.А. Лаптевым, мы повесили в нашей квартире во Владивостоке. Теперь я осталась здесь одна с тигрицей (Коля в Москве). Есть и большая фотография леопардихи из «Кедровой Пади», уже погибшей от рук человека. В моем восприятии они – мои родственницы.

Как и прежде, любая прогулка или поездка с ВЛК становилась для нас троих интересным приключением. Володя всегда с большим интересом и даже азартом относился к истории и археологии и во время любых поездок старался увидеть остатки городищ, места раскопок, другие следы былой жизни и исчезнувших цивилизаций. Под Уссурийском, при поездке на Горнотаежную станцию, мы побывали на месте археологических раскопок, и археолог Надежда Григорьевна Артемьева показала последние находки и остатки укрепленного города чжурчжэней – Краснояровское городище.

Краснояровское городище. Рассказывает Н.Г. Артемьева; каменная ступа чжурчжэней

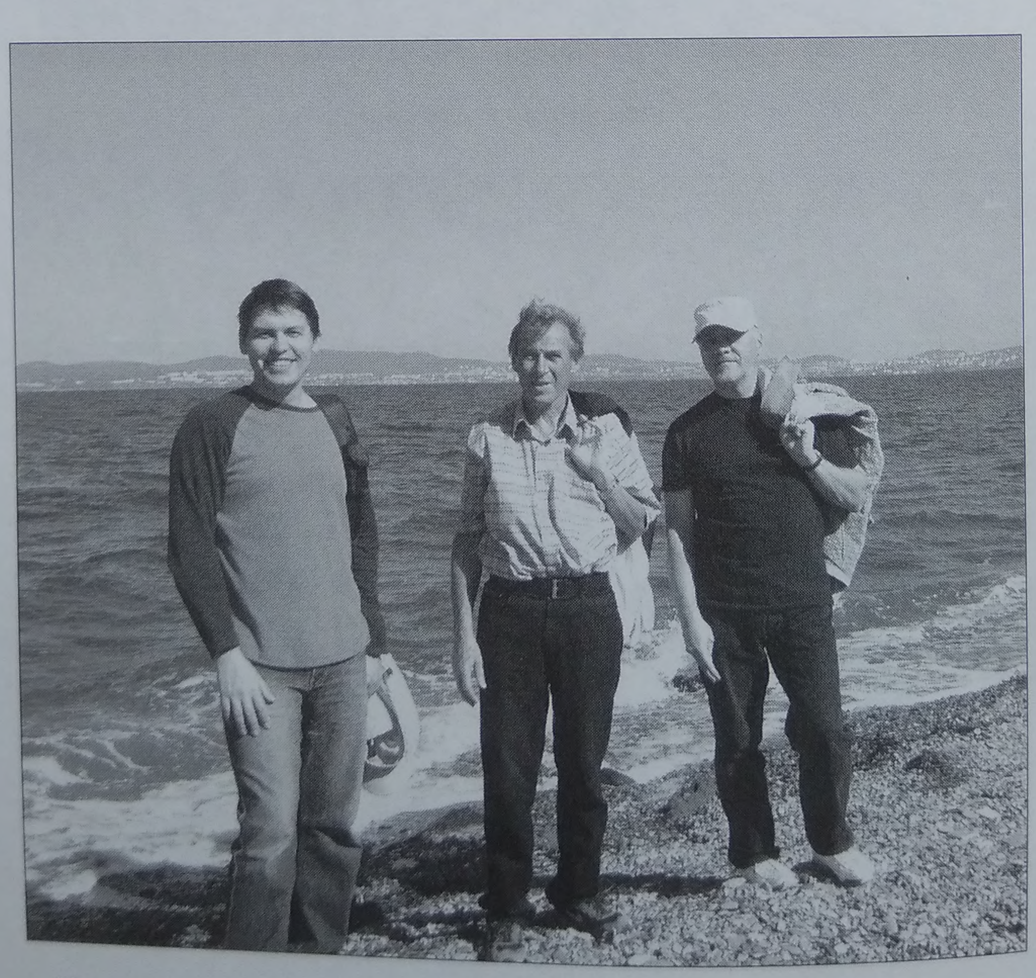
Здесь жили чжурчжэни

Уссурийск. Возле чжурчжэньской черепахи XII века

Это городище, обнесенное земляными валами и расположенное недалеко от Уссурийска на горном отроге по правому берегу Раздольной (Суйфуна), некогда было крупным столичным поселением – последним оплотом чжурчжэней, предполагаемой ставкой императора. Вблизи от него еще одно место раскопок, и Надежда Григорьевна показала нам найденную каменную ступу. Было необыкновенно интересно, и, неподдельно увлеченный, ВЛК собирался еще не раз съездить на раскопки. Много раз он один или вместе с нами бывал и на других древних городищах Приморья.

В конце лета 2005 года на судне «Профессор Насонов» ВЛК осмотрел намечаемую для строительства терминала нового нефтепровода бухту Перевозную и пришел к окончательному выводу, что она непригодна для этой цели. Во время того же рейса вместе с приехавшим из Новосибирского института цитологии и генетики Сергеем Ивановичем Байбородиным и эмбриологом из нашего института Андреем Ивановичем Шукалюком мы высаживались и на полуострове Песчаном, на западном побережье Амурского залива, напротив Владивостока.

На полуострове Песчаный с А.И. Шукалюком и С.И. Байбородиным

В том рейсе я «работала» фотографом, а Володя стремился сфотографировать и меня – обычное для него поведение.

Когда в рейсах не было гостей, только команда и мы, Володя чувствовал себя свободнее, раздевался – позагорать. При фотографировании нередко начинал развлекать нас и давать «представление».

По выходным мы чаще ездили на электричке и ходили пешком. Недалеко от города на берегу Амурского залива нашли прудик с лотосами. Володя сфотографировал меня там.

Наши поездки по неизведанным для нас дорогам края, среди таежных дебрей или у скалистых обрывов морских берегов, были полны волшебных неожиданностей, красот природы, встреч с хорошими, самоотверженными людьми. Мы видели оленей, лис, барсуков, сов, уток-мандаринок, белых и серых цапель, голубых сорок, синих мухоловок, синих каменных дроздов, а зимой – грифов, орланов, полярную сову, множество других птиц. Мечтали еще ездить, намечали маршруты...

«Но увы! Между смертными нет ничего длительного, и, если случается что-нибудь сладостное, оно вскоре венчается горьким.

На палубе «Профессора Насонова»

ВЛК изображает силача (2004)

«Нежна холмов суровость вдалеке» (Франческо Петрарка)

концом». Так писал еще в XIV веке – по-итальянски треченто – Франческо Петрарка в «Письме к потомкам» и далее в своей прозе: «С какой сладостной горечью перебираю я в несчастье счастливые воспоминания», а в одном из сонетов:

Я шаг шагну – и оглянусь назад.
И ветерок из милого предела
Напутственный ловлю...
Но вспомню вдруг, каких лишен отрад,
Как долог путь, как смертного удела
Размерен срок, – и вновь бреду несмело,
И вот – стою в слезах, потупя взгляд.

Во Владивостоке и его пригородах, как и в других местах, мы всегда пытались найти следы недавнего освоения края, в конце XIX – начале XX века. Владивосток к тому времени стал процветающим международным центром. Выходцы из стран Западной Европы были представлены в молодом городе немецкими, швейцарскими, датскими, английскими, французскими предпринимателями. Краткая, очень сжатая во времени история быстрого развития и подъема Владивостока, прерванная вскоре событиями революции и гражданской войны, завершилась запустением и разрушением большинства пригородных имений. Так, летом 2005 года на полуострове Песчаном мы разыскали лишь фундамент дома семьи швейцарцев Симона и Карла Конрадов, которые в начале XX века занимались разведением оленей и племенного скота, поставляли во Владивосток молоко и оленину, торговали пантами. Этот дом, который мы видели еще несколько лет назад, – единственный тогда каменный дом на полуострове – сегодня бессмысленно разрушен. В Сидими (нынешнем Безверхово) мы ходили к памятнику М. Янковскому и склепу Бринеров (отец семейства – предприниматель швейцарского происхождения, а один из сыновей – известный американский киноактер).

Джон Корнелиус де Фриз в конце XIX века построил дачу и завел молочную ферму вблизи Владивостока на полуострове, который носит теперь его имя. Де Фриз был выходцем с острова Гельголанд. Во время своей последней зарубежной поездки в Германию в сентябре 2005 года, ВЛК был на Гельголанде совсем недолго, но успел навести справки и узнать, что там живут носители той же фамилии, правда в несколько иной, исходной транскрипции – де Вриз. Он успел сказать мне это, вернувшись 28 сентября, и обещал: «Я тебе потом все подробно расскажу!..»

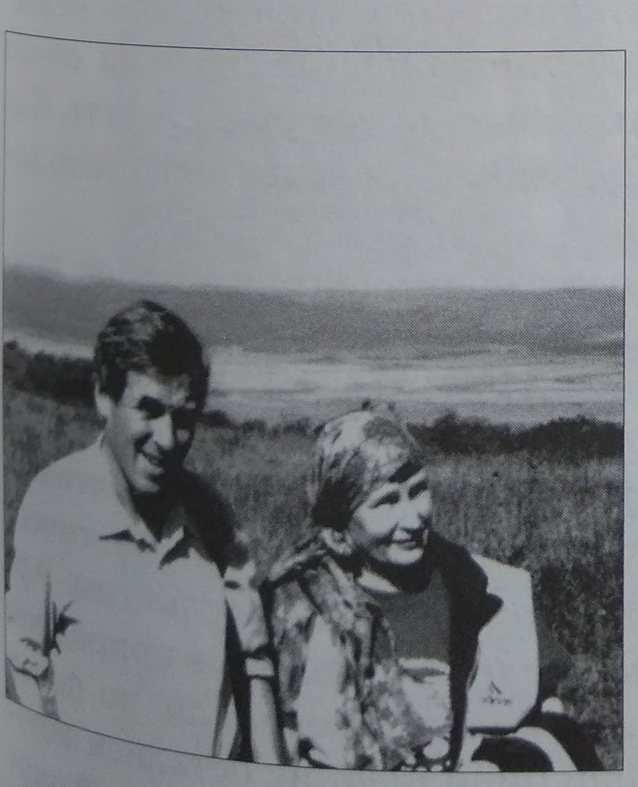
Знакомство с козочкой

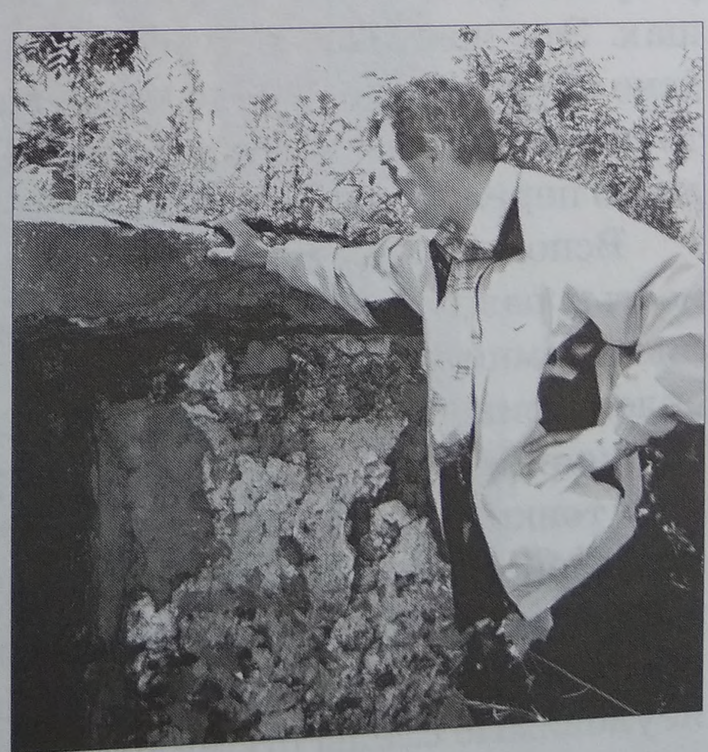
У лотосового прудика (фото Володи)

Ферму де Фриза со временем приобрел Карл Георгиевич Гольденштедт, его имение снабжало Владивосток и его гарнизон молоком, мясом, овощами, а также устрицами, крабами и рыбой. Одновременно оно было местом летнего дачного отдыха, «потерянным раем» для его обитателей.

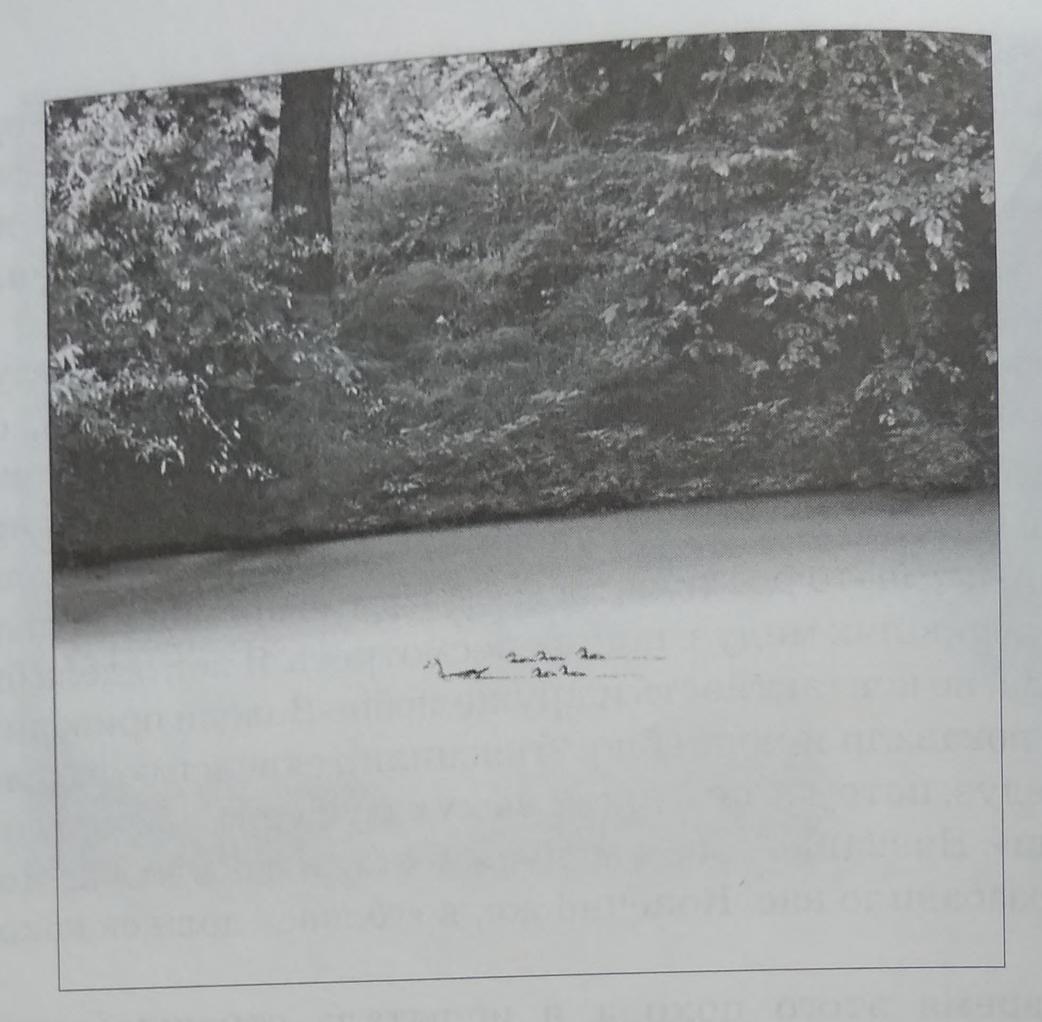
Во время нашего последнего похода с ВЛК на полуостров Де-Фриза в один из воскресных дней лета 2005 года, сначала электричкой, потом пешком, мы отыскали фундамент дома Гольденштедтов, нашли остатки дороги – она когда-то вела к причалу, а теперь превратилась в сбегающий к морю овраг; видели пруд, в котором когда-то росли лотосы... Заметив временный лагерь китайцев, ловивших медуз, пошли посмотреть. Я поглядела бы издали и ушла, но контактность и дружелюбие Володи привели к тому, что нам показали и подробно объяснили технологию засолки зонтиков медуз, потом пригласили на кухню и угостили их жареными «мозгами». Название гонад медуз «мозгами», а зонтика «головой» очень позабавило нас. Конечно же, в «голове» должен находиться «мозг»!

Во время этого похода я испытала страшное, щемящее предчувствие семейной катастрофы, жестокого разрушения и разорения семейного гнезда. В бывшем лотосовом пруду мы с радостью заметили дикую уточку, за которой чинно плыли пять утят, сфотографировали их и пошли дальше. По дороге встретили двух парней, один из них, увидев утку с утятами, забегал по

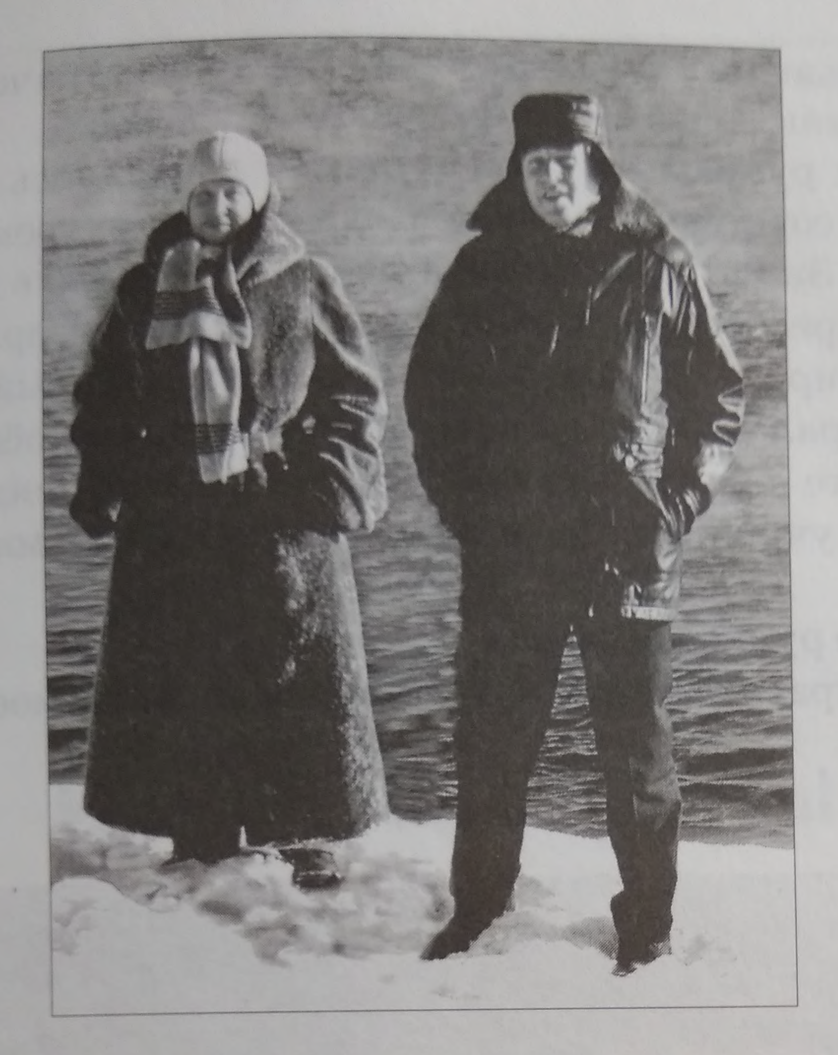
На полуострове Песчаном; остатки разрушенного дома Конрадов

Дикая уточка с утятами

берегу, как охотничья собака. Мы уговаривали его не пугать выводок, дать утке поставить на крыло своих детей, но он повторял: «Это же суп!» – и не хотел слушать. Ночью я не могла заснуть, все думала, что этот человек явится к пруду за своим «супом», убьет утку и обречет утят на гибель, даже если они спрячутся в камышах. Это жестокое бессмысленное уничтожение птичьей семьи ясно представало передо мной, как только я пыталась уснуть. Как точно сказала Анна Ахматова: «Будущее... бросает свою тень задолго перед тем, как войти».

Вспоминалось и виденное ранее во время наших поездок: полностью разрушенный дом Янковских в Сидими – от него остались лишь камни фундамента; разграбленный и частично разрушенный склеп Бринеров неподалеку. Коля написал в одной из своих статей об имениях Приморья рубежа XIX–XX веков: «Почти уничтожен этот тонкий культурный слой – более тонкий, чем археологический слой открытой М.И. Янковским первобытной культуры. Архитектурно-ландшафтные комплексы растворились в природном пространстве, среди которого они ненадолго возникли, но почти неуловимые следы промелькнувшей цивилизации остались запечатленными в живописных ландшафтах, поражающих своей оду-

В поселке Лозовый под Партизанском (2005)

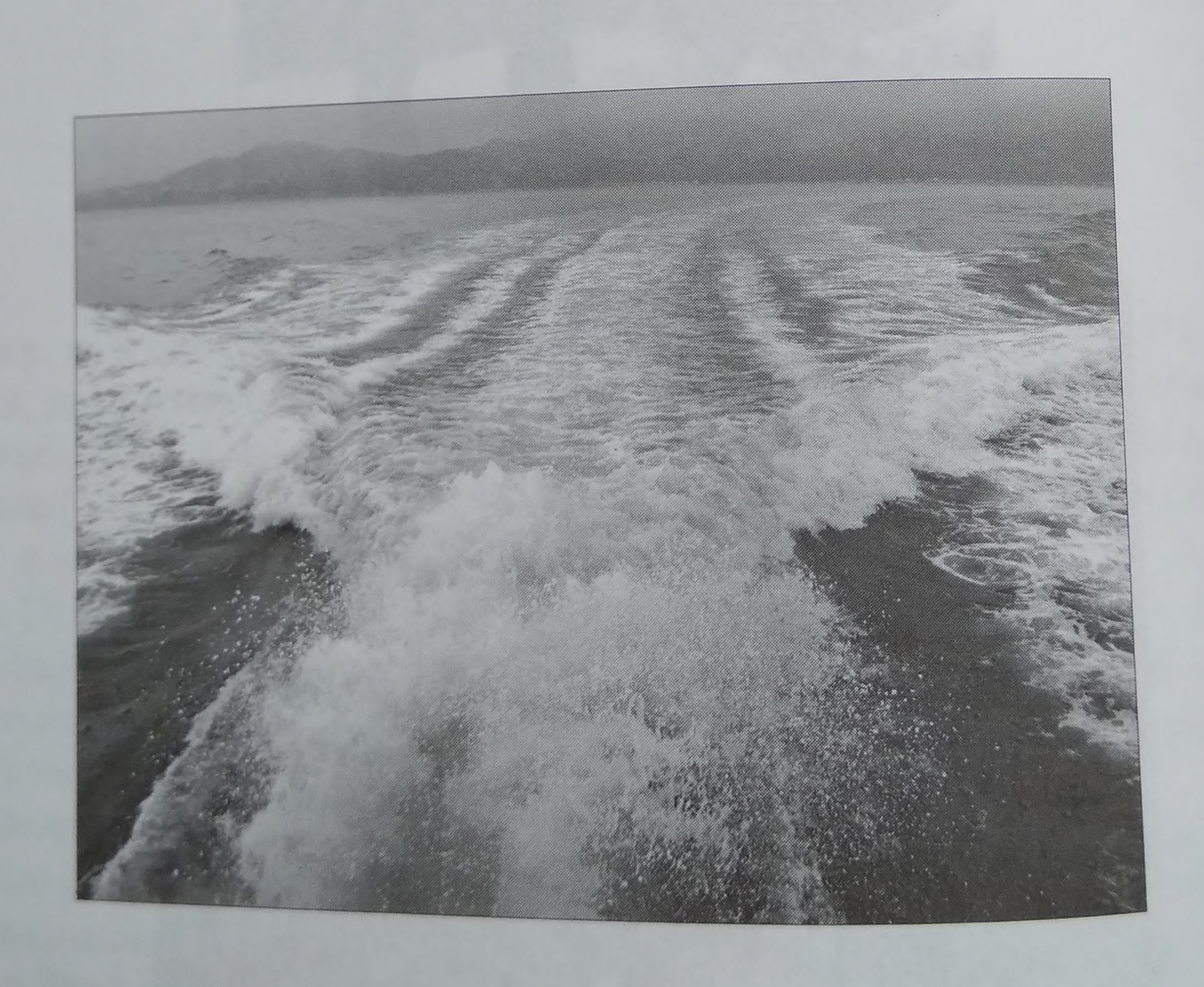
хотворенностью. Память об этой эфемерной и утраченной цивилизации сохранилась в географических названиях».

Сегодня к руинам царской империи добавились еще руины исчезнувшей советской страны – «унесенной ветром», навсегда исчезнувшей. Зимой 2005 года мы с Володей ездили в Партизанск и увидели депрессивный город закрытых шахт и безработицы.

Фотографировали там памятник, поставленный к юбилею шахты «Центральная» и превратившийся в надгробный памятник этой шахте с датами ее «жизни»: 1918–2003; видели развалины детских учреждений с наивными скульптурами советского времени...

Сплошные руины и раны...

Даже прекрасное море стало моим несчастьем, моей тоской...

Наши гости и другие страны

И вот разорваны трех
измерений узы
И открываются
всемирные моря...

Осип Мандельштам

Множество гостей приезжали в Институт биологии моря и на его биологические станции, особенно «Восток». Я не смогу вспомнить всех именитых. Среди них были путешественник Тур Хейердал; основатель Института научной информации в Филадельфии и создатель системы оценки цитирования научных работ Юджин Гарфилд; редактор и издатель множества научных журналов Отто Кинне. Невозможно поместить здесь и все фотографии гостей. Буду рассказывать только о тех, кого видела сама, и о том, что узнала непосредственно от ВЛК.

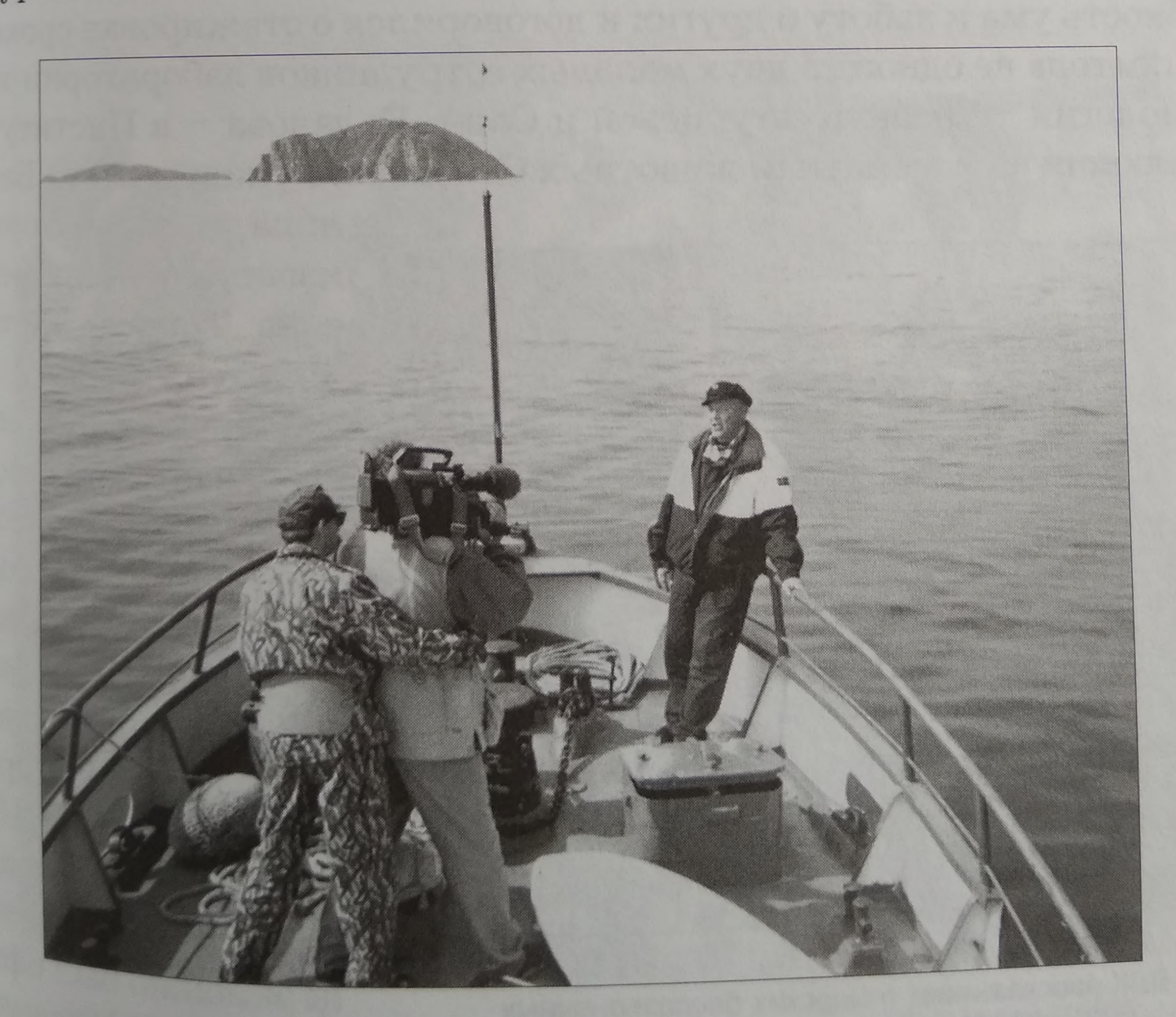
Очень сильное впечатление на ВЛК и всех нас произвело посещение в августе 2002 года морского заповедника, а в июне 2004 года Института биологии моря президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. В ответ на сформулированный просто, но включающий глубокий подтекст вопрос президента: «Как вы живете?» – Володя ответил: «Мы живем бедно, но хорошо». Вот это и было для Володи формулой жизни – и семьи, и лаборатории, и института. Некоторые из помещенных в книге фотографий (на цветной вклейке) сделаны пресс-службой президента и присланы его администрацией для ВЛК.

Намного раньше, в 1978 году, «Восток» посетила академическая группа, самым знаменитым представителем которой был ядерный физик, итальянец по происхождению Бруно Понтекорво; он прочел на станции лекцию. Алексей Викторович Жирмунский распорядился тогда собрать недалеко от берега побольше раковин моллюсков («отбросов» научной работы) и разложить их на столе, чтобы академики смогли выбрать себе сувениры. Я была поражена тем, что «сувенирный» стол был немедленно окружен и раковины гребешков и других моллюсков расхватывались очень заинтересованно и даже азартно.

Запомнилась встреча с нашим знаменитым путешественником, врачом по специальности, Юрием Александровичем Сенкевичем в 2000 году. Сначала познакомились с ним на морской экспериментальной станции «Троица» Тихоокеанского института биоорганической химии – там проходила школа для студентов и аспирантов (я рассказывала о цитоскелете). Затем на «Насонове» плавали по морскому заповеднику, высаживались на мысе Фальшивом. Сенкевич, очень обаятельный, простой, располагал к себе с первой минуты, вызывал доверие и симпатию и сразу казался давним хорошим знакомым. Свободным, живым поведением, образованностью, мягкостью и интеллигентностью он был

похож на ВЛК. Юрий Александрович с ребятами своей команды готовил материал для будущих передач телевизионного «Клуба путешествий». ВЛК очень легко нашел с ним общие темы. Выяснилось, что Сенкевич родился в Монголии, в тогдашнем Чойбалсане, а Володя незадолго до встречи с ним побывал в Монголии. Юрий Александрович оставил нам свою визитную карточку, сделанную на настоящем папирусе – в память о путешествии в 1970 году на папирусной лодке «Ра-2» через Атлантику вместе с Туром Хейердалом. То плавание, начатое из марокканского порта Сафи с целью доказать, что древние египтяне могли на лодках из папируса добираться в Америку, успешно завершилось на острове Барбадос в группе Антильских островов. Не стало Ю.А. Сенкевича в 2003 году…

Заслуги ВЛК перед отечественной и мировой наукой не раз отмечались высокими наградами. В 2004 году он получил медаль и премию А.П. Карпинского – первого выборного президента Академии наук, возглавлявшего ее с 1917 по 1936 год. Эту награду учредил немецкий Фонд Альфреда Тёпфера (Toepfer). В разные годы лауреатами премии Тёпфера были такие выдающиеся ученые,

Группа Ю.А. Сенкевича ведет съемки в Морском заповеднике

как академики Ю.А. Овчинников, В.И. Гольданский, В.А. Коптюг, Е.П. Велихов, Ж.И. Алферов, Г.И. Марчук, Д.С. Лихачев. Во Владивосток прибыли председатель исполнительного совета Фонда Бирте Тёпфер, член совета Фонда Генрих Тёпфер (сын Альфреда Тёпфера), председатель жюри премии Карпинского профессор Альбрехт Вагнер и член жюри доктор Эугениуш Новак. Торжественная церемония прошла в президиуме ДВО РАН. Госпожа Тёпфер вручила награду и передала приветствие Федерального правительства Германии и посла ФРГ в России. В своем научном докладе на этой церемонии ВЛК был верен себе, своей любви к игре словами: его доклад назывался «Скрывается под личинкой». Володя был тронут и смущен торжественностью церемониала, после которого последовали вечерний прием, посещение института, выход в море на скоростном катере. Необычной, неожиданной и впечатлившей членов Тёпферовского комитета была прогулка на крыше Института биологии моря.

Лауреатам премии А.П. Карпинского дается возможность рекомендовать молодого ученого для годичной стажировки в научных учреждениях Германии. ВЛК и здесь проявил свойственные ему гибкость ума и заботу о других и договорился о стажировке сроком на полгода не одного, а двух молодых сотрудников лаборатории эмбриологии – Любы Кунгурцевой и Саши Калачева – в Институте эволюции и систематики животных Свободного университета Берлина, в лаборатории известного профессора Томаса Бартоломеуса.

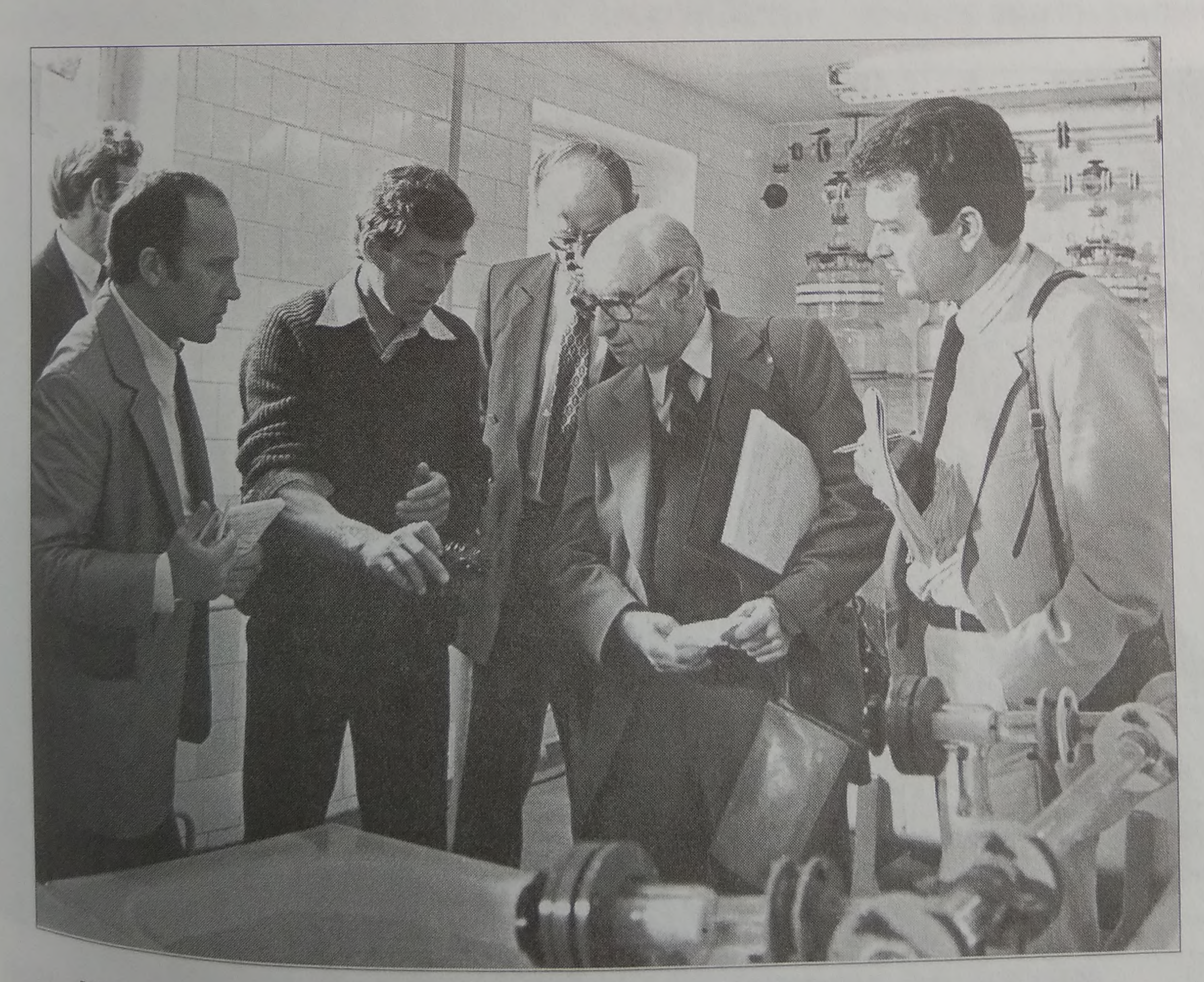

ВЛК рассказывает о морских беспозвоночных академику Н.П. Лавёрову (2002)

Премия Карпинского в прежнем виде была присуждена в последний раз 3 июля 2006 года и вручалась в Москве академику Евгению Николаевичу Каблову и профессору химии МГУ Евгению Викторовичу Антипову. На эту церемонию был официально приглашен

наш сын Николай Касьянов. Профессор Вагнер, председатель куратория по присуждению этой премии, часть речи посвятил ВЛК, сказал, что его гибель – огромная потеря для научного мира. Академик А.Д. Некипелов в своем выступлении назвал всех ушедших из жизни лауреатов, и последним из них был ВЛК... Все члены комитета, побывавшие в 2004 году во Владивостоке, с большим чувством вспоминали город, морскую прогулку и, конечно, ВЛК.

Датировка событий приема гостей в ИБМ, на станциях и в заповеднике задает шкалу времени, а фотографии визуализируют стремительный бег жизни. На «Востоке» постоянно приходилось рассказывать о «морских зверюшках», как говорил АВЖ, и ВЛК показывал гостям трепанга или другое морское беспозвоночное и тридцать лет назад, и в самые последние годы.

Я не пытаюсь назвать всех иностранных и отечественных ученых, посещавших Владивосток, и даю лишь малую толику сведений о множестве проведенных за десятилетия конференций, презентаций, выставок, приемов. Круг обширных должностных обязанностей ВЛК вовлекал его в организацию многих конференций и встреч и участие в них.

ВЛК рассказывает о трепангах французскому ученому Ж. Пересу (1982)

Одна из последних международных конференций с участием ВЛК – по исследованиям Арктики и Северной Пацифики (Владивосток, 2004)

ВЛК и АВЖ открывают выставку работ японского фотографа Фукуды в музее ИБМ (1999)

Талант ассоциативности, коммуникабельность и быстрота реакций ВЛК приводили к неожиданным встречам в необычной обстановке. Так, во время визита во Владивосток в 2005 году Нгуен Так Ана, директора вьетнамского Института океанографии в Нячанге, Володя отправился вместе с ним в заповедные дебри, где польский эколог Зофья Фишер, профессор Люблинского университета, проводила со своими аспирантами и студентами полевые исследования, и там, в дождливый день, самоорганизовалась лекция ВЛК для поляков. В конце августа Зофья Фишер написала ВЛК из Польши: «Еще раз спасибо Вам за сделание нам возможным провести практик студенческих – они были необыкновенно интересное и все в восторге!» Зофья Фишер сама – необыкновенный человек! Несколько лет назад во время своей поездки в Чечню она оказалась заложницей, но была благополучно освобождена. ВЛК вместе с ней пытался найти возможность реставрации дома Яна Янковского в бухте Витязь, Коля Касьянов сделал проект…

С профессором Нгуен Так Аном и его женой мы ездили на Горнотаежную станцию, а «заодно» – и к археологам на Краснояровское городище. Такие броски в пространстве и времени были очень характерны для ВЛК. Он не мог «прозябать», то есть жить размеренно и неспешно.

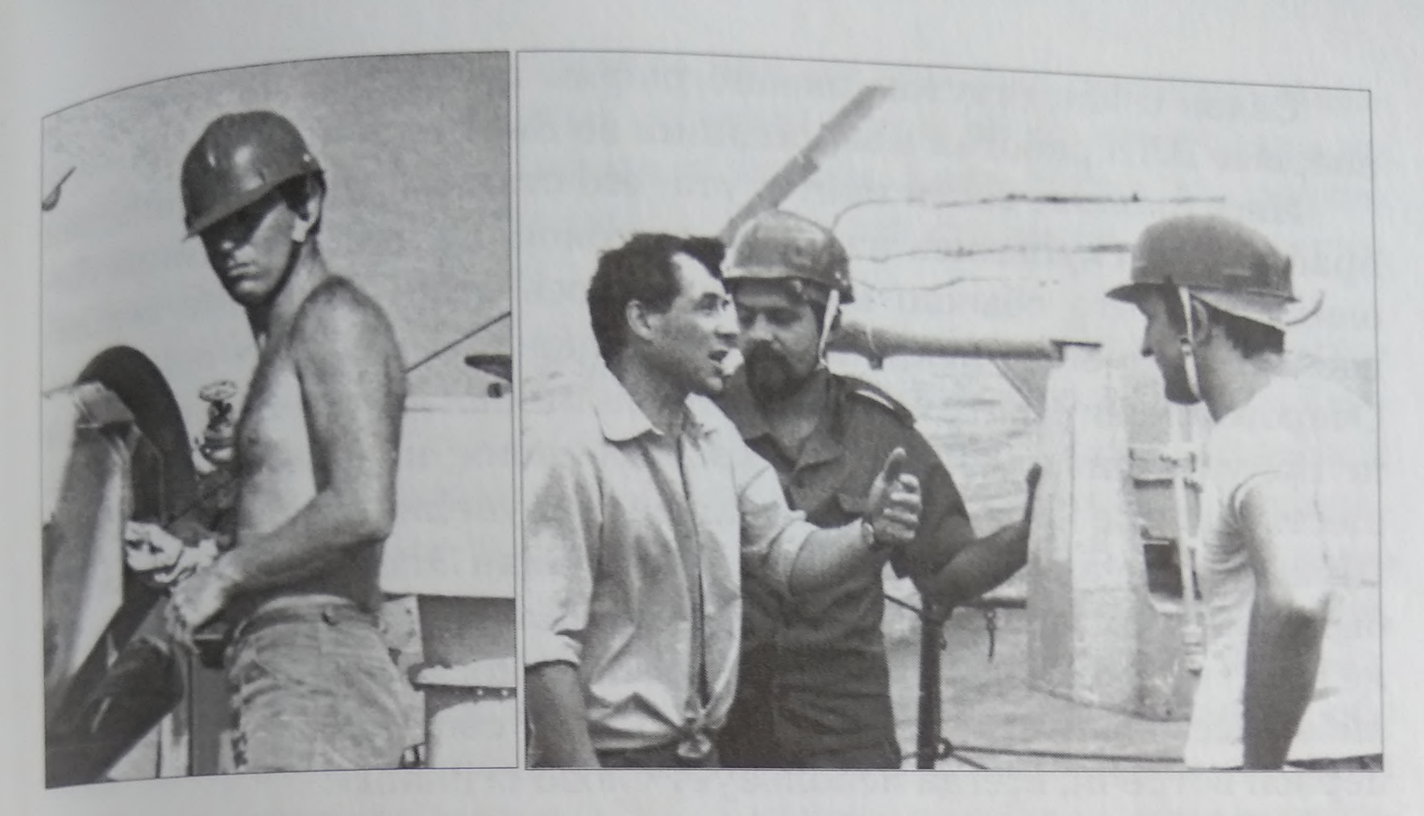

В гостях у биологов Тамары и Эдуарда Титляновых на Горнотаежной станции. На снимке директор ГТС П.С. Зориков, Т.В. Титлянова, Э.А. Титлянов, его племянница, профессор Нгуен Так Ан с женой и я (фото ВЛК)

На встрече с зарубежными учеными (конец 1980-х годов)

ВЛК, директор вьетнамского Института океанологии Нгуен Так Ан и польский эколог профессор Зофья Фишер в Лазовском заповеднике (2005)

Эмбриологи ИБМ: ВЛК, Л.В. Долгов и В.И. Радашевский – в рейсе во Вьетнам (1986)

Директор Тихоокеанского института биоорганической химии академик В.А. Стоник, Нгуен Так Ан и ВЛК у института в Нячанге (2004)

Связь с Институтом океанографии в Нячанге была давней: впервые ВЛК работал в экспедиции во Вьетнаме в 1986 году.

Иностранные гости института, его станций, заповедника, как правило, не скупились на слова высокой оценки Владимира Леонидовича, что обычно воспринималось нами как дань вежливости, но это было искреннее, сердечное восхищение человеком. Очарование личности ВЛК чувствовали многие, а ведь он никогда не приукрашивал себя и не скрывал своих, кажущихся ему существенными, недостатков, скорее преувеличивал их. Андрей Шукалюк писал мне из Канады, что Брайан Этткин (Brian Ettkin), бывший волонтером Корпуса мира на Дальнем Востоке и уже после этого приезжавший во Владивосток, «когда в разговоре с кемлибо рассказывает о ВЛК или описывает свои впечатления от их первой встречи, всегда использует слово brilliant».

ВЛК совершил множество зарубежных поездок и перелетов по стране, прежде всего, конечно, из Владивостока в Москву. В столице успевал сделать невероятно много и всегда оставался доброжелателен и приветлив.

Помимо бесконечных дел, в Москве ВЛК как члену совета по науке и технологиям при президенте РФ приходилось присутствовать на приемах самого высокого ранга. Академик В.А. Черешнев, возглавляющий Уральское отделение Академии наук,

Академик В.А. Черешнев, певица Лариса Долина и ВЛК

передал ему несколько фотографий, из которых помещаю лишь фото с известной эстрадной певицей Ларисой Долиной; есть на снимках блистательная оперная певица Анна Нетребко, другие замечательные лауреаты государственной премии и лица высшего государственного ранга...

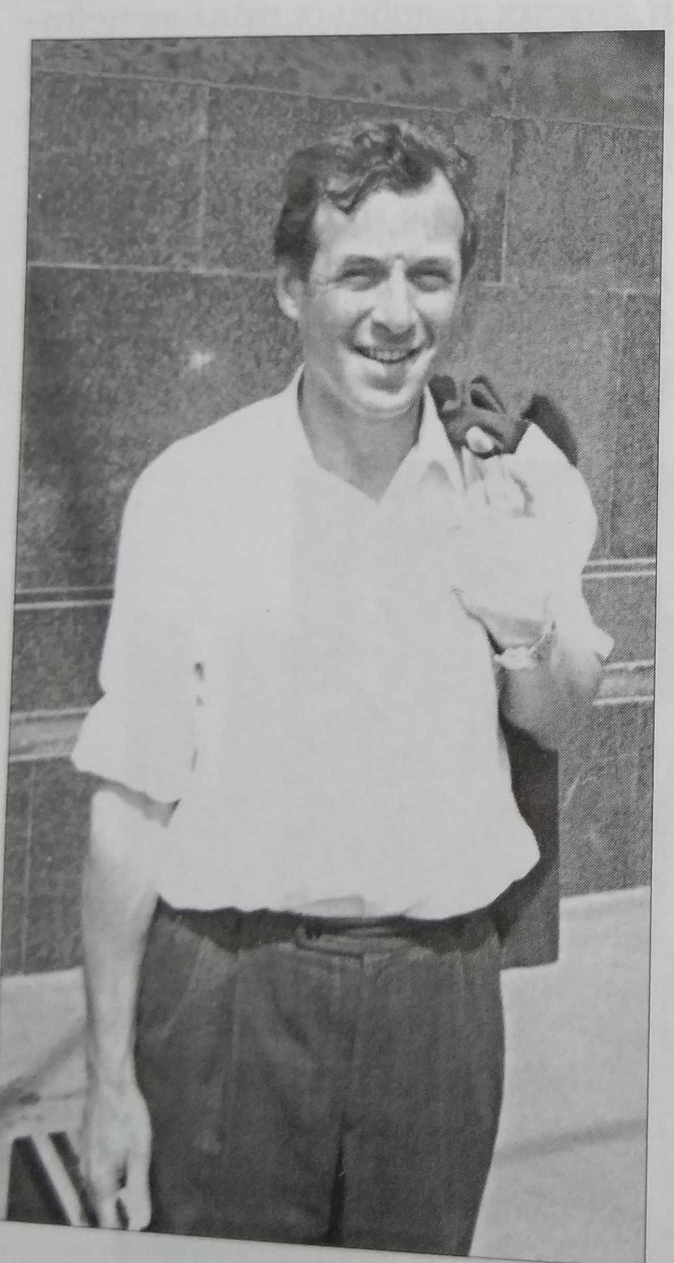
ВЛК несколько раз был в США (впервые в 1975 году в составе делегации вместе с А.В. Жирмунским), побывал в Канаде, Германии, Швеции, Голландии, Южной Африке, Китае, Северной и Южной Корее, Японии, Вьетнаме, на Филиппинах, в Индонезии, Монголии... Все поездки мне просто не вспомнить. Нередко ездил один, ничуть не страшась транспортных недоразумений, бытовых и рабочих сложностей жизни в незнакомых странах. Вернувшись, Володя живо и увлекательно рассказывал обо всем увиденном, о своих впечатлениях. Я только ахала, узнавая о пропаже его чемодана в США и других подобных приключениях. В 1979 году он два месяца работал на морской биологической станции Дьюкского университета в городке Бофорт в Северной Каролине по развитию мечехвоста, оседанию его личинок, гормональной регуляции линьки и воздействию на личинок пестицида димилина.

О своей жизни в Америке и путешествиях Володя рассказывал захватывающие и смешные истории.

В лаборатории на станции в Северной Каролине, США (1979)

В 1986 году он участвовал в рейсе на научно-исследовательском судне «Академик Александр Несмеянов» с работой во Вьетнаме и заходами в Сингапур, Нячанг, Хошимин (Сайгон). Помню его описания вьетнамской жизни, биологии морского побережья и мангровых зарослей. Во Вьетнаме ВЛК отличился тем, что попросил рикшу дать ему коляску прокатить нашего сотрудника и пробежал прилюдно круг по городской площади в качестве рикши – такие шутки считались предосудительными для советского человека. После поездки в Канаду были рассказы о замечательной природе: горах, лесах, лосях и оленях, гуляющих в городах, культовых сооружениях индейцев – с показом фотографий. Из Южной Африки в 2004 году он тоже привез много фотографий: на них небольшие пингвины, подобно курицам прячущиеся в кустах на окраине поселка у мыса Доброй Надежды, жирафы, львы и другие животные. Радостно рассказывал, как танцевал в ресторанчике под негритянскую музыку. Невозможно все сразу пересказать и даже вспомнить.

В жаркий московский день

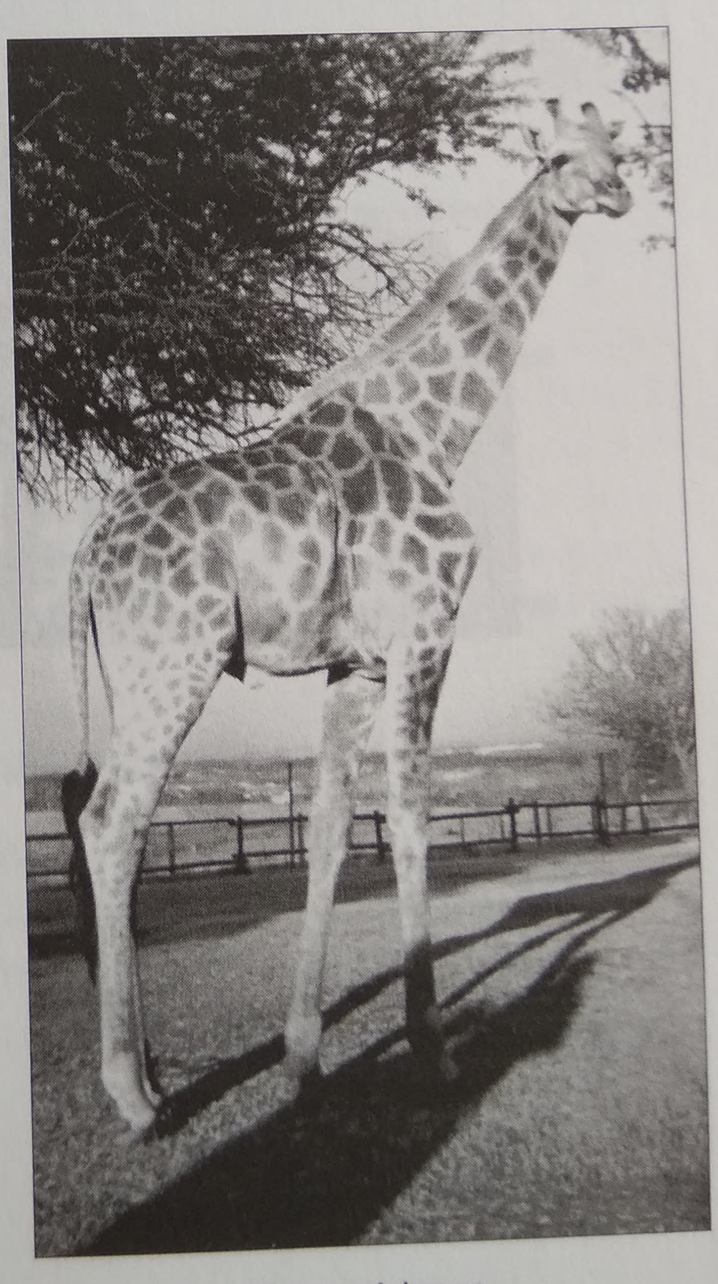
На одном из снимков, привезенных Володей из Южной Африки, – жираф, глядящий на фотографирующего его Володю, и отчетливая тень Володи на траве.

Как я всегда ждала его возвращения! Я не любила провожать его в аэропорту, но встречала всегда. Провожала только на поезд в Хабаровск – в короткие, недалекие поездки, это были легкие проводы. Нам нравилось, когда на владивостокском вокзале в последнюю минуту перед тем, как поезд «Океан» тронется, раздавалась музыка марша «Прощание славянки». А однажды трубач-любитель,

игравший на переходе к поездам, к нашей радости, затрубил этот марш синхронно с тем, что звучал из динамиков. Володя всегда и провожал, и встречал меня. И он, и я встречали друг друга с цветами, и после возвращения из поездок дома стояли цветы, а Котик запрыгивал на стол и садился рядом. И в остальное время Володя часто приходил домой с цветами или покупал их мне во время наших совместных прогулок.

Он дарил мне ценимые нами книги стихов Мандельштама, Ахматовой, Пастернака, Бродского, Цветаевой, добывая их и в те времена, когда такие книги было трудно приобрести. Стихи, их чтение, цитирование на память были важной частью нашего домашнего общения.

Из поездок Володя всегда привозил подарки, хотя бы недорогие, многим людям, а не только домой, что ясно показывает его жизненную тактику. Подарки после возвращения из поездок за границу всегда были неожиданными для меня и необычными, связанными с природой или этнографией стран: пепел вулкана Пинатубо, раковины, этнические украшения. Со мной остаются и духи Dior – последний Володин подарок, привезенный из Германии и оказавшийся прощальным...

Южная Африка.
Жираф и тень фотографирующего Володи

Поездка в Германию по приглашению профессора Отто Кинне была для Володи последней. После возвращения он был во Владивостоке, на работе и дома, всего два дня: из-за множества дел не успел, как раньше, спокойно рассказать о поездке, вспоминал о ней на ходу, коротко сообщал что-то и обещал: «Я тебе потом все подробно расскажу»... Мы провели два

вечера на открытой террасе кафе недалеко от дома, пили красное сухое вино, слушали прекрасное исполнение девушкой на саксофоне «Сан-Луи блюза» (или девушка с саксофоном была там перед его отъездом в Германию? Уже не могу точно вспомнить)...

Где ж ты, моя минута счастья?
Гонюсь за сладкой тишиной:
Но я уж в области ненастья,
И буря воет надо мной.

Федор Глинка

Конец дороги жизни

Я вспомню этот день — и цепенею:
Я вижу вновь прощальный
скорбный взгляд.

Франческо Петрарка

Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.

Михаил Лермонтов

Прощай, размах крыла
расправленный,
Полета вольное упорство.
....
Тебя вели нарезом
по сердцу моему...

Борис Пастернак

Володя вернулся из Германии 28 сентября. Фотография его с Отто Кинне в Германии – одна из последних. После его возвращения еще несколько снимков были сделаны Л.Л. Макогиным во время заседания президиума ДВО РАН. На некоторых фотографиях ВЛК необычно печальный, горестный. Усиливалась напряженность, связанная с решениями о строительстве во Владивостоке океанариума, локализации терминала нефтепровода из Сибири на западное приморское побережье – это затрагивало отнюдь не только Володю, но и интересы сильных мира сего...

ВЛК и директор Тихоокеанского океанологического института академик В.А. Акуличев на заседании президиума ДВО РАН 30 сентября 2005 года

А самая последняя фотография Володи, сделанная мной по дороге в бухту Троицы, примерно за полчаса до рокового мгновения, пропала вместе с цифровым фотоаппаратом, от которого остался только чехол.

...1 октября 2005 года мы поехали в Троицу, на научную станцию Тихоокеанского института биоорганической химии. Там проходило заседание директоров институтов Дальневосточного отделения.

In the lonesome October...

Edgar Poe

С утра у него было очень высокое давление, и мы выехали позже, чем собирались. Я не хотела ехать и сказала об этом Володе. Он ответил: «Если ты не поедешь, я тоже не поеду». И я решила ехать, понимая, что его обещание одному человеку поговорить с другим в Троице о рабочих делах – непременный моральный долг... «Бескорыстное и самоубийственно-затратное служение другим», как потом сказал об этом Коля.

Предчувствие, зачем ты отказалось
Поверить, что мучения грядут?
Значение прощальных тех минут
Не сразу, не тогда, потом сказалось.

Франческо Петрарка

Мы ехали рядом на заднем сиденье машины, Володя справа, я подалась вперед, чтобы лучше видеть местность и дорогу впереди в просвете между спинками передних сидений; он дремал. Мы не знали, что мчимся в «ужас последней разлуки».

Я хорошо помню хлопок баллона колеса – и нас понесло «в никуда и в никогда». Машина слетела с дороги, завалилась набок, я с тоской поняла, теряя сознание, что она продолжает переворачиваться («опрокидывание» – так было написано в протоколе следственного отдела Хасанского РОВД). Не знаю, как я выбралась из машины, как бросилась к Володе, – его, по-видимому, выбросило через приоткрывшуюся дверь. Но помню, как я охватила его за плечи, пыталась поддержать голову, увидела страшную травму и, громко, отчаянно рыдая, взывала к нему, крича: «Что с тобой?» И он откликнулся мне в последний раз, из последних сил, и тихо проговорил: «Так получилось...» Он умер в моих руках, на моих руках, и последнее, что он выдохнул, было мое ласковое имя. Но я не могла поверить в его уход от меня, я еще надеялась на чудо, ведь он всегда был моим спасителем!

Наверно, он успел все понять – его понимание ситуации всегда было быстрым и точным. «Nobody knows the trouble I've seen, nobody knows my sorrow», – пел Луи Армстронг в погребальной песне (dead man blues).

Как написано в постановлении следственного отдела при Хасанском РОВД, «в результате опрокидывания пассажир Касьянов В.Л. получил телесные повреждения, несовместимые с жизнью, и скончался на месте происшествия». Да, это произошло там, на том самом месте, где я выла, «как раненый зверь»,

Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой!

Анна Ахматова

Появились какие-то люди, я на них не смотрела и различала только перемещение теней, иногда накрывающих нас, загораживающих от солнца. Потом прибыли врачи «скорой помощи» из поселка Славянка. Кажется, мне сделали какой-то укол. С моей головы капала кровь – а Володя лежал уже с белым, бескровным, травмированным лицом. Я все это видела... «И сердце на клочки не разорвалось...»

Меня повели к машине «скорой помощи», поддерживая с обеих сторон. Перед открытой дверцей машины я стала вырываться и выкрикивать, что никуда не поеду без Касьянова, без Владимира

Леонидовича! Обернувшись, я совершенно ясно, в ярком солнечном свете, увидела сверху, с дороги, перевернутую машину, а за ней на траве лежал Володя в своей светлой курточке и серых брюках. Медики сказали мне: «Не беспокойтесь, всех доставим» – и после этого я очнулась уже в реанимации Хасанской центральной районной больницы, в Славянке, куда «поступила по экстренным показаниям в тяжелом состоянии, обусловленном травмой» (как записано в истории болезни).

После того как убрали капельницу, я сползла на пол, обошла все помещения реанимации и нигде не обнаружила ВЛК. В моей травмированной голове возникла безумная надежда, что ему стало лучше, что он скоро заберет меня из этой страшной реанимации. Я все еще ждала чуда... Спрашивала о нем у врачей. Сначала они не хотели говорить, потом последовал ответ: «Черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью».

«И упало каменное слово...» Я поняла, что это правда – ведь я сама уже видела эту немыслимую травму.

Мне не удалось умереть вместе с ним, в один и тот же день. Меня, по-видимому, сначала стиснуло, зажало между спинками передних сидений, а потом выбросило оттуда при дальнейшем опрокидывании машины – насмерть не убило, я получила (согласно записи в истории болезни) «сотрясение головного мозга. Неосложненный перелом 4, 5, 6, 8, 11 ребер справа. Ушиб шейного, грудного отделов позвоночника. Ушибы, ссадины головы, тела». На мне тогда были янтарные бусы, и я поразилась, посмотрев на них через месяц и увидев множество выбоин, царапин, исчезновение полировки почти на всех бусинах: как же нас било!

Хасанская трасса оказалась концом жизненной дороги ВЛК и нашей совместной жизни. Он погиб вблизи мест, которые защищал, – вблизи морского заповедника и последних мест обитания дальневосточных леопардов. Отдал жизнь «за други своя», за сбережение для живущих этой сказочной природы.

Володя был жестоко выброшен из жизни и жестоко покинул нас.

1 октября 2005 года я и Коля осиротели, оставшись несчастными птенцами разоренной семьи.

Из нашего прежнего волшебного мира любви, доброты и понимания мы попали в катастрофически изменившийся, обесценившийся, опустевший мир.

Без тебя я – без племени и без роду
Существо, подобное недобитку.

Инна Лиснянская

Ужас и отчаяние утраты не проходят. Никто никогда не был для меня добрее, заботливее и надежнее Володи, хотя я выросла в хорошей, благополучной семье и никогда не чувствовала себя обездоленной – до 1 октября 2005 года.

...I feel like a motherless child...

Ray Charles

Душе ограбленной утратить все права,
Любви потерянной скитаться без призору...

Франческо Петрарка

Счастье ушло с солнцем и парусом нашей семьи – Володей.

Лучший дар, не возвращенный богом.

Арсений Тарковский

Все погребло с собой мое светило...
Жизнь однозвучна. Зрелище уныло...

Франческо Петрарка

Рухнул свод над головой, удерживавший атмосферу божественной легкости жизни, любви и счастья. Остается жить в развалинах, руинах прежнего мира, в пустоте. «Жизнь, как подстреленная птица...»

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла...

Анна Ахматова

Страшной ценой Володя избежал болезней, старости, угасания и постепенного разрушения. Он не потерял набранной высоты, продолжал свой взлет...

Прошло пятьдесят лет с той поры, когда я впервые увидела Володю в Ленинградском университете, и тридцать лет от начала нашей совместной жизни во Владивостоке. Полвека дружбы, понимания и любви...

Незабвенный мой друг и нежный,
Только раз приснившийся сон...
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово...
....
Он насмерть остался со мной.

Анна Ахматова

Крепка, как смерть, любовь (по Библии).

Наше ослепительное счастье исчезло в заповедном море, на его островах и берегах, укрылось в таежных дебрях. Мне остались лишь воспоминания и сны, в которых, говоря словами Евгения Баратынского, «я тень, священную мне, встречу». «Блистательная тень!»

Леонидовича! Обернувшись, я совершенно ясно, в ярком солнечном свете, увидела сверху, с дороги, перевернутую машину, а за ней на траве лежал Володя в своей светлой курточке и серых брюках. Медики сказали мне: «Не беспокойтесь, всех доставим» – и после этого я очнулась уже в реанимации Хасанской центральной районной больницы, в Славянке, куда «поступила по экстренным показаниям в тяжелом состоянии, обусловленном травмой» (как записано в истории болезни).

После того как убрали капельницу, я сползла на пол, обошла все помещения реанимации и нигде не обнаружила ВЛК. В моей травмированной голове возникла безумная надежда, что ему стало лучше, что он скоро заберет меня из этой страшной реанимации. Я все еще ждала чуда... Спрашивала о нем у врачей. Сначала они не хотели говорить, потом последовал ответ: «Черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью».

«И упало каменное слово...» Я поняла, что это правда – ведь я сама уже видела эту немыслимую травму.

Мне не удалось умереть вместе с ним, в один и тот же день. Меня, по-видимому, сначала стиснуло, зажало между спинками передних сидений, а потом выбросило оттуда при дальнейшем опрокидывании машины – насмерть не убило, я получила (согласно записи в истории болезни) «сотрясение головного мозга. Неосложненный перелом 4, 5, 6, 8, 11 ребер справа. Ушиб шейного, грудного отделов позвоночника. Ушибы, ссадины головы, тела». На мне тогда были янтарные бусы, и я поразилась, посмотрев на них через месяц и увидев множество выбоин, царапин, исчезновение полировки почти на всех бусинах: как же нас било!

Хасанская трасса оказалась концом жизненной дороги ВЛК и нашей совместной жизни. Он погиб вблизи мест, которые защищал, – вблизи морского заповедника и последних мест обитания дальневосточных леопардов. Отдал жизнь «за други своя», за сбережение для живущих этой сказочной природы.

Володя был жестоко выброшен из жизни и жестоко покинул нас.

1 октября 2005 года я и Коля осиротели, оставшись несчастными птенцами разоренной семьи.

Из нашего прежнего волшебного мира любви, доброты и понимания мы попали в катастрофически изменившийся, обесценившийся, опустевший мир.

Без тебя я – без племени и без роду
Существо, подобное недобитку.

Инна Лиснянская

Ужас и отчаяние утраты не проходят. Никто никогда не был для меня добрее, заботливее и надежнее Володи, хотя я выросла в хорошей, благополучной семье и никогда не чувствовала себя обездоленной – до 1 октября 2005 года.

...I feel like a motherless child...

Ray Charles

Душе ограбленной утратить все права,
Любви потерянной скитаться без призору...

Франческо Петрарка

Счастье ушло с солнцем и парусом нашей семьи – Володей.

Лучший дар, не возвращенный богом.

Арсений Тарковский

Все погребло с собой мое светило...
Жизнь однозвучна. Зрелище уныло...

Франческо Петрарка

Рухнул свод над головой, удерживавший атмосферу божественной легкости жизни, любви и счастья. Остается жить в развалинах, руинах прежнего мира, в пустоте. «Жизнь, как подстреленная птица...»

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла...

Анна Ахматова

Страшной ценой Володя избежал болезней, старости, угасания и постепенного разрушения. Он не потерял набранной высоты, продолжал свой взлет...

Прошло пятьдесят лет с той поры, когда я впервые увидела Володю в Ленинградском университете, и тридцать лет от начала нашей совместной жизни во Владивостоке. Полвека дружбы, понимания и любви...

Незабвенный мой друг и нежный,
Только раз приснившийся сон...
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово...
....
Он насмерть остался со мной.

Анна Ахматова

Крепка, как смерть, любовь (по Библии).

Наше ослепительное счастье исчезло в заповедном море, на его островах и берегах, укрылось в таежных дебрях. Мне остались лишь воспоминания и сны, в которых, говоря словами Евгения Баратынского, «я тень, священную мне, встречу». «Блистательная тень!»

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей…

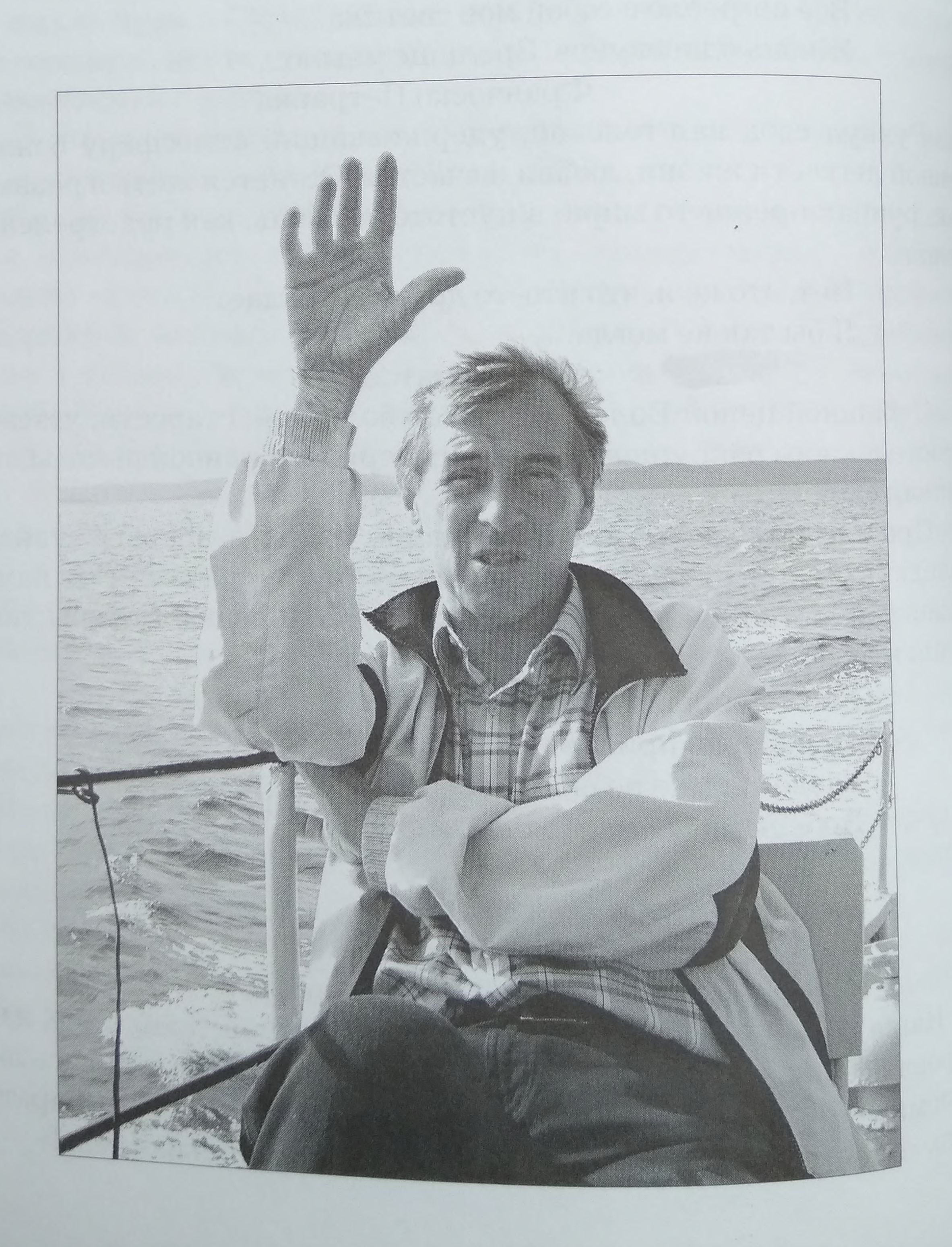
– написал Гавриил Державин на аспидной, грифельной доске за два дня до своей смерти.

But I have lived, and have not lived in vain…
………………………………………………………………
And I have loved thee, Ocean!

G. Byron

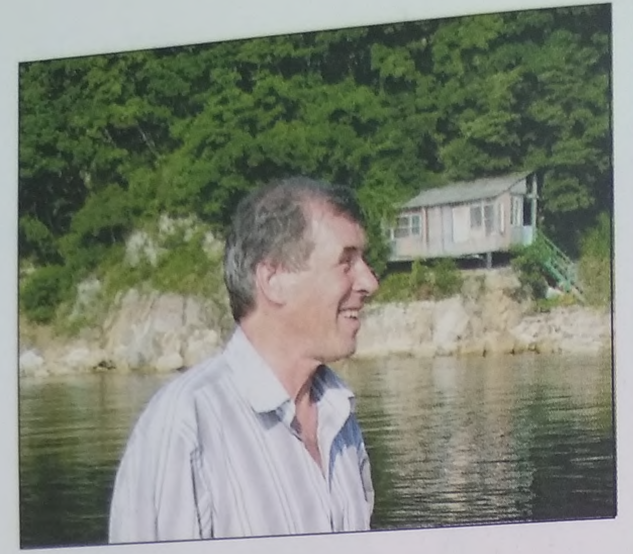
Stall not perished. (Да не исчезнет.)

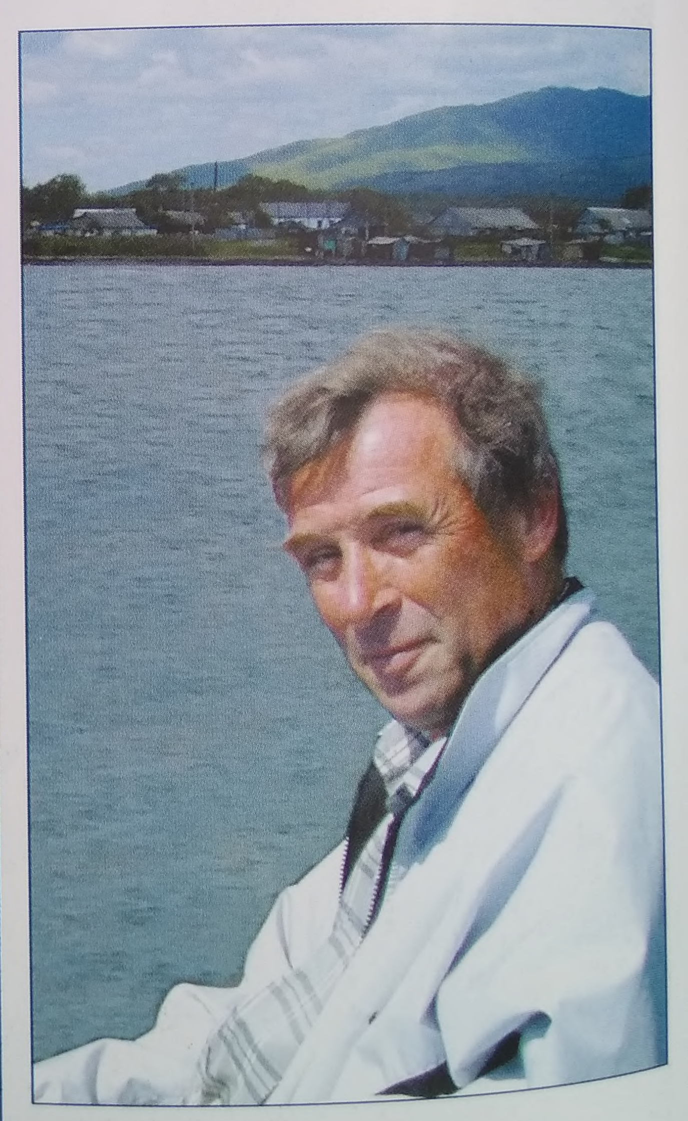
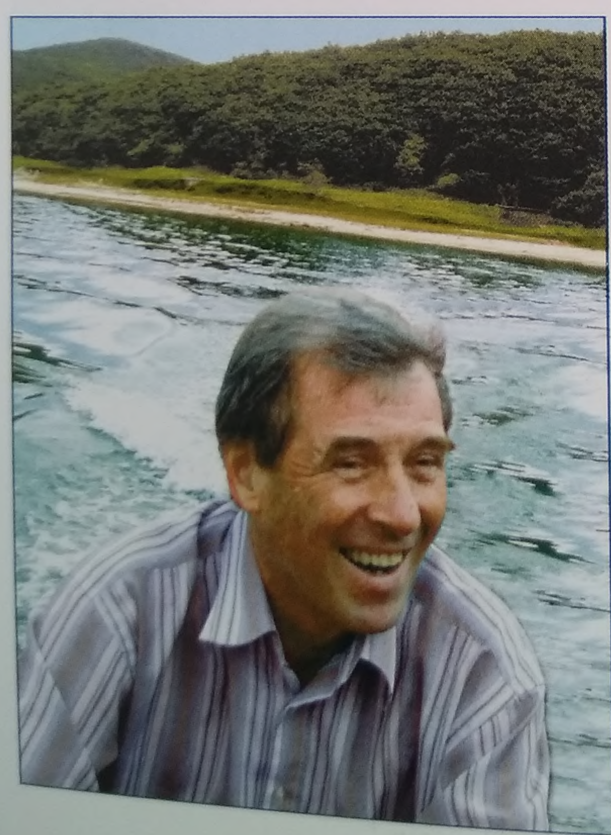
A. Lincoln – W. Faulkner

На крыше ИБМ

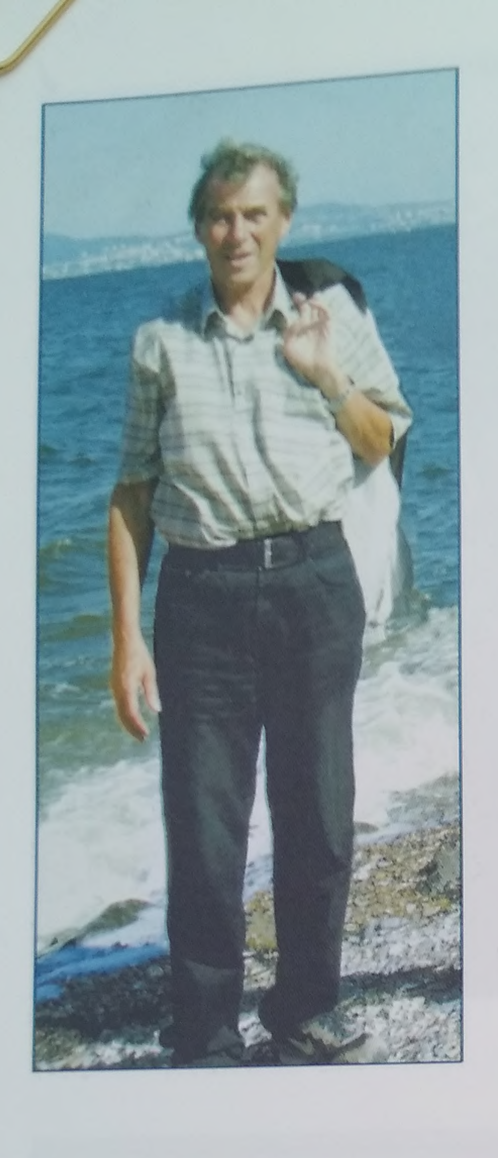

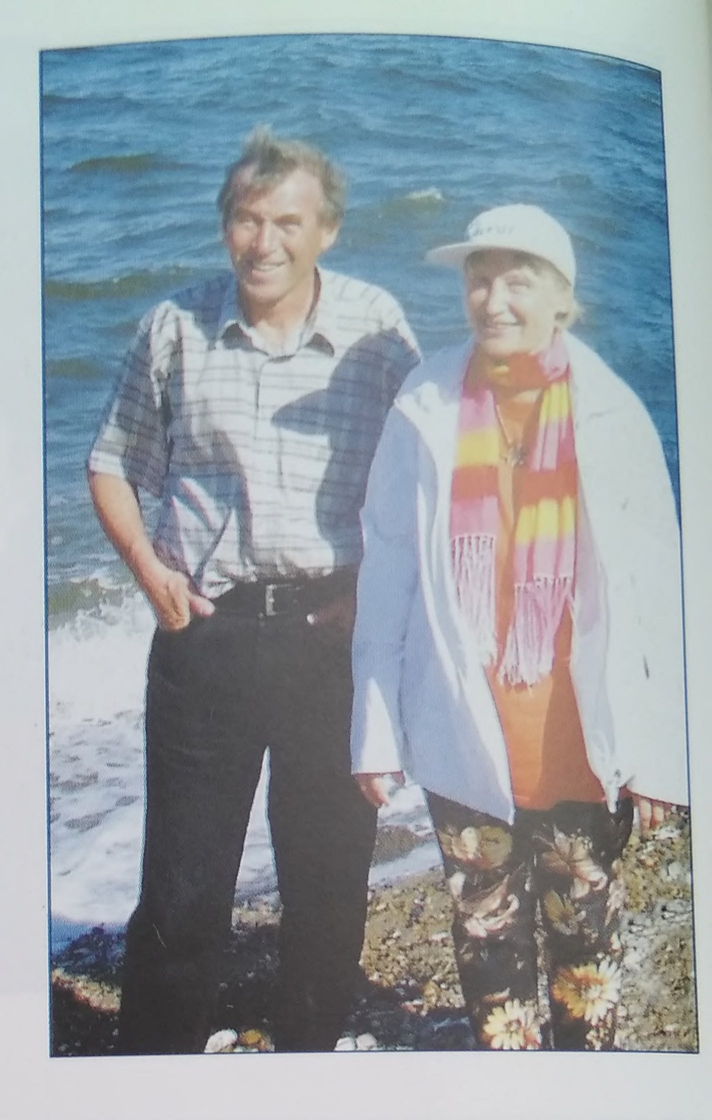
Наша семья

Дома и в поездках по краю

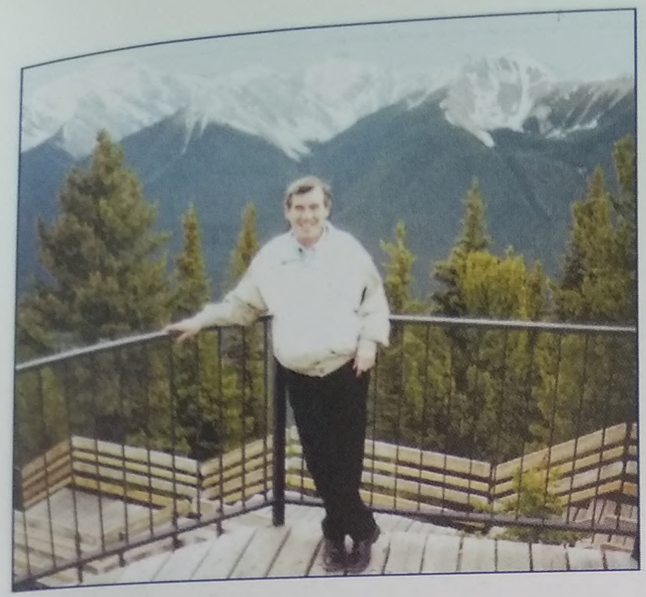

В морских экспедициях

PERIODICA
analytical

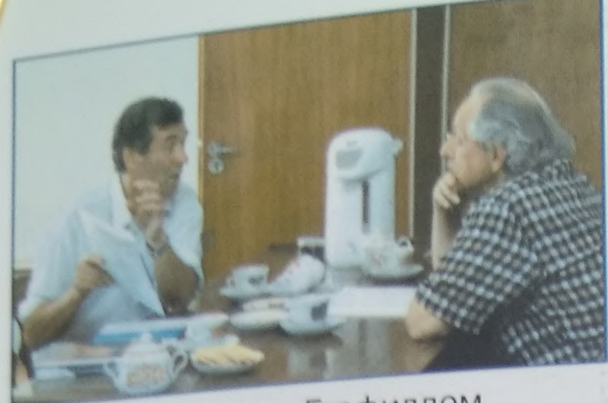

В Канаде
левый верхний снимок

В Германии с Отто Кинне
правый верхний снимок

Во Вьетнаме (г. Нячанг)
с Нгуен Так Аном
и В.А. Стоником
снимок в центре

В ОАР
нижний снимок

С Юджином Гарфилдом

Эугениуш Новак в музее ИБМ

Председатель РАН
Ю.С. Оипов в ИБМ

Бирте и Генрих Тепферы

С Юрием Сенкевичем

Научные интересы и взгляды

Я хотел бы разобраться в экономике и организации производства и переложить на этот язык репродуктивную биологию.

...геология мне более понятна, чем биология... Если представить себе знание человека в виде круга, то за его пределами – незнаемое. Если кружочек маленький – и линия окружности невелика. Но чем больше круг знания, тем больше контакт с неизвестным.

В.Л. Касьянов

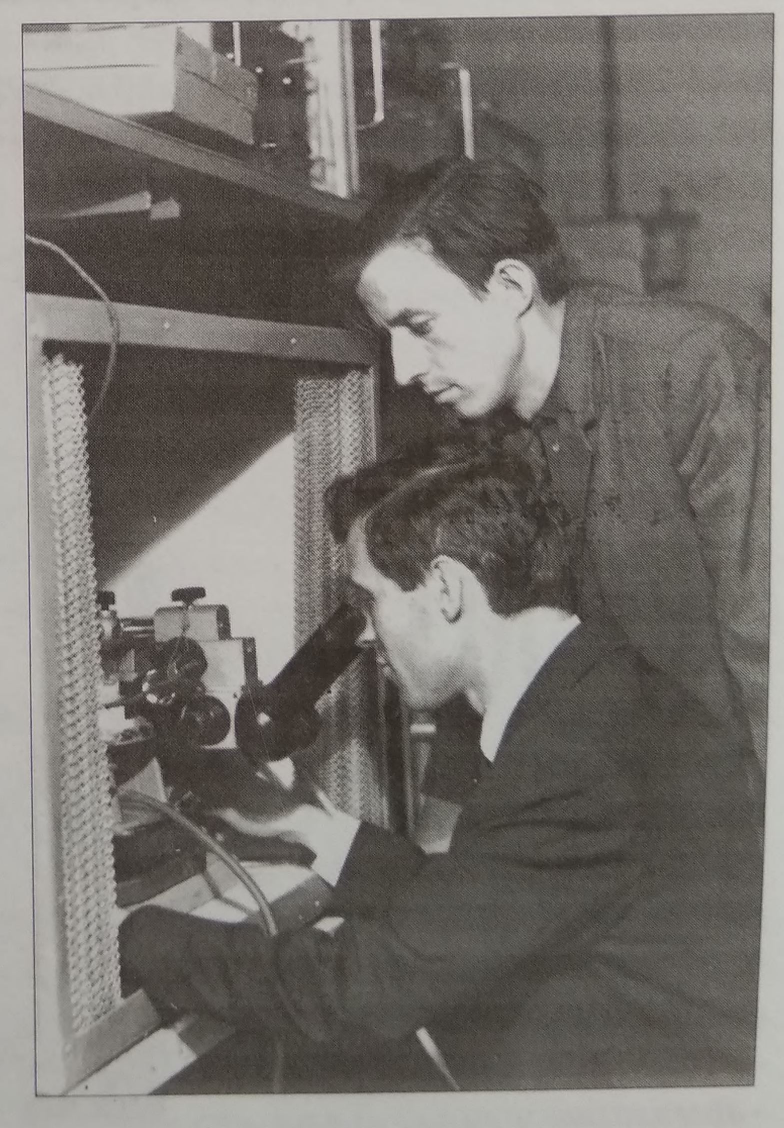
Владимира Леонидовича постоянно привлекала гуманитарная сфера: история, география, языкознание. Я не сомневаюсь, что он мог бы стать историком, географом, филологом, медиком – и достиг бы в этих областях не меньшего успеха, чем в биологии. Он всегда покупал много книг (на некоторые, лишь немногие, из этих книг я ссылаюсь здесь), географических атласов и карт, собирал значки, марки, монеты. Среди множества его удостоверений и членских билетов сохранились билеты общества нумизматов, других обществ, библиотек…

В студенческие годы в университетской лаборатории Володя разъединял на отдельные клетки зародышей лягушки и следил за движением и поведением изолированных эмбриональных клеток. Темой его кандидатской диссертации было электрофизиологическое изучение ооцитов травяной лягушки. Диссертация называлась скромно: «Исследование ооцитов и яйцеклеток травяной лягушки Rana temporaria L. (некоторые морфофизиологические наблюдения)». Это было тогда новаторское исследование, требовавшее электротехнических знаний, умения работать с микроманипулятором, изготавливать капиллярные микропипетки, заполнять их физиологическим раствором, регистрировать потенциал на осциллографе, записывать электрофизиологическую динамику. Все эти навыки нельзя было приобрести в процессе обучения на биологическом факультете и специализации на кафедре эмбриологии, и всей электрофизиологической методологии Володя научился по сути сам. Он сам собрал установку для измерения мембранного потенциала, включая потенциал активации яйцевых клеток амфибий (кроме лягушки исследовал яйцеклетки тритона и жабы). В характеристике, выданной Володе при переходе в Институт биологии моря и подписанной деканом биолого-почвенного факультета ЛГУ, профессором А.С. Мальчевским, замечательным орнитологом и прекрасным человеком, отмечено, в частности: «Будучи еще студентом, В.Л. Касьянов особенно заинтересовался областью эмбриологии, которая может быть названа физикой эмбрионального развития. В.Л. Касьянов проявил большую энергию и хорошие организаторские способности, создав «на пустом месте» рабочую установку для электрофизиологических исследований. В Ленинграде В.Л. Касьянов оказался пионером морфофизиологических исследований ранних этапов развития животных в аспекте изучения физики эмбрионального развития».

Я знаю, какое множество – десятки! – тетрадей заполнено его записями протоколов экспериментальной работы, конспектами прочитанных статей и книг (все это было еще до появления компьютерной техники и электронных форм). Опубликованные им результаты – это статьи 1965, 1968, 1970 годов (библиография избранных работ ВЛК приведена в конце этой главы) – были одними из первых в мировой литературе; они процитированы в обзоре Р.П. Элинсона (R.P. Elinson, 1980) по электрофизиологии яйцевых клеток амфибий. Новаторскими были и его исследования влияния на яйцеклетки лягушки центрифугирования, вызывавшего удвоение систем осевых органов и появление неразделенных близнецов в ходе дальнейшего развития (1968). Ассоциативные способности Володи и его любовь к картографии проявились в остроумном применении им подходов математической картографии к изображению проекций клеточной поверхности на плоскость для точной регистрации перемещений кортикального пигмента и краев надрезов поверхности яйца лягушки.

На кафедре эмбриологии Ленинградского университета Володя продолжал экспериментальную работу и публиковал статьи совместно со своими учениками – Германом Святогором и Анатолием Дроздовым (1971).

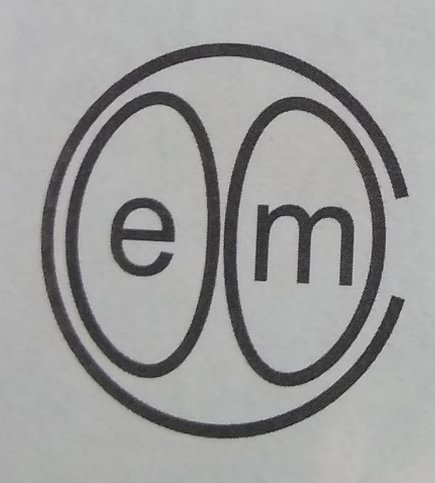
Приехав в 1971 году в Институт биологии моря, Володя занимался исследованием биологии размножения и развития морских беспозвоночных. Летом того же года, во время моей командировки, на станции «Восток» мы с ним начали выяснять сроки размножения морских беспозвоночных и получать развивающихся

Володя и студент Герман Святогор у экспериментальной установки (1969)

зародышей, главным образом двустворчатых моллюсков, иглокожих и червей. По инициативе Володи (с моим участием) попытки культивирования клеток морских беспозвоночных животных были предприняты еще в 1971 году и продолжены после моего приезда на постоянную работу в ИБМ в 1977 году. Впервые на станции «Троица», в лаборатории Нины Львовны Лейбсон, Татьяна Николаевна Игнатова из ленинградского Института цитологии и я стали культивировать клетки и ткани мидии, трепанга и других беспозвоночных. В то время во всем мире еще не проводились такие работы, а ВЛК уже понял их перспективность.

В 1973 году ВЛК стал первым заведующим-организатором лаборатории эмбриологии ИБМ. Приказ о создании лаборатории, подписанный А.В. Жирмунским, появился 1 июня того года, и этот день с тех пор ежегодно отмечается лабораторией как день ее рождения. ВЛК не мог ограничиться сухими научными задачами, он придумал эмблему и флаг лаборатории. Эмблема изображает два бластомера (две первые клетки зародыша), помеченные

Организатор лаборатории эмбриологии ИБМ

латинскими буквами *e* и *m* (означающими основные объекты, исследуемые лабораторией – Echinodermata и Mollusca, а также embryology), внутри яйцевой оболочки с отверстием (микропиле) в виде буквы *C*. Помню, как летом 1978 года во время пребывания на станции «Восток» академика Бруно Понтекорво во главе группы физиков все они, увидев эмблему нашей лаборатории, дружно сказали: «Это нам понятно!» – ведь сочетание букв *e m c* то же, что и в знаменитой формуле Эйнштейна.

Дизайн лаборатории эмбриологии 1970-х годов в бывшем на станции «Восток» деревянном доме включал корабельные штурвал и якорь.

Изучение репродуктивных циклов морских моллюсков и иглокожих привело к появлению серии статей и книги, в которой впервые детально описано развитие, строение личинок и метаморфоз 28 видов двустворчатых моллюсков, голотурий, морских ежей, морских звезд; даны определительные таблицы для идентификации личинок в планктоне (Касьянов и др., 1983). По этой теме в 1985 году в Москве Володя защитил докторскую диссертацию «Закономерности размножения и развития морских двустворчатых моллюсков и иглокожих». Эпиграфом к диссертации (в приложении, включающем иллюстрации) он поставил цитату из поэмы Лукреция «О природе вещей» (I век до н.э.):

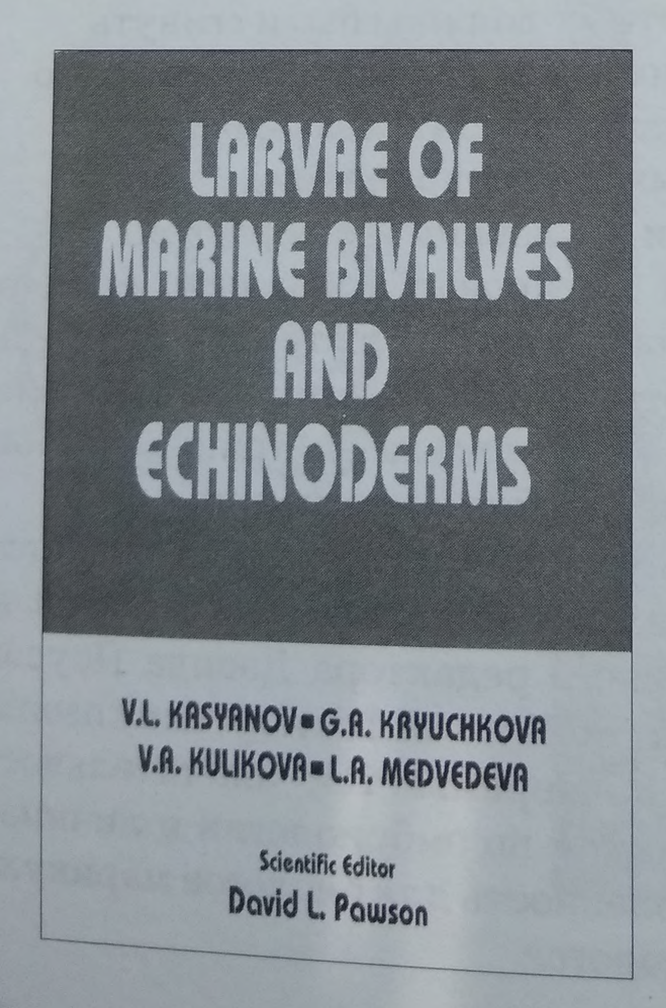
В пору ту многие виды животных должны были сгинуть
И не могли свою жизнь продолжать, размножая потомство.
Виды же те, что доныне вдыхают живительный воздух,
Испокон века от гибели племя свое сохраняют
Хитростью, или отвагою, или же ловким проворством.

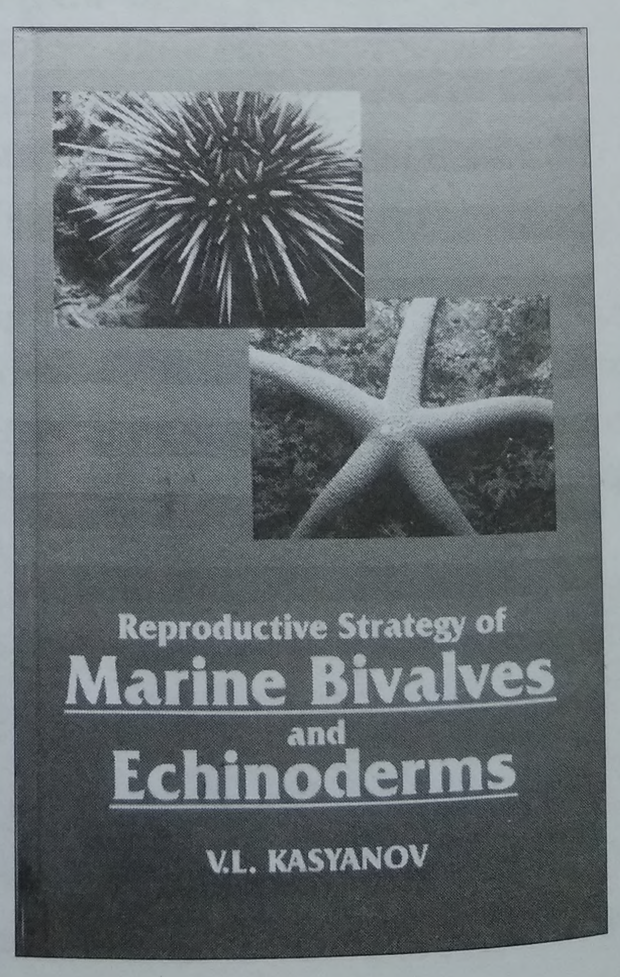
С каким удовольствием он цитировал Лукреция, особенно последнюю строчку приведенной цитаты! Поставить Лукреция эпиграфом к докторской диссертации по биологии тоже было некоторой отвагою. Эта же цитата послужила эпиграфом к книге по репродуктивной стратегии моллюсков и иглокожих.

Книга «Личинки морских двустворчатых моллюсков и иглокожих» (1983) переведена на английский язык (Kasyanov et al., 1998). В предисловии американского редактора Дэвида Поусона (David Pawson, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, Washington, D.C.) подчеркивается значительность вклада книги в мировую литературу по эмбриологии и личиночному развитию, ее важность и полезность для биологов марикультуры, эмбриологов и морских биологов.

В книге В.Л. Касьянова «Репродуктивная стратегия морских двустворчатых моллюсков и иглокожих» (1989), изданной также в США (Kasyanov, 2001), закономерности размножения и развития охватывают уровни биологической организации от клетки до организма, от популяций до видов и сообществ. Рассмотрены вопросы дифференцировки пола, полового диморфизма, гаметогенеза, строения гамет, развития зародышей, строения планктотрофных личинок двустворчатых моллюсков и иглокожих. Дан анализ энергетики размножения, плодовитости, описано оседание личинок и пополнение ими популяции. Рассмотрены генетические аспекты репродуктивных стратегий, приуроченность планктотрофных стратегов к определенным районам обитания. Приведена сравнительная характеристика планктотрофной и лецитотрофной стратегий. Размножение и развитие исследуются как единый процесс в рамках эволюционно-экологических представлений. Основное в изучении репродуктивной биологии – выявление комплекса адаптаций на всех уровнях организации, от субклеточного до уровня организма, популяции, вида и биоценоза (Касьянов, 1989, 1999).

Способности научного лидера, стимулирующего творческое развитие сотрудников, ярко проявились в руководимой ВЛК лаборатории эмбриологии. Он возглавлял научную школу морских биологов «Биология размножения и развития морских организмов»,

неоднократно поддержанную грантами ведущих научных школ и признанную Федеральным агентством по науке и инновациям в 2003 году одной из ведущих научных школ (грант президента РФ для поддержки ведущих научных школ Российской Федерации). Сегодня в лаборатории работают четыре доктора и 16 кандидатов наук; по крайней мере трое кандидатов уже готовят докторские диссертации; сотрудников без степени практически нет – аспиранты быстро защищают диссертации. Защищены четыре докторские и 17 кандидатских диссертаций, как правило, под руководством В.Л. Касьянова или его учеников. Для этого коллектива характерен широкий спектр исследований и разнообразие применяемых методов – от гистологических, ультраструктурных и цитохимических до иммунохимических и молекулярно-биологических, от подводных работ до культивирования клеток и компьютерного моделирования. Объектами изучения служит широкий круг водных организмов: водорослей, книдарий, червей, моллюсков, ракообразных, иглокожих и хордовых животных.

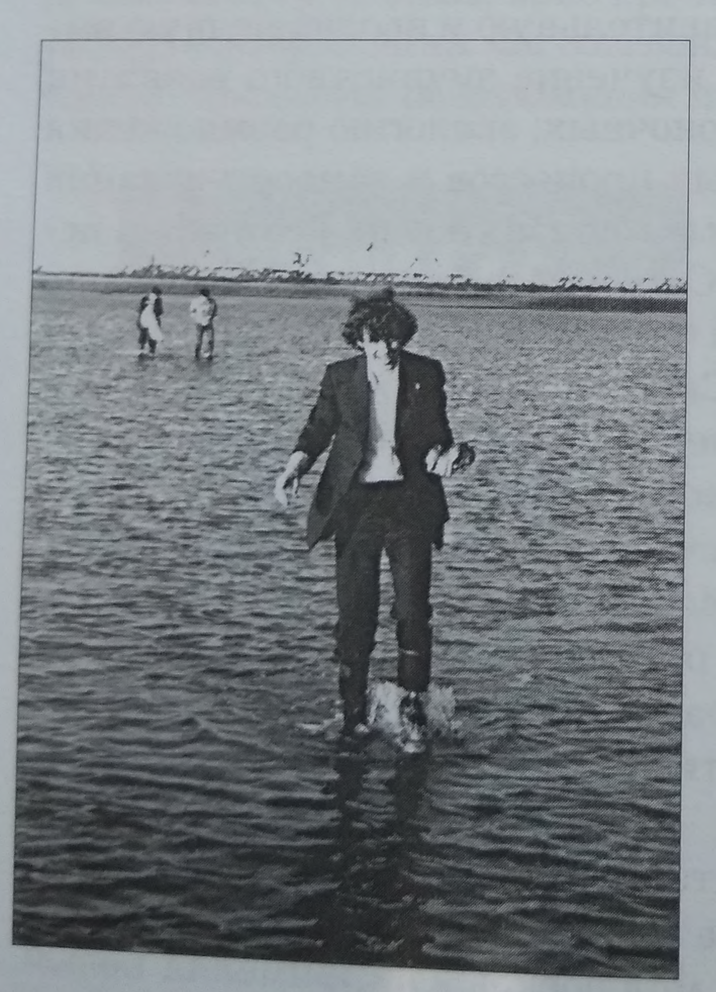
Направления работы сотрудников лаборатории эмбриологии включают исследования половых и стволовых клеток, гаметогенеза, половых детерминантов; сравнительную и эволюционную эмбриологию морских организмов; изучение личиночного развития и метаморфоза морских беспозвоночных; экологию размножения и развития; изучение нелинейных процессов и самоорганизации в морфогенезе организмов и их клеточных систем. География исследований – от Исландии до Южной Африки, от Каспийского и Азовского морей до побережий Северной и Южной Америки, от берегов Чукотки и Камчатки до Сиамского и Тонкинского заливов. Основное же место работы нашей лаборатории – институтская морская станция «Восток». «Такой широкий подход в сочетании с регулярными семинарами я считаю оправданным: он позволяет видеть, насколько можно, все разнообразие процессов размножения и развития морских организмов в целом, а каждому сотруднику дает возможность работать в интересующем его направлении, т.е. раскрывает его творческие способности» (Касьянов, 1999, с. 123).

ВЛК провел обширное описательное и экспериментальное исследование репродуктивной стратегии на многих видах и разных стадиях развития иглокожих и моллюсков. Он применил новый и точный количественный подход к оценке энергетических затрат на производство потомства – метод определения «энергетического

бюджета» мидии и морской звезды как представителей моллюсков и иглокожих (1985, 1987).

Одна из интересных и необычных работ была проведена им на яйцевых клетках морской звезды Henricia hayashi совместно с Е.Р. Гагинской и Е.С. Мамровой (Корниенко). Была найдена интенсивная амплификация (умножение) локусов ДНК, кодирующих рибосомную РНК, с отделением их от хромосомы и обособлением в виде множественных внехромосомных ядрышек, содержащих рибосомную ДНК и РНК. Таким образом, был открыт необычный механизм многократного умножения продукта рибосомных генов. Ранее была известна амплификация таких локусов в составе хромосомы лягушки, с отделением множественных ядрышек, содержащих только рибосомную РНК.

В 1979 году ВЛК два месяца работал в Морской лаборатории Дьюкского университета (Duke University), расположенной на Атлантическом побережье США в небольшом городке Бофорте, в Северной Каролине, изучая оседание личинок мечехвоста на укрепленные в море и в лаборатории пластины и влияние на личинок пестицида димилина, аналога гормона линьки; статья по результатам работы была опубликована в 1984 году.

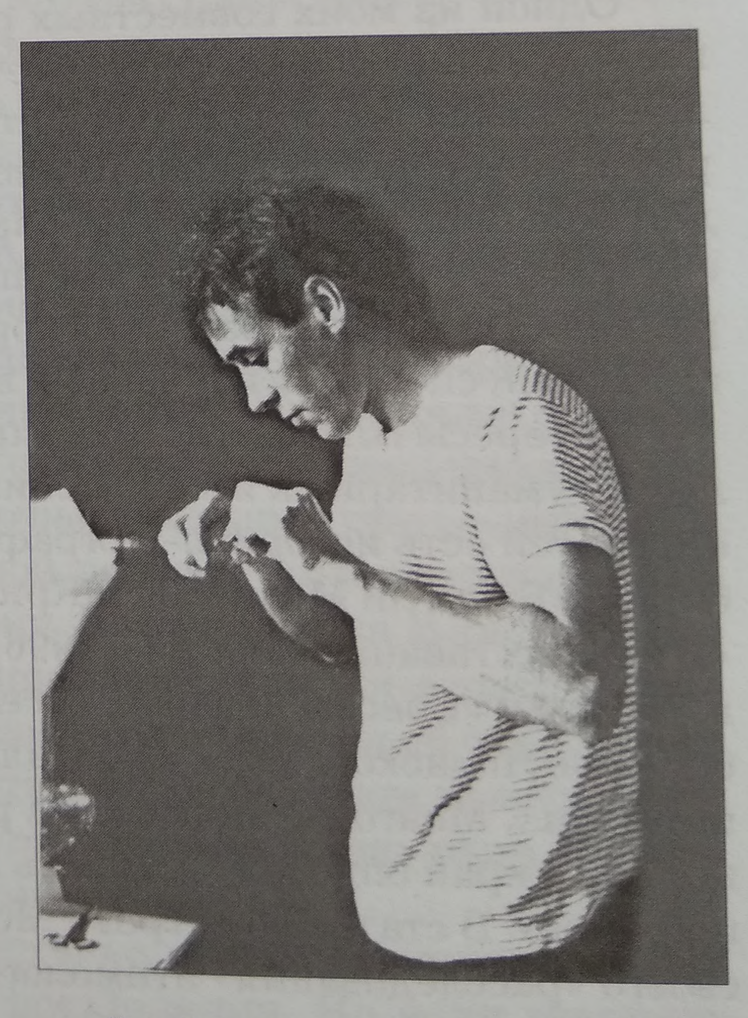
С пойманным мечехвостом
(Северная Каролина, США, 1979)

Для получения материала лабораторных экспериментов надо было ночью в определенный сезон, когда самки мечехвоста с созревшей икрой выходят на прибрежное мелководье для выведения потомства, ловить их. В 1986 году, во время поездки во Вьетнам, ВЛК изучал там клетки гемолимфы – «крови» мечехвостов. Из этих клеток, амебоцитов вьетнамского вида мечехвоста Tachypleus tridentatus, Владимиру Леонидовичу совместно с другими исследователями удалось выделить реагент на эндотоксины, обычно получаемый

из амебоцитов американского мечехвоста Limulus polyphemus и применяемый в медицинских целях. Трех вьетнамских мечехвостов удалось довезти на нашем судне из Вьетнама во Владивосток и доставить на станцию «Восток», и они прожили в нашей аквариальной два или три месяца. С этими мечехвостами был связан забавный эпизод, когда приезжие американские геологи, увидев их, удивились и стали спрашивать друг друга, что это за животные, и один из них, порывшись в своем интеллектуальном «тезаурусе», выдал: «Я думаю, это трилобиты». Давясь от хохота, я пересказала этот анекдот ВЛК, прибавив, что в представлении американцев наше общество пребывает, по-видимому, во временах ископаемых.

Во время поездки во Вьетнам в 1986 году и сразу после нее ВЛК был очень увлечен поиском сведений о работе в 1929–1934 годах в Нячанге видного русского эмбриолога, зоолога и путешественника К.Н. Давыдова и в 1987 году опубликовал о нем статью. Я помню, как азартно ВЛК собирал о Давыдове все данные, какие мог найти в библиотеках и архивах.

Очень содержательной была серия обзорных статей, написанных совместно с О.М. Корн и А.В. Рыбаковым, о репродуктивной стратегии корнеголовых и других усоногих ракообразных. Она публиковалась в «Биологии моря» в 1977–1979 годах, а в 1999 году авторы получили за нее премию издательства МАИК «Наука». Эти публикации и доклады, сделанные на семинарах лаборатории, послужили толчком к дальнейшим исследованиям бесполого размножения и стволовых клеток колониальных корнеголовых – уникальных в этом отношении представителей членистоногих животных. Появилась и наша совместная статья в «Докладах АН» (1999); в ней впервые представлены прижизненные фотографии

В лаборатории на «Витязе» (1978)

нескольких индивидов-бластозооидов на едином столоне у двух видов корнеголовых. Приехав однажды на станцию «Восток», ВЛК увидел краба, зараженного паразитическим корнеголовым – саккулиной, да еще с несколькими прикрепившимися моллюсками; это наблюдение дало толчок появлению нашей небольшой совместной заметки (2001).

В статьях по ракообразным проявилась обычная склонность ВЛК к метафоричности изложения: он писал, например, что у корнеголовых «репродуктивная стратегия разыграла фантастический спектакль, сняв классически единообразные личиночные покровы» (Касьянов и др., 1999, с. 10); «глубина и неожиданность решений стратегического характера, стоявших в эволюции перед репродуктивной биологией Cirripedia, в сочетании с каждодневной тактической гибкостью репродуктивных процессов в этой группе обеспечили ее процветание в океане. Cirripedia показывают возможность движения вверх по лестнице, идущей вниз» (Касьянов и др., 1997, с. 342). Глубина и неожиданность решений в сочетании с каждодневной тактической гибкостью – характеристика действий самого ВЛК, постоянно поднимавшегося по лестнице, ведущей вверх.

Одной из моих совместных работ с ВЛК было сравнительное исследование особенностей гамет двух видов морских звезд, различающихся репродуктивной стратегией: Henricia, с ее прямым развитием богатых желтком яйцеклеток, и Asterias, с типичным для большинства иглокожих развитием личинок из яйцеклеток, содержащих значительно меньше желтка. Оказалось, что такие различия стратегии развития коррелируют и с особенностями организации спермиев изученных видов (1998).

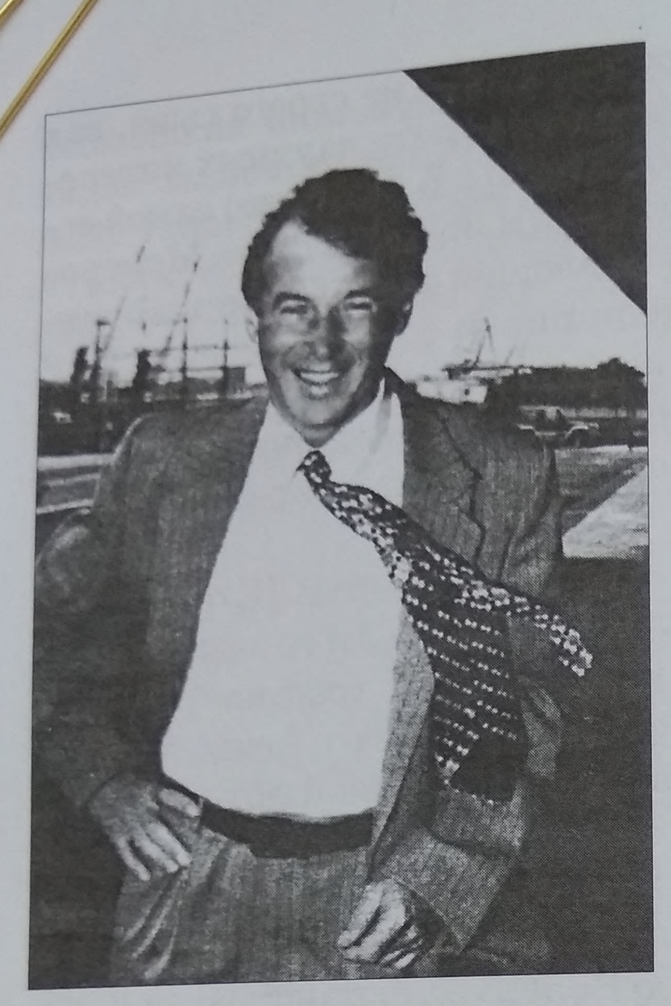
Интересы ВЛК всегда простирались за пределы биологии, в область гуманитарных и междисциплинарных исследований. Среди его статей есть историко-географические: «В южных гаванях Сибири», «Были ли Моннерон и Крильон детьми Лаперуза?». Статья «В южных гаванях Сибири» (1996) начиналась с краткого экскурса в старину: «Совсем недавно, восемь столетий назад, здесь, на побережье Японского моря, были владения Золотой чжурчжэньской империи... Монголы Чингисхана разрушили чжурчжэньскую империю, и край опустел. Остались легенды и развалины крепостей и храмов». В статье об острове Монерон ВЛК сообщает результат своего «расследования» этимологии названия острова, открытого экспедицией Лаперуза: Лаперуз назвал остров в честь главного

инженера экспедиции де Моннерона, а вовсе не своего сына, как утверждал автор одной из публикаций. Широта научных интересов ВЛК привела и к описанию (совместно с Б. Сиренко) самой северной популяции морского ушка Haliotis discus острова Монерон – точнее, псевдопопуляции, существующей лишь за счет занесения личинок с юга (1976). Из экспедиции на остров Монерон ВЛК привез несколько раковин морского ушка, одну из них я носила на цепочке как украшение; фотография этой раковины приведена в статье о морском ушке, написанной ВЛК совместно с А.В. Жирмунским и В.И. Лукиным (1980).

К 100-летию со дня рождения А.Л. Чижевского ВЛК опубликовал статью, в название которой вынесены слова этого замечательного исследователя солнечной активности: «Страшное ощущение огня...» ВЛК предпочитал неформальные заголовки заметок о работе симпозиумов и сессий, оживляя сухие информационные сообщения ассоциативной игрой словами. Одно из географически парадоксальных названий такого сообщения – «Симпозиум по марикультуре на черноморском побережье Белоруссии» – расшифровывалось принадлежностью Белоруссии пансионата, в котором проходил симпозиум (я помню его рассказы об этой и других поездках). Стремление ВЛК к литературной выразительности проявилось и в заметке «Некоторые комментарии к бегу жизни» («Вестник ДВО РАН», 1996, № 5), включившей буквальный перевод curriculum vitae (в словарях переводится как *жизнеописание*) и основанную на нем выразительную метафору. Эта заметка была опубликована к 75-летию А.В. Жирмунского и предваряла его curriculum vitae: «Перед нами описание собственной жизни длиной в 75 лет, скрупулезно составленное А.В. Жирмунским, бега долгого и победного, со многими барьерами, которые ставила перед ним жизнь и, еще чаще, он сам. Ставил и преодолевал».

Общенаучные взгляды ВЛК точно переданы в статье-интервью Марины Ивлевой, опубликованной в газете «Владивосток»; там же помещена удачная фотография улыбающегося ВЛК. Он говорил: «Не верю ни в биоинформационные поля, ни в высший разум»; «война – лишь один из способов внутривидовой борьбы, как бы ни была она ужасна»; «в животном мире на самом деле существует и преданность, и готовность отдать свою жизнь ради другого, и сильнейший материнский инстинкт».

На вопрос, кем он восхищается из коллег-ученых, отвечал: «Да я уж вышел из возраста восхищения. Но если говорить

Снимок в газете «Владивосток» (1999)

о других добрых чувствах – мне нравится коллектив нашего института. А в молодости на мой профессиональный выбор повлиял мой учитель, заведующий кафедрой эмбриологии Ленинградского университета Борис Петрович Токин. Человек удивительно увлеченный. Благодаря Алексею Викторовичу Жирмунскому я несколько десятилетий работаю в Приморье и ни разу об этом не пожалел. Профессор Ольга Михайловна Иванова до сих пор восхищает своим умом, трезвостью, ясностью мысли». Замечательны высказывания ВЛК в конце этой статьи: «по биологии я больше знаю, чем, скажем, по геологии. Так вот, геология мне более понятна, чем биология. А уж эмбриология и вовсе «черный ящик»... Если представить себе знание человека в виде круга, то за его пределами – незнаемое. Если кружочек маленький – и линия окружности невелика. Но чем больше круг знания, тем больше контакт с неизвестным» («Владивосток», 1999, 25 августа).

Позже появилась еще одна статья Марины Ивлевой – «Доживем до океанариума!» («Владивосток», 2004, 23 июля). Статья начинается хорошей фотографией радостно улыбающегося ВЛК, под которой стоят его слова: «Надеюсь на лучшее стечение обстоятельств...» – и заканчивается его же словами: «А мы именно на лучшее и надеемся». Он всегда был оптимистом, всегда надеялся на лучшее и помогал другим двигаться к лучшему...

В интервью Олегу Ефремову, опубликованном в газете «Утро России» (2004 год, 3 февраля), на вопрос о главной обязанности директора института ВЛК ответил: «Связывать разные аспекты науки, научные взгляды, разных людей». Этот талант ВЛК был совершенно поразителен.

В статье Н. Худайназарова «Не упасть на дно» (газета «Фармакологический вестник», 2000, № 31) передан разговор с ВЛК

о судьбе ИБМ в трудные 1990-е годы, когда штат ИБМ, достигший пика своей численности – 550 человек, сократился до 400 (но к 2000 году подрос до 480). В отличие от других академических институтов, ИБМ удалось сохранить свою водолазную службу; институтское судно в аренду не отдавали, продолжая использовать для научной работы; «утечка мозгов» за границу слабо выражена. Отмечено, что директор ИБМ не любит таких выражений, как «возрождение России»: «не надо было в свое время разрушать, тогда не пришлось бы сегодня говорить о возрождении».

Я не догадывалась записывать высказывания ВЛК, надеясь на нашу долгую совместную жизнь, но собирала газетные публикации – его интервью, совсем не ожидая, что они окажутся источником дорогих мне и точно записанных его слов и мыслей.

В статье журналиста и писателя Владимира Губарева, озаглавленной словами ВЛК «На суше жить ужасно!» («Парламентская газета», 2002, № 27) приведено множество прямых высказываний ВЛК, очень ясно выражающих его взгляды. Вот объяснение названия статьи: «Далеко не все обитатели покинули воду – ведь на суше жить ужасно! Лишь небольшая группа обитателей моря смогла выйти и обосноваться на суше. Разнообразие жизни на суше несравненно беднее, чем в море. Многие типы организмов со своей необычной физиологией вообще остались в воде, они и не пытались выбраться наружу. Кстати, сейчас на Дальнем Востоке создаются новые лекарства и препараты, которые пользуются огромной популярностью. Это как раз связано с тем, что ученые берут неведомые для суши организмы, изучают их и вырабатывают из них новые лекарственные вещества. Вот одна из причин, почему надо сохранять морское биологическое разнообразие». Отвечая на вопрос, какому «морскому зверю» он бы поставил памятник, ВЛК называет морского ежа, мотивируя свой ответ следующими аргументами: «Во-первых, он красивый... Но не за красивые глазки – кстати, они у него есть, хотя и очень маленькие, – ему надо ставить памятник, а за тот бесценный материал, что он дает ученым... Морской еж играет очень большую роль в изучении процессов развития и размножения морских организмов. Он превратился, пожалуй, в первое морское лабораторное животное». ВЛК рассказывает о своем беспокойстве за дальневосточное море: «Грабят море! В наших морях богатства огромные, вот их и растаскивают... На ответственности нашего института заповедник. Сейчас один из объектов браконьерства – трепанг. Восточные люди считают,

что в нем много биологически активных веществ, которые способствуют заживлению ран, поднятию тонуса, даже омоложению. И потому за него платят большие деньги. Браконьеры выгребли всё, где было можно, опустошили все ближние районы. Теперь пошли в заповедник. Каждый день я с опаской смотрю на сводки оттуда. Уже были перестрелки... Наши работники пытаются объяснить этим людям, что они рубят сук, на котором сидят. В заповеднике трепанги живут, размножаются, а затем расселяются по соседним районам. Если же их выбрать и в заповеднике, то трепанги исчезнут. Но – деньги, деньги... И наша разъяснительная работа не очень помогает... Люди лишились работы, заработков, а потому иногда идут на браконьерство из-за нужды... Это одна беда. Есть и другая. Раньше дальневосточники ездили на Кавказ, в Крым. Теперь они вынуждены отпуск проводить на месте. На своих машинах они приезжают в наши бухты. Наш заказник под Находкой страдает от захламления. Каждому такому туристу мы даем листовочку, где написано, как нужно себя вести на берегу и в заповеднике. Приходится объяснять элементарные вещи: мол, за собой мусор следует убирать. Чтобы не рубили уникальный лес, мы даем такому туристу чурочки – только лес не руби. У нас часто проходят международные конференции, и случается так, что в свободный день каждому участнику мы вручаем перчатки и пластиковый мешок. Идем в наши бухты и собираем все, что там остается от туристов». Об Институте биологии моря ВЛК сказал: «Я – оптимист. Для любого академического института самое важное – это его потенциал, есть ли в нем молодежь, которая обгоняет своих учителей. У нас такая молодежь есть. И надо изменить отношение к Дальнему Востоку. Следует наконец-то понять, что это не «задний двор» России, а ее лицо, обращенное к Америке и Азии». ВЛК подчеркнул, что каждый третий сотрудник ИБМ – моложе 35 лет, вопреки тому, что в общем наука в России «стареет».

На вопрос журналиста, как ВЛК попал на Дальний Восток, он ответил: «Из Ленинграда. 31 год я прожил там и столько же – на Дальнем Востоке». Тогда, в 2002 году, длительность ленинградской и дальневосточной жизни ВЛК была равновелика. 1 октября 2005 года его жизнь во Владивостоке, продлившаяся почти 35 лет – дольше ленинградской, оборвалась. И слова ВЛК «на суше жить ужасно!» ассоциируются теперь со словами утешения, сказанными мне в октябре 2005 года хорошим человеком, травматологом больницы Дальневосточного отделения: «Жизнь вообще ужасна».

ВЛК был прирожденным – точнее, воспитавшим себя – редактором и корректором, мгновенно замечавшим и орфографические ошибки, и схватывавшим суть текста. Последней книгой, в которой он был ответственным редактором, оказалась моя «Синергетика для биологов», подписанная к печати в издательстве «Наука» 12 октября 2005 года. Нашей последней совместной работой стала статья 2005 года «А.В. Жирмунский в нелинейном контексте», с эпиграфом из Осипа Мандельштама: «Мало в нем было линейного». Мы были рады отдать должное Алексею Викторовичу, не всегда и не всеми понимаемому при жизни. Изложенные в этой статье мысли о связи эмбриологии и всей биологии с математикой, как и оценка судьбы российской науки, – лишь малая часть того, что волновало ВЛК в последние годы.

В 1994 году ВЛК получил премию Российской академии наук имени А.О. Ковалевского за работы по биологии размножения и развития морских двустворчатых моллюсков и иглокожих. Через 10 лет он стал лауреатом премии имени А.П. Карпинского Фонда Альфреда Тёпфера за изучение антропогенного воздействия на морскую фауну и флору. На церемонии вручения доктор Эугениуш Новак, член жюри, очень хорошо рассказал о научном пути ВЛК, закончив свое выступление словами: «История науки показывает, что для страстного исследователя наука может быть захватывающим приключением. Попечительский совет Фонда желает Вам долгой жизни и дальнейшего захватывающего путешествия по пути, полному приключений, продолжения научных исследований» («Дальневосточный ученый», 2004, 8 сентября).

В последнее десятилетие ВЛК очень много сил и времени уделял экологической и природоохранной деятельности, исследованиям динамики климата, экосистем, изучению биоресурсов и биоразнообразия Мирового океана и его локальных акваторий. Продолжал писать работы широкого спектра. Список научных трудов за пять лет при его последней переаттестации в 2000 году включал 42 названия; две монографии были опубликованы за рубежом на английском языке. ВЛК погрузился в анализ глобальных климатических и антропогенных изменений среды и их влияния на биологическое разнообразие как участник и организатор множества международных конференций и автор публикаций, обобщающих данные о природных изменениях. Здесь невозможно даже простое перечисление всех организованных с участием ВЛК конференций (только по проблемам глобальных измене-

Международная конференция по глобальным изменениям климата. Владивосток, 2002

ний климата и окружающей среды семь совещаний), опубликованных сборников и монографий. Он начал реализацию проекта «Биота российских вод Японского моря» – многотомного издания на русском и английском языках, охватывающего все морское биологическое разнообразие от прокариот до позвоночных животных и включающего данные по морфологии, систематике, распространению и экологии морских организмов. ВЛК был редактором первого тома и успел увидеть три тома «Биоты». Его настольными книгами были труды по глобальным климатическим сдвигам и биоразнообразию. Одним из его научных увлечений было изучение китов. Статьи исследователей о серых китах Охотского моря и книги о китах Мирового океана с его закладками остались на его рабочем столе. В 2004 году у берега острова Русский, под Владивостоком, оказался на мели китенок, и ВЛК много эмоций и времени потратил на то, чтобы снарядить институтское судно для спасения животного.

До этого события ВЛК был обеспокоен утечкой дизельного топлива из цистерны в поселке Зарубино (на побережье залива Петра Великого, немного южнее бухты Троица) в связи с возможной угрозой загрязнения акватории морского заповедника. Мы ездили тогда в Зарубино, чтобы убедиться в эффективности работ по очистке прибрежной территории и устранению этой угрозы.

В 2005 году ВЛК предпринимал усилия по формированию нового объединенного направления исследований в ИБМ на стволовых клетках морских беспозвоночных, обсуждал это с несколькими сотрудниками института, которые теперь стали руководителями самостоятельных тем по стволовым клеткам.

В 2004–2005 годах ВЛК был много занят и очень озабочен работой по реализации курируемого администрацией президента страны строительства океанариума во Владивостоке – крупного образовательного, просветительного и научного комплекса. Много внимания уделял и прикладным исследованиям стоков пограничной реки Туманной (Туманган). В 2005 году был вовлечен в борьбу за перенос проектируемого терминала нефтепровода из открытой мелководной бухты Перевозной вблизи морского заповедника. Мы заходили в эту бухту в конце лета 2005 года на судне «Профессор Насонов». ВЛК был убежден в неверности принятого тогда решения о строительстве там терминала и делал все возможное для устранения этой ошибки. Насколько я помню, последние документы по Перевозной были отправлены им в Москву накануне роковой поездки в Хасанский район 1 октября 2005 года...

Такие затраты жизненного времени и энергии никогда не были прагматично-эгоистичными, ВЛК прекрасно понимал, как «выгоднее» жить, но сознательно не хотел становиться расчетливым и эгоистичным ученым ограниченного кругозора. Он был пассионарием, донором, сильной и яркой индивидуальностью с редким талантом общения и понимания людей. Его быстрый и подвижный ум мгновенно схватывал суть проблемы, устанавливал неожиданные связи и стремительно находил решение.

Избранные работы В.Л. Касьянова

Книги

Касьянов В.Л., Медведева Л.А., Яковлев Ю.М., Яковлев С.Н. Размножение иглокожих и двустворчатых моллюсков. М.: Наука, 1980. 207 с.

В.Л. Касьянов, Г.А. Крючкова, В.А. Куликова, Л.А. Медведева. Личинки морских двустворчатых моллюсков и иглокожих. М.: Наука, 1983. 216 с.

В.Л. Касьянов. Репродуктивная стратегия морских двустворчатых моллюсков и иглокожих. Л.: Наука, 1989. 183 с.

Kasyanov V.L., Kryuchkova G.A., Kulikova V.A., Medvedeva L.A. Larvae of Marine Bivalves and Echinoderms. Washington–New Delhi: Smithsonian Institution Libraries: Oxonian Press, 1998. 288 p.

Kasyanov V.L. Reproductive strategy of Marine Bivalves and Echinoderms (revised English edition). Enfield, NH, USA: Science Publ. Inc., 2001. 229 p.

Статьи

Касьянов В.Л., Сологуб М.И. Микроэлектродное изучение внутриклеточных потенциалов неоплодотворенной яйцеклетки Rana temporaria // Вестн. Ленингр. ун-та. 1965. № 9. Серия биол. Вып. 2. С. 5–12.

Касьянов В.Л. Сохранение уровня трансмембранной разности потенциалов у ооцитов и яйцеклеток травяной лягушки (Rana temporaria L.) после центрифугирования // Науч. докл. высш. шк. Биол. науки. 1968. № 10. С. 14–17.

Касьянов В.Л. Возникновение близнецовых уродств при центрифугировании оплодотворенных яйцеклеток травяной лягушки до дробления // ДАН СССР. 1968. Т. 180, № 4. С. 1008–1011.

Касьянов В.Л. Изменение мембранного потенциала ооцитов амфибий при созревании // Журн. эволюц. биохимии и физиологии. 1970. Т. 6, № 4. С. 399–403.

Касьянов В.Л., Святогор Г.П., Дроздов А.Л. Кортикальная реакция яиц лягушки // Онтогенез. 1971. Т. 2, № 5. С. 507–511.
Касьянов В.Л., Костлоу Дж.Д. Влияние инсектицида димилина на личиночную линьку у мечехвоста // Биол. моря. 1984. № 1. С. 46–50.
Касьянов В.Л. Половой диморфизм у морских ежей Strongylocentrotus nudus, S. intermadius и Scaphechinus mirabilis // Зоол. журн. 1984. Т. 63, № 11. С. 1745–1748.
Касьянов В.Л. Личинки морских звезд: морфология, физиология и поведение // Биол. моря. 1984. № 1. С. 3–12.
Касьянов В.Л. Планктотрофные личинки двустворчатых моллюсков: морфология, физиология, поведение // Биол. моря. 1984. № 3. С. 3–16.
Касьянов В.Л. Развитие гонады у голотурии Cucumaria fraudatrix // Зоол. журн. 1985. Т. 64, № 7. С. 1107–1109.
Касьянов В.Л. Дифференцировка пола и соотношение полов у морской звезды Patiria pectinifera // Зоол. журн. 1985. Т. 64, № 8. С. 1269–1272.
Касьянов В.Л., Рябушко В.И., Радашевская В.Н. Энергетические затраты на размножение у морских звезд Patiria pectinifera и Asterias amurensis. Биол. моря. 1985. № 5. С. 68–70.
Касьянов В.Л. Адаптация личинок морских двустворчатых моллюсков и иглокожих к жизни в пелагиали (обзор) // Гидробиол. журн. 1986. Т. 22, № 6. С. 60–65.
Касьянов В.Л. Оценка некоторых продукционных и трофических характеристик личинок съедобной мидии // Биол. моря. 1987. № 3. С. 34–36.
Касьянов В.Л. Какие морские звезды имеют планктотрофную личинку // Исследования иглокожих дальневосточных морей: сб. ст. Владивосток: ДВО РАН, 1987. С. 125–142.
Касьянов В.Л. По следам К.Н. Давыдова // Биол. моря. 1987. № 4. С. 62–65.
Kasyanov V.L. Development of the japanese scallop Mizuhopecten yessoensis (Jay 1985) // World Aquaculture Workshops. N 1 / Eds. S.E. Shumway, P.A. Sandifer; An Intern. Compendium of scallop biology; World Aquaculture Society. 1988. P. 1–9.
Kasyanov V.L. Reproductive strategies of sea stars from the Sea of Japan // Echinoderm Biology / Eds. R.D. Burke et al. Balkema: Rotterdam, 1988. P. 205–209.
Касьянов В.Л. Связь сроков размножения двустворчатых моллюсков и иглокожих с динамикой абиотических факторов среды в заливе Восток Японского моря // Биол. моря. 1991. № 3. с. 102–105.
Касьянов В.Л. Институт биологии моря на пороге нового тысячелетия // Биол. моря. 1995. № 4. С.231–235.
Касьянов В.Л. Три жизни Мечникова // Вестн. ДВО РАН. 1996. № 1. С. 16–21.
Касьянов В.Л. «Востоку» 25 лет // Вестн. ДВО РАН. 1996. № 1. С. 142–143.
Касьянов В.Л. «Глобальные изменения» в Пекине // Вестн. ДВО РАН. 1996. № 1. С. 144–150.
Касьянов В.Л. Осенью на берегу реки Смоленки // Биол. моря. 1996. № 3. С. 203–204.

Касьянов В.Л. Симпозиум по марикультуре на черноморском побережье Белоруссии // Биол. моря. 1996. № 3. С. 204–207.
Касьянов В.Л. В южных гаванях Сибири // Вестн. ДВО РАН. 1996. № 5. С. 85–95.
Касьянов В.Л. Некоторые комментарии к бегу жизни // Вестн. ДВО РАН. 1996. № 5. С. 69–70.
Касьянов В.Л. Морская биологическая станция в Мисаки // Биол. моря. 1997. № 2. С 123–124.
Касьянов В.Л. «Страшное ощущение огня...» // Вестн. ДВО РАН. 1997. № 6. С. 3–6.
Kasyanov V.L. Colonization of new substrata by marine organisms during sea level rise // Global Change Studies at the Far East. Vladivostok: Dalnauka, 1997. P. 17–18.
Касьянов В.Л. Подъем уровня моря и колонизация нового дна морскими организмами // Вестн. ДВО РАН. 1998. № 1. С. 3–6.
Kasyanov V.L. Ecological aspects of the project of the Tumen River economic developmental area // Reports of the 7th TEACOM Meeting and Intern. Workshop on Global Change Studies in Far East Asia. Vladivostok: Dalnauka, 1998. P. 111–126.
Kasyanov V.L. Foreword // Reports of the 7th TEACOM Meeting and Intern. Workshop on Global Change Studies in Far East Asia. Vladivostok: Dalnauka, 1998. P. 5–8.
Kasyanov V.L. Possible Russian-Japanese cooperation on the biological studies of the Sea of Japan // The Proc. of Toyama–Primorye Cooperation in Science, Technology and Industry. Toyama: Toyama University, 1998. P. 101–108.
Касьянов В.Л. Глобалистика во Владивостоке // Вестн. ДВО РАН. 1998. № 2. С. 23–24.
Касьянов В.Л. Проект экономического развития бассейна реки Туманной и глобальные изменения природной среды // Тр. Профессорского клуба. 1998. № 3. С 36–41.
Касьянов В.Л., Корн О.М., Рыбаков А.В. Репродуктивная стратегия усоногих ракообразных. 1. Половой диморфизм, репродуктивная система, гаметогенез // Биол. моря. 1997. № 5. С. 263–274; 2. Бесполое размножение, плодовитость, репродуктивные циклы // Биол. моря. 1997. № 6. С. 337–344; 3. Эмбриональное развитие и ранние личинки // Биол. моря. 1998. № 5. С. 269–277; 4. Циприсовидные личинки, метаморфоз, оседание // Биол. моря. 1999. № 1. С. 3–12.
Касьянов В.Л. Итоги исследований лаборатории эмбриологии Института биологии моря ДВО РАН по биологии размножения и развития морских организмов // Биол. моря. 1999. № 2. С. 123–124.
Касьянов В.Л. Ольга Михайловна Иванова // Биол. моря. 1999. № 3. С. 252–253.
Касьянов В.Л. Памяти Жака-Ива Кусто // Вестн. ДВО РАН. 1999. № 1. С. 102–103.
Kasyanov V.L. The warmer the climate the longer the biota // Global Changes Open Science Conf. Amsterdam, 2001.

Касьянов В.Л. Морское биологическое разнообразие: изучение, охрана, ценность для человечества // Вестн. РАН. 2002. Т. 72, № 6. С. 495–504.

Kasyanov V.L., Pitruk D.L. Tumen river area ecological assessment and environmental changes in Northeast Asia // APN / START, Global Change Res. Awareness Raising, Symp. in Northeast Asia (Vladivostok, Oct. 7-8, 2002). Vladivostok: Dalnauka, 2002. P. 22–26.

Касьянов В.Л., Тарасов В.Г., Питрук Д.Л., Фадеев В.И. Экологическое состояние и изменчивость прибрежных экосистем дальневосточных морей России // Тр. Итоговой конф. по результатам 1-го этапа реализации ФЦП «Мировой океан», Москва, 26–27 сент. 2002 г. М., 2002. С. 229–237.

Касьянов В.Л. Ленинградские корни Института биологии моря // Вестн. ДВО РАН. 2003. № 4. С. 151–161.

Сиренко Б.И., Касьянов В.Л. Морское ушко острова Моннерон (Японское море) // Биол. моря. 1976. № 6. С. 20–25.

Жирмунский А.В., Касьянов В.Л., Лукин В.И. Моллюск халиотис, или морское ушко // Природа. 1980. № 8. С. 44–47.

Гагинская Е.Р., Касьянов В.Л., Корниенко Е.Р. Особенности оогенеза дальневосточной морской звезды Henricia sp. // Цитология. 1983. Т. 25, № 2. С. 135–140.

Дроздов А.Л., Касьянов В.Л. Размеры и форма гамет у морских двустворчатых моллюсков // Биол. моря. 1985. № 4. С 33–40.

Дроздов А.Л., Касьянов В.Л., Реунов А.А. Ультраструктура гонад голотурии Stichopus japonicus // Цитология. 1986. Т. 28, № 11. С. 1256–1261.

Gaginskaya E.R., Kasyanov V.L., Kogan G.L. Amplification of ribosomal genes and formation of extrachromosomal nucleoli in oocytes of starfish Henricia hayashi (Asteroidea: Echinodermata) // Cell Differentiation. 1988. Vol. 23. P. 53–60.

Жирмунский А.В., Касьянов В.Л. У нас нормально! (интервью) // Химия и жизнь. 1994. № 11. С. 46–49.

Исаева В.В., Касьянов В.Л. Распределение фибриллярного актина в гаметах двух видов морских звезд с различной репродуктивной стратегией // Биол. моря. 1998. № 3. С. 196–198.

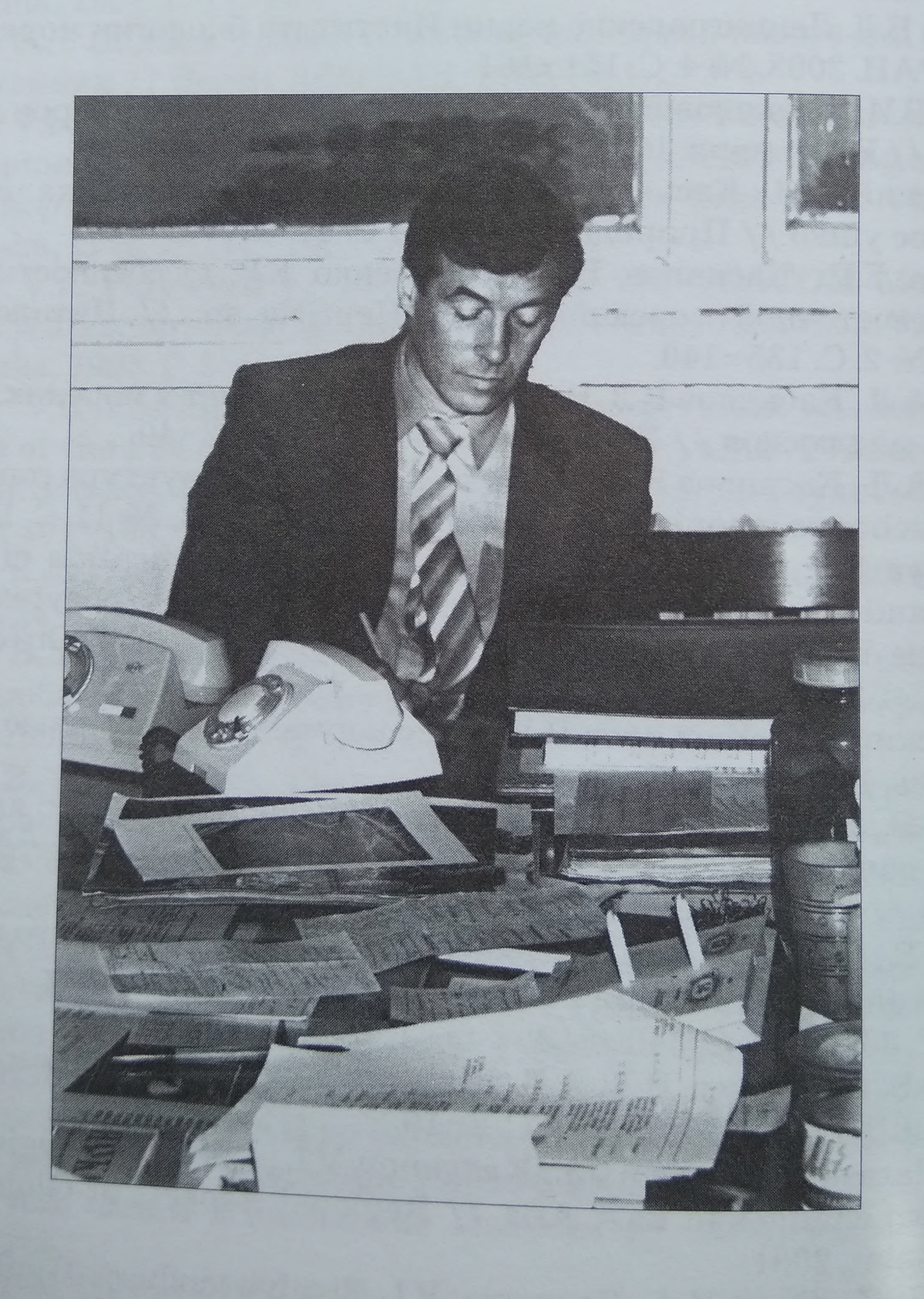
Исаева В.В., Рыбаков А.А., Касьянов В.Л. Выявление in vitro колониальной организации интерны корнеголовых ракообразных // Докл. АН. 1999. Т. 366, № 6. С. 840–842.

Исаева В.В., Касьянов В.Л. А.В. Жирмунский в нелинейном аспекте // Вестн. ДВО РАН. 2005. № 3. С. 5–10.

Fu C.B., Harasawa H., Kim J.I., Kasyanov V.L., Zhao S.D. Regional aspects of global changes in East Asia // Regional Aspects of Global Changes. Stockholm, 2001.

Isaeva V.V., Kulikova V.A., Kasyanov V.L. Bivalve molluscs Mytilus trossulus and Hiatella arctica as facultative epibionts of the crab, Hemigrapsus sanguineus, infested by the rhizocephalan, Sacculina polygenea // J. Marine Biol. Assoc. of the United Kingdom. 2001. V. 81, N 5. P. 891–892.

Latypov Yu.Ya., Kasyanov V.L. Biodiversity of the Commander Islands and Bering Sea coast of the Kamchatka Peninsula by Russian scientists // Proc. of the Arctic Biodiversity Workshop: New Census of Marine Life Initiative. Fairbanks: Alaska Sea Grant College Program, Univ. of Alaska Fairbanks, 2003. P. 59–66.
Pitruk D.L., Kasyanov V.L. Big problems of the big river (ecological state of the Tumen River) // Proc. of the Workshop Climate Variability and Human Activities in Relation to Northeast Asian Land-Ocean Interactions and Their Implications for Coastal Zone Management, Nanjing, China, Dec. 4-8, 2004 (APN Project 2004-18-NMY). Nanjing: Nanjing University, 2004. P. 143–149.

Post mortem

Надо остерегаться такой близости, какая была у нас с ним, потому что один всегда умирает раньше, а второй при жизни теряет все ощущения, которые свойственны живущим. Он тоже становится мертвецом, хотя и продолжает механически жить. Такая жизнь ни к чему. Это тень жизни...

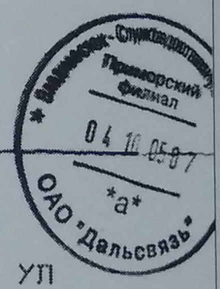
Надежда Мандельштам

Сразу после гибели Володи пришло множество соболезнований: среди имеющихся у нас Николай насчитал почти 200 – от ученых России, Европы, Америки и Азии, от президента РФ, министров и губернаторов, воспитательницы Коли в детском саду Владивостока и других людей. Здесь приведены лишь некоторые, особенно тронувшие нас. Замечательные, искренние слова о ВЛК написали Эндрю Бенсон, Отто Кинне, Нгуен Так Ан, госпожа Бирте Тёпфер и многие другие. Профессор Эндрю Бенсон заботился о Николае, когда он с другими участниками из Дальневосточного государственного технического университета занимался в Сан-Диего сооружением архитектурно-скульптурного памятника, одного из памятников Pacific Rim Park, под руководством американского архитектора Джеймса Хаббла (James Hubbell).

ф. ТГ-10

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

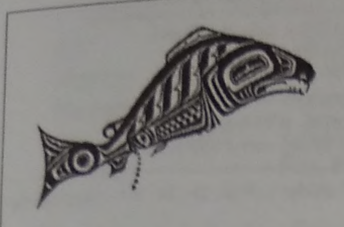

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА 073/13024 81 03/10 17.26=

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ ВЛАДИВОСТОК УЛ БЕСТУЖЕВА Д 31 КВ 54 В. В. ИСАЕВОЙ, Н. В. КАСЬЯНОВУ=

УВАЖАЕМЫЕ ВАЛЕРИЯ ВАСИЛЬЕВНА И НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
ПРИМИТЕ МОИ ИСКРЕННИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПОСТИГШЕЙ ВАШУ СЕМЬЮ ТЯЖЕЛОЙ УТРАТОЙ. ЖЕСТОКАЯ ТРАГЕДИЯ ОБОРВАЛА ЖИЗНЬ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ, ИСТИННОГО ПОДВИЖНИКА НАУКИ, ЧЕЙ ПУТЬ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИМЕРОМ ПРЕДАННОГО СЛУЖЕНИЯ СВОЕМУ ДЕЛУ. СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ О ВЛАДИМИРЕ ЛЕОНИДОВИЧЕ НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В СЕРДЦАХ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ, ВСЕХ КТО ЗНАЛ И УВАЖАЛ ЭТОГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА=
В. ПУТИН НР-ПР-1635-
073/130244 ПЕРЕДАЛА ЖМАКА ТЕКСТ ВЕРЕН ЗАВЕРИТЬ 213900
НННН 07300178 04.10.2005 00.10

7 November 2005

Dear Valeria and Nikolay,

Our hearts are torn by the distressing fact of your family's great loss and of the untold loss to the great communities of Vladimir's friends and admirers all over the earth. We share your grief and admire your brave determination to continue your work in spite of it all. Vladivostok lost a great leader and great friend of progress. Like Professor Zhirmunsky, Vladimir captured the hearts and inspired the enthusiasm of so many of us. The Institute of Marine Biology was in such strong hands.

Dee and I send our wishes for relief from your pain and cheers for going ahead with your work and your lives. We are sure that when an opportunity arises, that Nikolay will return to San Diego as a very successful Architect. Our university is growing rapidly; its Chancellor has been advanced to President of the many Universities of California and we have an impressive woman chemical scientist as Chancellor who is making great progress. Nikolay would hardly recognize it as he re-visits the Monument of the Pacific communities.

With Cheers and Great Hopes,

Andrew and Dee

A. A. BENSON 6044 Folsom Dr., La Jolla, CA 92037 Tel: 858/459-3711; Fax: 858/459-1010
Scripps Institution of Oceanography, La Jolla CA 92093-0202 Tel: 858/534-4300; Fax: 858/534-7313
E-mail address: abenson@ucsd.edu

Письмо Эндрю Бенсона

Your news on Prof. Kasyanov's death was a great shock for me and all the staff of the Institute of Oceanography.
Please convey our deepest condolences to his family and all the staff of the Institute of Marine Biology.

Please tell me more details about his accident.

Nguyen Tac An

Отклик Нгуен Так Ана

Inter-Research

Nordbunte 23 (+21, 26, 28, 30)
21385 Oldendorf/Luhe
Germany
Tel +49 4132 7127
Fax +49 4132 8883
Email: ir@int-res.com
Internet www.int-res.com

President: Prof. Dr. Dr. h.c. Otto Kinne

INTER-RESEARCH · Nordbunte 23 · 21385 Oldendorf/Luhe · Germany

To the
Institute of Marine Biology
Far East Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok 690041
RUSSIA

04.10.2005

Dear Prof. Valeria V. Isaeva,
dear Dr. Andrey V. Adrianov,
dear colleagues,

I am deeply shocked to hear that Academician Professor Vladimir L. Kasyanov died on October 1 in a car accident. Together with my wife Helga, Helga Witt and the staff of Inter-Research I express our sincere condolences.

I regard Vladimir an excellent scientist. He is a very good friend of mine.

As you know, Vladimir had just visited us here in Oldendorf. We had a wonderful time together and we agreed to publish a belated 'In Memoriam' for Academician Professor Alexei V. Zhirmunsky to appear in MEPS. Now we must also think of an 'In Memoriam' for Vladimir.

Is there someone at the Institute who would be willing to author the two 'In Memoriams' (both with a photo)?

Very sincerely,

Otto Kinne
Otto Kinne

JOURNALS
Marine Ecology Progress Series
Aquatic Microbial Ecology
Climate Research
Diseases of Aquatic Organisms
Ethics in Science and Environmental Politics
Endangered Species Research

BOOK SERIES
Excellence in Ecology
Top Books

DISCUSSION FORUMS

RESEARCH
Endangered Species Programs

INSTITUTIONS
International Ecology Institute
Eco-Ethics International Union

FOUNDATION
Otto Kinne Foundation

Письмо Отто Кинне

<Birte.Toepfer@t-online.de>

От: "Zhukov V.E." <vzhukov@imb.dvo.ru>
Кому: <wimmer@toepfer-fvs.de>; <gall@toepfer-fvs.del>
Копия:
Отправлено: 7 октября 2005 г. 7:13
Тема: Re: Kasjanow

Would you please forward this to Mrs. Kasjanov!

Dear Mrs. Kasjanov,
I am very sad and schocked that your dear husband died so suddenly in a tragic accident. It must be very difficult for you to accept this, why so early, why he, such a fine human being and such a good scientist. We are very sad to have lost such an excellent prize-winner, but beside this, we will miss him as a man, who had an especially human touch in every thing he did or said. He was modest and friendly and I have the feeling we have lost a friend.

I remember him just now on the boat, when he threw flowers into the sea as a memory to his predecessor in the Institut. It was such a fine gesture - and now it is us who are giving red roses to the sea, which was his element.
I am very sad I didn´t see him here in Hamburg just now, but that is life, we have to accept that we won´t see him again. I am sure we would have had in the future a wonderful relation with him, but now we have to cherish our memories thinking of wonderful days in Wladiwostok together wih him
Please let us know, if we can be of any help!.
I am sure this is for the whole Institut a schock, we think of all of you.

Thank you so much for sending the fotos, he seems to so near and so lively and is so far awy now. May his memories be kept alive, we are proud to have him in the line of our Karpinsky Prize-winners and will always honor him,
sincerely yours >Birte Toepfer

Original Message-----
Date: Tue, 4 Oct 2005 01:32:46 +0200
Subject: Kasjanow
From: "Zhukov V.E."
To: "Toepfer Birte"

Wladiwostok, den 03. Oktober 2005

ALFRED TOEPFER STIFTUNG F.V.S.

Письмо госпожи Бирте Тёпфер

Институт океанографии

01 кауда – нячанг - вьетнам

тел. 84 58 590035 - 590036; факс 84 58 590034

Ю. Латыпову
17 Улица Пальчевского
Институт биология моря
Владивосток 690041
Россия
E-mail: ltpv@stl.ru

Нячанг, 03ье Октября 2005 г.

Уважаемый Ю. Латыпов!

Я только что слышала о неожиданной смерти Академика В. Л. Касьянова. Это большое потеренье не только для Его семьи и вашего Института, но и для нашего Института и для всех, кто Его знает. Всем серцем делюсь с вами этим страданием.

Я заплакала за Его убийство и хочу, чтобы Вы мне помогли поставит к Его могиле свежие цветы от чувства любви, уважения и восхищения одной вьетнамской женщины из Института Океанографии. Вам спасибо за всё.

Динь Тхй Лыонг

Dear Valeria: I am so saddened to learn of Vladimir's death. I am happy I had the opportunity to know him. I remember with such pleasure my last visit to Vladivostok and being with you and him. With deepest sympathy to you and your family.

Sincerely, John

John Lawrence Department of Biology University of South Florida, Tampa

От известного морского биолога Джона Лоуренса

Воспитатель д/сада
(Коли) приносит свои
Соболезнования
Людмила Никитична

I join you and my dear friends at the Institute for Marine Biology
in expressing mutual sorrow at this very sad twist of fate.
I hope you extend my condolences to his family and friends.
Eugene

Eugene Garfield, PhD. email: garfield@codex.cis.upenn.edu
home page: www.eugenegarfield.org
Tel: 215-243-2205 Fax 215-387-1266

Chairman Emeritus, ISI www.isinet.com
3501 Market Street, Philadelphia, PA 19104-3302
President, The Scientist LLC. www.the-scientist.com
400 Market Street, Suite 1250, Philadelphia, PA 19106-2501
Past President, American Society for Information Science and Technology (ASIS&T)
www.asis.org

От Юджина Гарфилда

Dear Mrs Kasjanov,

I am very sad and chocked that your dear husband died so suddenly in a tragic accident. It must be very difficult for you to accept this, why so early, why he, such a fine human being and such a good scientist. We are very sad to have lost such an excellent prize-winner, but beside this, we will miss him as a man, who had an especially human touch in everything he did or said. He was modest and friendly and I have the feeling we have lost a friend.

I am sure we would have had in the future a wonderful relation with him, but now we have to cherish our memories thinking of wonderful days in Vladiwostok together with him.

We are proud to have him in the line of our Karpinsky prize-winners and will always honor him,

Sincerely yours, Birte Toepfer

Письмо от Бирте Тёпфер, пришедшее по электронной почте

for a living planet®

Всемирный фонд
дикой природы - Россия
Дальневосточный
филиал

690003 Владивосток
ул. Верхнепортовая,18а

Тел/факс: +7 4232 414868
+7 4232 414863
office@wwfrfe.ru
www.wwf.ru

Слово прощания

1 октября в Хасанском районе Приморья в автомобильной аварии погиб директор Института биологии моря ДВО РАН, академик Владимир Леонидович Касьянов. Дальневосточное отделение WWF России скорбит вместе с его друзьями, коллегами и выражает соболезнование родным и близким.

В лице Владимира Леонидовича Касьянова Всемирный фонд дикой природы (WWF) потерял надежного партнера, всегда готового встать на защиту природы на самых высоких уровнях – человеческом, академическом, правительственном. Умнейший, обаятельнейший человек, он был участником многих общественных процессов, направленных на разумное разрешение сложных вопросов природопользования, взаимодействия науки и общества. Благодаря его усилиям и мудрости Дальневосточный государственный морской заповедник, являющийся одним из подразделений Института биологии моря, в последние годы получил статус биосферного резервата и стал юридическим лицом. Он настойчиво и последовательно боролся с угрозой создания нефтяного терминала в непосредственной близости к этой заповедной территории. Верим, его усилия не напрасны.

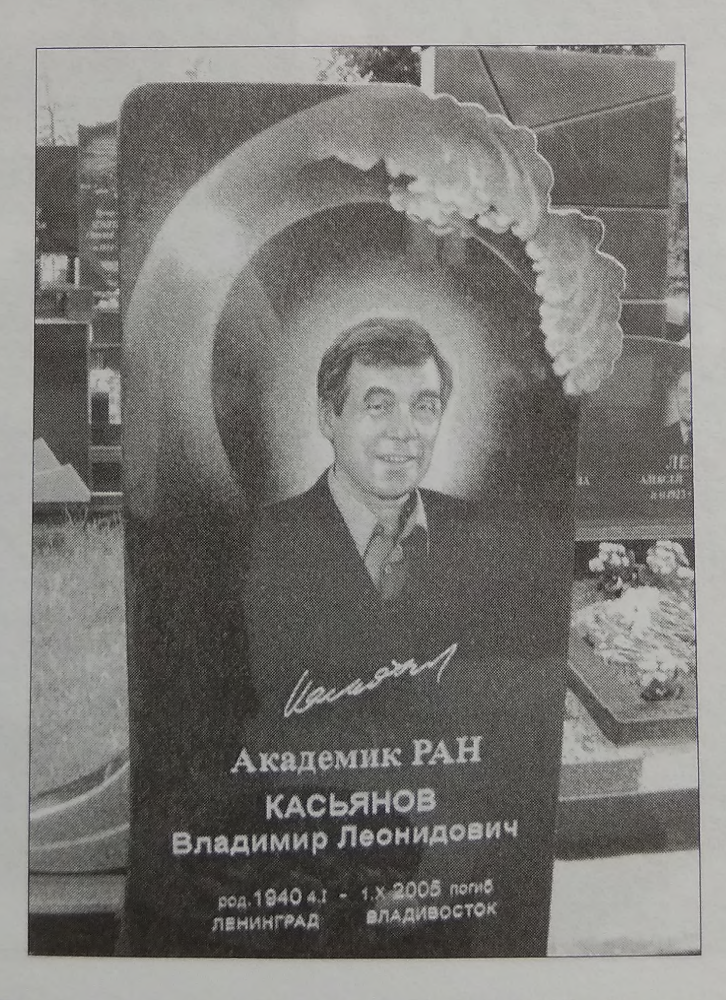
Владимир Леонидович Касьянов навсегда останется в нашей памяти, в наших сердцах настоящим Ученым и Гражданином.

Коллектив Дальневосточного отделения WWF России

Д.Л. Питрук, заместитель директора ИБМ, написал нам в Москву электронной почтой после похорон: «Не скоро затянется и зарубцуется эта рана в душе сотрудников института. А жестокий рубец останется навсегда, и всегда он будет причинять душе боль. А если душа болит – она живет. Владимир Леонидович был очень душевным и духовным человеком. И он стал частичкой нашей души».

На траурной церемонии в зале Российской академии наук ее президент Ю.С. Осипов подошел к нам с Колей и сказал о ВЛК: «Он был очень хорошим человеком». Тронувшие меня и Колю слова были сказаны академиками А.И. Григорьевым, В.А. Черешневым, А.В. Адриановым и другими.

Полтора года мне приходится следовать словам Хирохито, императора Японии и известного морского биолога, сказанным после капитуляции Японии в 1945 году и процитированным Владимиром Ивановичем Калининым, доктором биологических наук из Тихоокеанского института биоорганической химии, в ноябре 2005: «Вынести невыносимое, вытерпеть нестерпимое»...

Портрет выполнен по фотографии С. Дубовицкого

Я крайне обязана и благодарна всем, кто помог мне и Николаю вынести невыносимое: медицинским работникам отделения реанимации больницы поселка Славянка, городской больницы Владивостока и больницы ДВО РАН, администрации Института биологии моря, сотрудникам президиума ДВО РАН, президиума РАН и всем, проявившим доброту ко мне в страшное для нас время.

...В московском некрополе «Троекурово» над прахом Володи установлен памятник по проекту Николая.

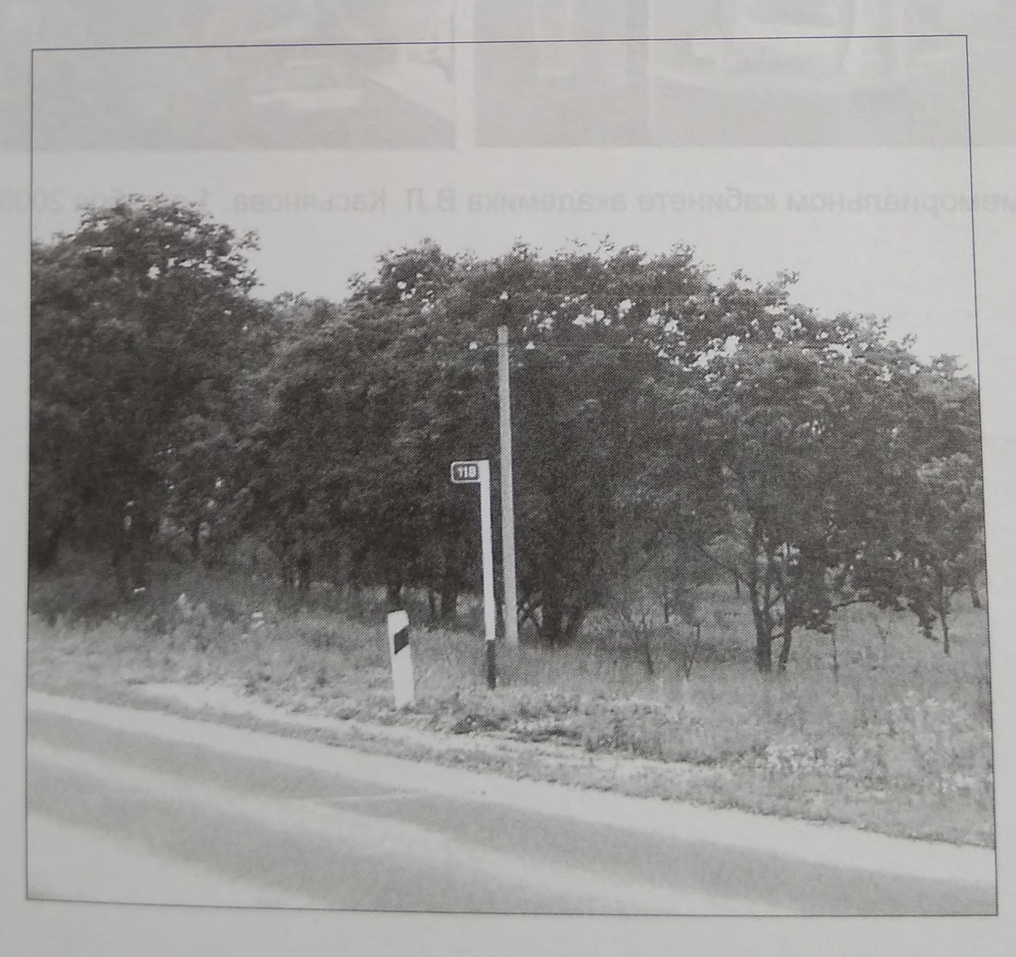

Москва. Некрополь «Троекурово».

На 119 километре Хасанской трассы у обочины поставлен памятный камень. Поставлен немного дальше и выше того места, где опрокинулся джип. Само же это место находится непосредственно за дорожным указателем 118 км, на небольшой лужайке внизу от шоссе. Хасанскую трассу теперь расширяют, и ландшафт может измениться, но в любом случае дорожный указатель с отметкой 118 (при движении из Владивостока) и 98 (в обратном направлении) останется печальным ориентиром.

Памятный камень у места гибели

Место гибели ВЛК

В Институте биологии моря организован мемориальный кабинет академика Владимира Леонидовича Касьянова – в комнате 322, где стоит его рабочий стол и где продолжают работать сотрудники лаборатории эмбриологии. Там размещены книги и вещицы его прижизненного мира.

В мемориальном кабинете академика В.Л. Касьянова. 1 октября 2006 года.

Post scriptum

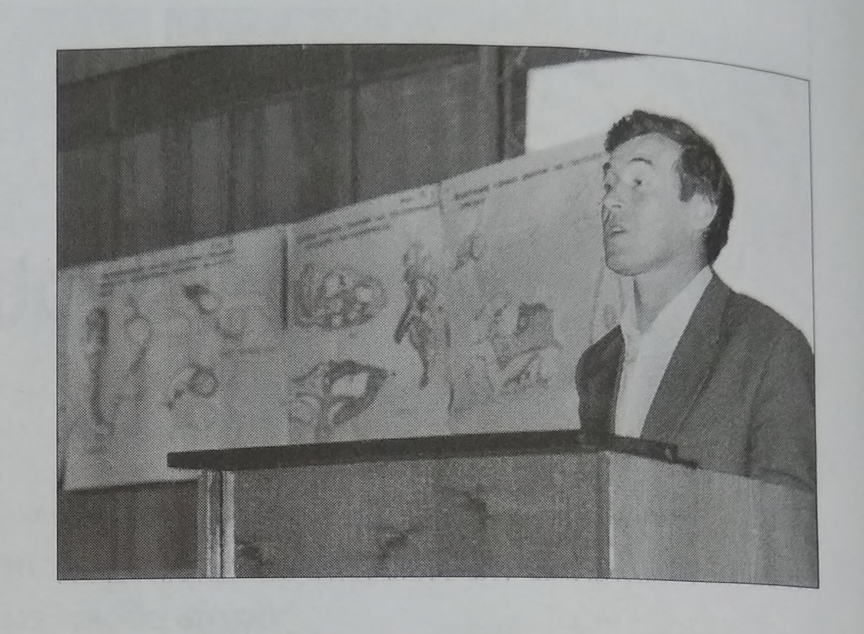
На самом деле существуют и преданность, и готовность отдать свою жизнь ради другого...

О живых и с живыми — или хорошо, или ничего.

В.Л. Касьянов

В.Л. Касьянов

ДОКЛАД
на собрании научных сотрудников 15 апреля 2004 г. (отчет за 5 лет работы)

Я должен отчитаться перед Вами за свою работу в качестве директора Института с середины 1999 года по настоящее время. Мои ежегодные отчеты на февральских собраниях коллектива с обширным показом фактического материала и различных качественных данных о жизни Института позволяют мне сегодня сделать краткий доклад, обратив внимание на самые важные достижения или упущения.

Начну с краткого отчета о собственной научной работе и работе в качестве руководителя лаборатории, о чем я не говорил в ежегодных отчетах. Конечно, собственная работа находится на задворках моего внимания и времени. Отмечу выход в 2001 году в США дополненного и переработанного издания моей книги «Репродуктивная стратегия морских двустворчатых моллюсков и иглокожих», завершение в 1999 году в соавторстве с Ольгой Михайловной Корн и Алексеем Владимировичем Рыбаковым серии статей по репродуктивной стратегии усоногих ракообразных в «Биологии моря», две небольшие статьи с Валерией Васильевной Исаевой и другими авторами по размножению корнеголовых ракообразных в ДАН и Журнале Морской биологической ассоциации Великобритании в 2000 и 2001 годах, а также участие в коллективной монографии по региональным аспектам глобальных изменений природной среды, вышедшей в 2002 году в Стокгольме.

В 2002 году, после 30 лет заведования, я ушел с должности заведующего лабораторией эмбриологии (им был избран Владимир Владимирович Юшин), оставшись руководителем эмбриологического семинара и научным руководителем коллектива как ведущей

научной школы России – в 2000 и 2003 годах коллектив лаборатории подтвердил это звание. Сейчас в лаборатории плодотворно работают 5 докторов наук, 9 кандидатов и 8 аспирантов – за будущее лаборатории я спокоен.

В конце 2001 года я был избран первым заместителем председателя ДВО РАН и с 2002 года работаю директором Института на общественных началах. Работа в президиуме ДВО и другие научно-организационные обязанности во Владивостоке и Москве, конечно, требуют постоянно или периодически много времени и внимания, однако своим главным делом с 1989 года считаю выполнение обязанностей директора Института биологии моря. Поэтому я дал согласие быть выдвинутым на эту должность на новый, последний для меня, пятилетний срок, надеясь на Вашу поддержку.

Теперь о некоторых итогах работы в последние годы директорства. В соответствии с Уставом РАН наша основная задача – получение нового знания, в нашем случае – о морских организмах и их сообществах. Для этого необходимы грамотные, умные, творчески свободные люди и инструменты для получения ими нового знания – приборы, реактивы, морские суда, береговые станции, информационные системы и др. Далее я коротко расскажу о работе дирекции в этом направлении и не буду сегодня останавливаться на большой природоохранной и просветительской деятельности Института, что делал в ежегодных отчетах.

Кадры. Позиция дирекции – постоянный свободный приток новых кадров. В 2002 году было 46 стажеров и аспирантов, в 2001 – 50, в 2002 – 45, в 2003 – 44. В основном молодые специалисты приходят из ДВГУ и, отчасти, Дальрыбвтуза. Тесное взаимодействие с ДВГУ и улучшение подготовки студентов я считал одной из важнейших задач, поэтому в 1999–2002 годах был руководителем научной компоненты НОЦ ДВГУ «Фундаментальные исследования морской биоты», с 1999 года по мере сил работаю директором Академии экологии, морской биологии и биотехнологии ДВГУ. Сейчас 4 кафедры АЭМББТ ДВГУ – базовые для ИБМ, при них работают лаборатории НОЦ, в ДВГУ создана лаборатория исследования геномов морских организмов, заново построена морская биологическая станция ДВГУ с нормальными условиями для проведения практики студентов, лучшие студенты заканчивают университет с публикациями в полноценных журналах, в образовательном процессе участвуют от 60 до 100 сотрудников ИБМ, заместитель директора член-корр. Адрианов возглавил кафедру зоологии АЭМББТ.

В последние годы аспиранты ИБМ представляют готовые диссертации к защите или даже защищают их в течение обучения в аспирантуре. Однако в аспирантуре ИБМ не создана система послевузовского биологического образования. Сейчас в ИБМ 107 кандидатов и 31 доктор наук. Мне не хватило настойчивости в понуждении к защите докторских диссертаций многих ведущих сотрудников Института, а многих докторов наук – к активному участию в подготовке кадров, в результате медленно растет число профессоров. С 1999 по 2003 год защищены 29 кандидатских и 9 докторских диссертаций.

В эти годы мы потеряли академиков Алексея Викторовича Жирмунского и Олега Григорьевича Кусакина – это невосполнимая потеря. Установлены мемориальные доски в память о них, созданы мемориальные кабинеты, опубликованы 2 книги об А.В. Жирмунском, готовится книга об О.Г. Кусакине. В 2005 г. предполагается присвоение институту имени Жирмунского.

О том, что называется *материально-технической базой* Института. Пока не удается изменить неудовлетворительную ситуацию на БС «Радуга», надеюсь на изменения в этом году. Биостанции «Сокол» помогла «политика открытых дверей», я вижу в ней возможность сохранения и развития станции. МБС «Восток» остается главной полевой базой Института. Ее удается поддерживать в сносном для работы и жизни состоянии, но надо найти средства для ее капитального обновления – это старая нерешенная проблема. Началось строительство БС «Запад», в этом году будет новый корпус, что даст возможность работать в заливе Восток лабораториям, которые уже много лет назад лишились «Старка».

В последние годы были найдены средства для капитального ремонта «Насонова» и «Внимательного», и они еще долго будут работать. Дирекция должна больше внимания уделить водолазной группе и расширить ее. Аквариальная служба в дополнение к имеющимся обязанностям будет занята проектированием новой аквариальной и контролем за ее строительством.

Оборудование и прочее. Началось, хотя и в недостаточном объеме, бюджетное финансирование статьи по оборудованию, возобновила работу комиссия по оборудованию. В последние годы Институт стал приобретать расходные и другие материалы для лабораторий, снова понадобился и заработал отдел снабжения. Удалось создать ЦКП «Дальневосточный центр электронной микроскопии» и приобрести для него 2 микроскопа. Есть надежда приобрести новый трансмиссионный микроскоп. Приобретены компьютеры, хроматографическое

оборудование, океанологические зонды, цифровые камеры. Но: неудовлетворительна картина со спектрофотометрами, оптическими микроскопами, водолазным снаряжением, гидробиологическим оборудованием и т.п. Выход – в повышении объема финансирования Института, для чего необходима «борьба» сотрудников и дирекции за новые гранты, программы, договоры.

Информатизация. Думаю, что в целом дирекция уделяет достаточно внимания и библиотечным делам, и информационным, однако затянулось завершение локальной сети Института, не хватает лицензионных программ.

Считаю, что эксплуатационная и ремонтная службы, а также АУП работали в наших условиях вполне удовлетворительно.

Все это имеет смысл, если в результате сотрудники Института активно публикуются в высокопрофессиональных журналах и издательствах и их работы находят отклик у мирового читателя.

Политика дирекции в отношении публикаций сотрудников заключается в стимулировании повышения доли статей в международных журналах: в 1999–2000 годах она составила 0,23, в 2001–2003 годах – 0,31–0,34. Возрастает доля статей в SCI журналах. Но эти доли неудовлетворительны, они должны быть значительно больше, для чего необходимо повышение уровня исследований и подачи результатов, лучшая языковая подготовка сотрудников, а также увеличение штата переводчиков.

Для развития фундаментальных исследований необходима эффективная *международная деятельность* дирекции Института. Дирекция заключает договоры о сотрудничестве с международными организациями, сотрудники Института, в особенности молодые, активно участвуют в международных конференциях, Институт проводит международные совещания, но в целом дирекции и заведующим лабораториями еще не удалось создать атмосферу, понуждающую всех сотрудников к постоянному слежению за мировой литературой, к совместным исследованиям с зарубежными коллегами. Многие сотрудники по-прежнему не владеют разговорным и письменным английским языком. В Институте сейчас нет иностранных стажеров и приглашенных специалистов.

Нельзя быть удовлетворенным состоянием *прикладных исследований.* Здесь необходима более активная позиция и дирекции, и сотрудников, чьи результаты могут иметь практический выход. В отчетный период в Институте, в частности, разработаны методы компьютерного районирования дальневосточных акваторий, проект

центра марикультуры и новые способы выращивания гидробионтов, биоиндикации загрязнения морской среды, способы лечения больных остеоартрозом и псориазом и др. Однако большинство новых проектов и способов не реализуются на практике, следовательно, время и силы сотрудников тратятся впустую. Если описание нового вида может быть востребовано и через много лет, то прикладные работы должны давать скорую отдачу, включая экономическую. Дирекция мало помогает сотрудникам в продвижении их прикладных работ, а реальную помощь оказать очень трудно.

Завершая, скажу о положительных явлениях в жизни Института, которым я способствовал в меру сил в отчетный период:

– увеличение количества морских экспедиций (экспедиции по китовой тематике, по Туманганскому проекту, по динамике морских экосистем);
– выход на общероссийский уровень в руководстве проектами ФЦП «Мировой океан»;
– включение ДВГМЗ во всемирную сеть биосферных заповедников, появление новых кордонов на островах;
– возобновление силами Института работы государственного морского заказника «Залив Восток»;
– начало проектирования второй очереди строительства Института;
– регулярное проведение на базе Института международных рабочих совещаний;
– увеличение общего объема финансирования Института в 3 раза (в 1999 году он составил 25 млн руб., в 2003 – 78 млн руб.);
– возрастание средней заработной платы с 1700 руб. в 1999 году до 4800 руб. в 2003, а с учетом внебазового финансирования – до 6300 руб.;
– создание ЦКП «Дальневосточный центр электронной микроскопии».

В.Л. Касьянов

СУТКИ В ГРОЗНОМ

Поезд Адлер–Минводы.

Минводы. Дальше не идет. Состав из нескольких вагонов, на одном красный флаг, на другом – трехцветный. Российские части. С бородами и без, с автоматами. На Моздок один поезд в сутки по справке, но три электрички. По вагонам ходит милиция.

Моздок. Все вываливаются на площадь. Всем на Грозный. Старый РАФик с треснувшими стеклами, дребезжащий – по 25 тысяч рублей до Грозного. По дороге сломались на полчаса–час; равнина, синие сухие цветки, желтая трава. В низине сакля у воды, вдали горы. Дорога перегорожена блоками, останавливали несколько раз. «Возвращаетесь?» – благожелательно, документы только у водителя проверяли. Автобусы из Моздока, забитые людьми, – в Грозный.

Долгие заводские пригороды. Промышленные предприятия разрушены, без стекол, со следами снарядов, бомб. Въезд в город, где была война. Все говорят: «до войны», «после войны».

РАФик – до базара. Огромный южный базар, магазинов почти нет, всё на базаре, масса тех же китайских товаров, сникерсов, лекарств разных, хлеба. Приходят хлебные машины – бегут к ним, набирают очень много.

Начальник культуры Грозного Султан Хусаинович Гадаев. Гадаев сказал: сгорели все библиотеки, осталось очень мало книг. Его управление в детском садике во дворе администрации. Один стол, один стул, одно кресло и детские стульчики и шкафчики с детскими наклейками. Детсады не работают, детей боятся здесь оставлять. Здесь же отдел статистики, перед входом в администрацию чеченская милиция с оружием, обыскивают. Гадаев из Урус-Мартана, позвал бы ночевать к себе, но много родни из Грозного там живет, негде спать. Потом, по его словам, родственники его ругали, что не пригласил к себе.

Вся центральная часть города разрушена, больше, чем в Ленинграде после войны, – как в Сталинграде. Фронтовой город, многоэтажные здания: висят балки, глазницы окон, полдома, горы строительного и бытового мусора. Много восстанавливают, некоторые места расчищены, строители из разных городов.

Вокзал совсем новый, все было снесено выше окон, восстанавливали в основном женщины – проводницы и т.д. Начальница пассажирских перевозок, чеченка, думала, куда меня устроить по просьбе Гадаева. Устроили в дежурной справочного бюро, занесли туда скамью и заперли: комендантский час. Транспортная милиция, с автоматами, подчиненная Ростову: чеченец – студент 4 курса истфака университета, старший, и русский. Сначала работали, потом по домам сидели, поездов нет, бои идут. Учебников в университете нет, только лекции записывают. Кофе с ними, инспектором угрозыска и дежурной по вокзалу. Угрозыск с пистолетом в джинсовом костюме кого-то проверял, меня задерживает, обыскивает: «руки подними». Потом, после кофе: «извини, пожалуйста, что обыскал». Разговор о политике, о войне: «Да не хотим мы о ней говорить, надоело, и все они надоели; если что, буду голосовать за Хасбулатова, он себя не проявил еще, он хоть умный. Ты тут вечером по перрону не гуляй, комендантский час». Дежурная по вокзалу: «Отец ни за что не разрешил бы мне дежурить ночью, думает, я в справочном, но здесь платят больше».

Ночью вокзал вымирает. На площади рынок: все для дороги, еда – шашлыки и пельмени по-чеченски. Днем на вокзале есть молодые чеченцы, хромые или без ноги. Чисто: старик чеченец ругает за грязь по-чеченски и по-русски.

С 27 сентября каждый день поезд Москва–Грозный, новый и чистый, идет очень медленно. Укрепточки русских, оборванные провода, сброшенные шпалы и т.д. Русская проводница: «До сих пор убивают солдат, на днях на пустынной дороге зарезали двоих. Правильно, что бомбили Грозный, только надо было и горы бомбить. Пусть бы и они, и мы погибли. Они над нами издевались, из домов выселяли». В купе Грозный–Москва русские женщины до Минвод: «Вы сколько были в Грозном? Сутки? Хорошо. А мы все время были». В поезде обратном в Минводы – раненный в прошлую субботу, был на демонстрации, осколок в плечо.

Надпись на разрушенном здании: «Я жив Рустам. И мой дом и все впоряде. Но могу обидедся и тогда ┼». На двери: «Здесь живут люди. Стучите». На щите в городе: «Аллах Акбар» и дальше по-чеченски.

В Москве связался с ученым секретарем НИИ книги Главпечати.

Октябрь 1995 года

ИЗ ПИСЕМ И ТЕЛЕГРАММ

За годы нашего общения Володя написал мне сотни писем. Они содержат своеобразные отчеты о работе и повседневных делах. Я привожу здесь краткие выдержки, позволяющие представить его стиль и темп жизни.

21.09.1971. В пятницу-субботу академики приезжают (проверка). Я, чувствую, овладивосточился. Протек потолок, пишу под звон капель. На улице не каплет. Солнце. Был шторм, а сейчас загляденье (из окна). Был на «Востоке», греб на лодке в майке – такая жара. Вечером в полушубке мерз – такая холодина. Жирмунский хвалил тебя за очень хороший отчет о работе. Говорит – другим в пример будет ставить. Он сказал, что в следующем году поедем на Монерон.

3.03.1972. Поздравляю тебя в «междугородный» день 8 марта. У меня все хорошо. Завтра начинаются лекции. Это хуже. Сейчас здесь много снега, а сопки похожи на головы лысеющих мужчин с прической ежиком.

Апрель 1972. Простудился, глотаю антибиотики и биотики, и проходит. И половина лекций уже проходит. Почти все время занят чтением П.П. Иванова и других классиков. Делаю из этого винегрет по своему вкусу. Личной жизни нет. Даже в кино почти не бываю.

Август 1972. Я в Южно-Сахалинске. Во Владивостоке был два дня (после «Востока»), бегал с бумагами для Сахалина. Беседовал с людьми, писал рецензии, представил книгу О.М. Ивановой для издания. Буду в этом городе дня 2-3 (в библиотеке, СахТИНРО) и проедусь по побережью Южного Сахалина в поисках морского ушка. Потом буду ждать судна, чтобы пойти на Монерон.

31.10.1972. Я осел в городе (не осёл, вроде). Лекции чту. На Сахалин съездил хорошо. У меня настроение портится, если я за год куда-нибудь не съезжу – не считая «Востока» и Запада. Не испортилось!

10.12.1972. Сегодня туман. Когда идешь из города на Первую речку через сопку, где телецентр, то домов почти не видно, людей нет. Призрачно. В начале декабря был на «Востоке» – в тулупе, ушанке, рукавицах. Ходил в бахилах по камням между Прибойной и нашей бухтами и ногами выковыривал ежей и моллюсков. Отлова не было. Около станции плавают льдины, в море чисто. На станции ветер, очень сильный – то сугробы, то голая земля. Интересно.

6.04.1973. В мае стану зав. лаб. эмбриологии (объявлен конкурс). Заботит и немного пугает это скоропостижное повышение. В мае институтская конференция – надо докладать. С мая начинается «Восток», и я там

буду зам. начальника экспедиции по научной работе. В работе буду скатываться на позиции голого натурализма, что кажется мне теперь привлекательным. Как красиво на «Востоке»! По льду в Волчанец ходил. Материала уйма, надо к маю обработать. Здесь на удивление много посторонних дел на работе. Сейчас вот организую лекции для стажеров по биологии.

17.7.1973. Живу, в общем, хорошо. Жара, в общем, хорошая. Учусь нырять. Пока в воде мелкие достижения. В области эмбриологии учусь делать тотальные препараты личинок звезд. Все сам. Как стал завлабом, все сам делаю – и посуду мою, и очень доволен. Решил описать развитие патирии. Опускаюсь в прошлый век, и интересно не менее, чем при погружении в море. «Восток» теперь, надо сказать, неузнаваем. Я теперь имею отдельный кабинетик для работы и отдельную комнату для спанья – больше я там и не бываю, только вот письмо пишу. В следующем году будет аквариальная, в этом – жилой зимний дом, и я надеюсь и зимой бывать здесь чаще.

19.9.1973. Ох, опять приехал в город. Полтора месяца сидел на «Востоке». А здесь гости, суета, бумаги. Странное сочетание. Завтра прокручусь и уеду снова. Врос в «Восток» – там я как дома. Электричество теперь круглосуточно – такая радость. Хожу с бородой, для солидности (вернее, взрослости). Раньше мне, пожалуй, нравилось выглядеть моложе, теперь – нет. Занимаюсь развитием звезд.

3.2.1977. Думаю, что скоро смогу поехать в Москву и Ленинград. В Ленинграде надо получить обложку второго номера «Биологии моря». Я спросил у АВ[1]: «Что вы хотите, чтобы я сделал в Москве?» Говорит: «Привезите жену». Это еще до того, как я сказал, зачем хочу ехать. Очень много дел, идет подготовка к отчету. В лаборатории еженедельно подгоняю каждого. Разделался с завалами по журналу. Уже вышел первый номер «Биологии моря» с новой обложкой. Потом все расскажу.

30.4.1977. Прибыл в Чистоводное. Добирался поездом, автобусами и грузовиком. Здесь река Вангоу (Кривая теперь), ущелье, скалы голые и лес. Бабочки летают и расцветает багульник. Лежу на гальке и смотрю на воду. Красиво и немного холодно. Солнце жаркое. Ветер. Заснул на берегу. Разбудил кто-то, сказал, что извиняется, но мне, наверное, тоже интересно посмотреть на того зверька. Посмотрел – норка или ласка. Красивая, рядом сидела.

2.5.1977. Сегодня дождливо. Я в печали, что нельзя загорать. Кончаю Сартра. Он медленно читается, потому что о себе думаешь. Еще читаю книгу для «молодых родителей», думаю про Колю и про будущее. Впереди еще книги три и, главное, наведение порядка в голове, потому что теперь и тактику, и стратегию надо менять и на работе, и дома.

---
[1] А.В. Жирмунский.

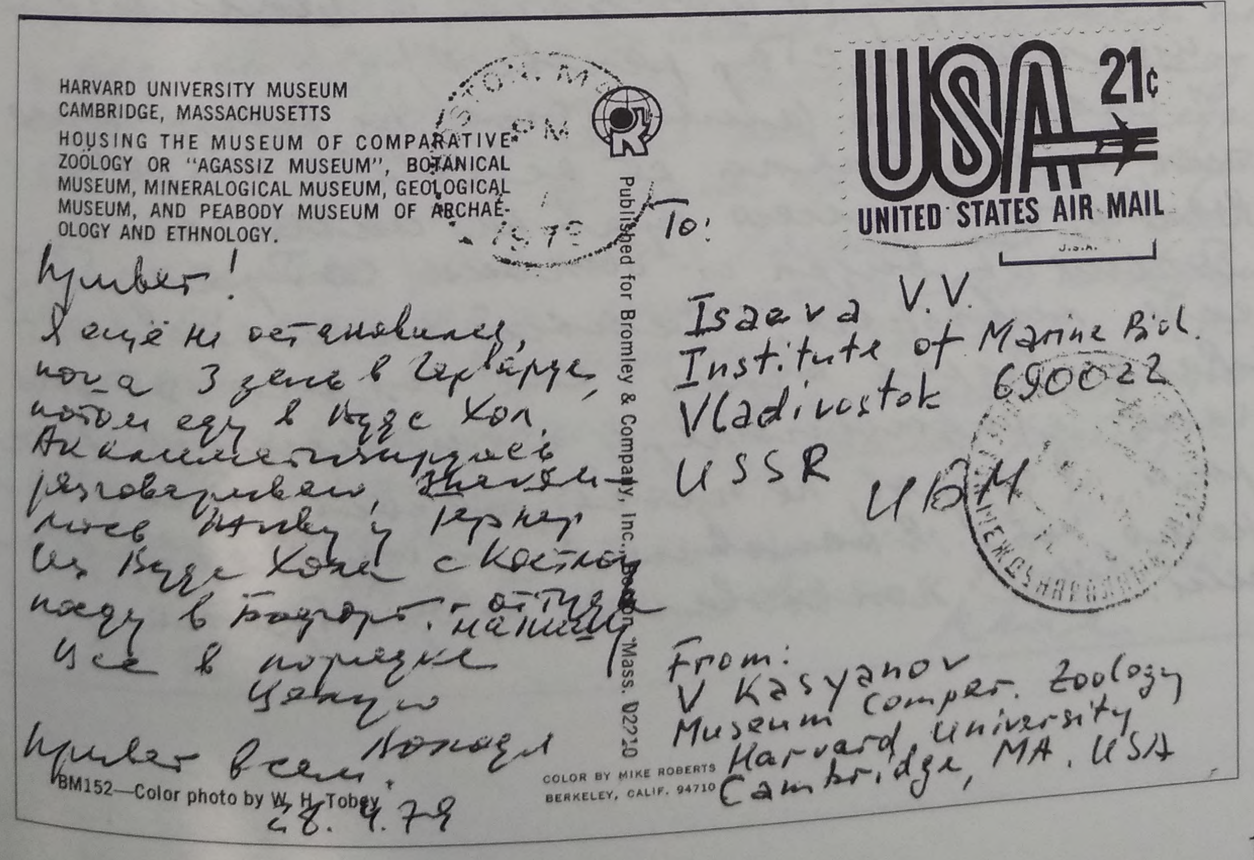
Скоро займусь этим, в отрешении приду к решению. Я теперь и муж, и отец, и замдир – един в трех новых лицах.

4.5.1977. Спать стал меньше и стал ходить окрест. Цветет багульник. Бурундуки. Думаю. Надо читать и писать статьи, а на станции пока бывать меньше. И надо докторскую делать. С Колей чаще бывать, заняться азбукой. Я хотел бы разобраться в экономике и организации производства и переложить на этот язык репродуктивную биологию. Потом посоветуюсь с тобой. Все время думаю о тебе, о Коле. Я хочу, чтобы у тебя всегда было хорошее настроение (не как погода, а как климат). Я отдохнул немного и, кажется, вернулся в состояние легко улыбающегося.

17.12.1977. Получил от тебя письмо. Коля просит передать, что он веселый, что хорошо вел себя. Я занят договором. Читаю и правлю тексты. Был на бюро крайкома – утверждали заместителем. С утра обычно в институте кручусь, потом иду за Колей, едим, занимаемся и спать. Коля ведет себя хорошо. Даже очень. Называет меня иногда не папой, а «дорогим моим Володечкой» и спрашивает, что ты сейчас делаешь.

20.11.1978. Спасибо тебе за письмо. Конечно, у нас все хорошо должно быть – и хотим, и будет. Живет у нас Егор – большой, толстый и красивый парниша. Ест и спит, но скоро, по-моему, закричит и уйдет. Пытаюсь заниматься. То получается, то нет. Азбукой не успеваю с Колей заниматься. Зато читаю и гуляю с ним. Будь здорова во всех отношениях. И спокойно работай.

23.4.1979. = Вылетаю вторник утром Вашингтон сплошная гонка...

HARVARD UNIVERSITY MUSEUM
CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS
HOUSING THE MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY OR "AGASSIZ MUSEUM", BOTANICAL MUSEUM, MINERALOGICAL MUSEUM, GEOLOGICAL MUSEUM, AND PEABODY MUSEUM OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY.

Привет!

Published for Bromley & Company, Inc., Boston, Mass. 02210

USA 21¢
UNITED STATES AIR MAIL

To:
Isaeva V.V.
Institute of Marine Biol.
Vladivostok 690022
USSR
ИБМ

From:
V Kasyanov
Compar. Zoology Museum
Harvard University
Cambridge, MA. USA

BM152—Color photo by W. H. Tobey

COLOR BY MIKE ROBERTS
BERKELEY, CALIF. 94710

28. 4. 79

Здравствуйте, дорогие!

Мы пришли в Вунгтау и отсюда завтра утром караваном судов пойдем из моря в реку в Хошимин. Поэтому появилась возможность отправить письмо. На судне дефицит конвертов. Прошла почти половина рейса, и мы закончили работать в Сиамском заливе. Только вышли из него, обогнули мыс Камау и сразу стало болтать. Такой зимний муссон. Вот сегодня утром под качку драили скребками палубу — субботник перед съездом. 8 февраля встречали вьетнамский новый год. Был концерт, наша лаборатория показывала новые моды (вроде того, что было на „Востоке"), всем понравилось. Ещё мне пришлось заниматься стенгазетой — назначили редактором. В этой должности я ещё ни разу не бывал. Так как рисовать не умею, пришлось писать стихи и сатиру (о шопинге и шеллинге — шеллинг — сбор раковин).

В Сиамском заливе тоже не всегда было тихо, и мы бегали от острова к острову. Жалею, что не имею прав на акваланг — больше бы видел и больше собрал бы себе животных. Самый находчивый — Вася. Здесь жарко. Как только отключают кондиционеры, становишься мокрым. Я здоров, не простужаюсь, облез, конечно, хотя в основном сижу в лаборатории. Уже пользовался штормтрапом.

Я взял на себя текущую работу — вскрываю всех иглокожих (включая мини), по гонадам фиксирую. И во-вторых, обрабатываю весь планктон кроме моллюсков. Мы берём его в каждой новой точке. Здесь на судне 12 вьетнамцев, один из них знает иглокожих, поэтому страшная проблема с их определением разрешена.

Работы много, иногда устаю, тогда хожу или нырять, если есть возможность, или в сауну, или просто лежу в каюте. Уже все (и я) привыкли к тропикам, к странам, к обслуживанию на судне и первые восторги прошли. Из Хошимина я с небольшой группой (в том числе Радашевский и Христофорова) едем на Меконг и сплавляемся по нему к морю — на 2,5 дня, будем брать планктон в устье Меконга и собирать материал в манграх, потом возвращаемся на судно, и судно уходит снова в Вунгтау и оттуда на острове Кондао. На Спратли — в центр моря не пойдём, не та погода. После Кондао — Нячанг — Сингапур — Владивосток.

Я очень часто думаю о Вас и надеюсь, что у Вас всё хорошо — не болеете, в хорошем настроении. Конечно, во Владивостоке холодно. Газет здесь, конечно, нет. Иногда передают „Маяк", а чаще слышна программа „Родина" — для тех, кто уехал из России или из СССР. И ещё программа для граждан СССР, находящихся за границей. [illegible] сообщили, что экспертная комиссия меня пропустила и об этом было сообщено по судовому радио, к моему смущению.

Привет Ане от всех наших.

Целую Вас и обнимаю

Папа

11.2.86.

6.5.1979. Наконец я в Бофорте. В предыдущие дни жутко устал – от перелетов, переездов, разговоров, бесконечных приемов, попыток находить слова. В Ленинграде срочно заканчивал перевод текста доклада. В Москве бегал с чемоданами и оформлением. Летел через Ньюфаундленд – там снежная метель. Из Вашингтона на другой день летел в Бостон. В Гарвардском университете тоже беседы. Показали, как со сканом работать. И приемы опять. Я был все это время как дохлый генерал на свадьбе. В середине пребывания в Бостоне – на один день поездом в Милфорд, там лучшая лаборатория по аквакультуре – очень полезно. Потом мчусь автобусом в Вудс Хол. Опять приемы, беседы и мои доклады. Ужасно боюсь и делаю. По размножению получилось неплохо. После этого самолетом опять в Бостон, в Вашингтон, опять доклад делал. И теперь Бофорт. Завтра окончательный выбор объекта и темы. Видимо, буду работать с мечехвостом. Опять было два приема. И кругом иностранная речь. Теперь главное – начал работать.

12.5.1979. Получил назад два своих письма – не в том месте писал обратный адрес, а они не смотрят *To*: или *From*: Разозлился ужасно. Пришел в себя после жуткой усталости после перелетов и переездов, отоспался. Сегодня ночью пойду на лодке за икрой мечехвостов. Потом буду их культивировать и смотреть развитие гонад и влияние димилина на развитие. Все интересно, сложно и непривычно. Читаю в библиотеке – хорошая библиотека. Еще плохо понимаю беглую речь, ищу слова – нахожу. То дождь, то солнце. Обгорел на солнце. Письмо сумбурное, потому что сидел, работал – сказали, что пришли письма, от тебя и два моих. Я и побежал снова писать. Вообще все хорошо. Впереди еще мои доклады здесь. В Вудс Холе и Вашингтоне прочел лекции. Ничего. Жутко дрожал и готовился перед первой. Потом даже шутил. Сколько бесед и приемов было во всех городах – жуть! Теперь нормальная жизнь пошла, хотя и очень американская.

13.5.1979. Сегодня воскресенье, тихий день, работы меньше. Ходил на моторной лодке на остров, граничащий с океаном. Остров дикий, когда-то там был Бофорт, и от него остались одичавшие лошади, коровы, козы и овцы – два века они там живут без людей. Дюны, белые стволы деревьев на берегу и следы на песке. Когда прилив стал максимальным, мы с фонарями ходили по берегу и искали мечехвостов. Они подошли почти к самой кромке воды. Самка (она больше самца) делает в песке ямку и откладывает туда икринки, и самец тут же. Около пар мечехвостов мы ставили деревянные палки в песок, потом разожгли костер и ждали отлива. Когда вода спала, снова ходили по берегу и собирали икру – разгребали песок руками. А кругом – совершенная ночь, полнолуние. Разместили икру в камерах часа в три ночи. Развивается. Начал фиксировать. Все время приходится придумывать что-то, чего никогда раньше не делал. Думаю я, конечно, о работе, но и о доме тоже – как сделать, чтоб было все время хорошо. Здесь заботятся о релаксации и умеют вести себя так, чтобы отдыхать.

И нам надо. Очень часто сидят на полу и передвигаются по нему ползком – ковры кругом. Ноги на столе, действительно, обычная картинка. Правда, ботинки чистые. Громко смеются и приветствуют друг друга много раз на дню.

31.5.1979. У меня сейчас тихая жизнь – хотя вчера сделал короткое замыкание и думал, что пожар будет. Здесь был большой прием по случаю окончания международных курсов по морской биологии. Мне пришлось надеть галстук и сидеть за главным столом. Через 17 дней уезжать буду. Из Нью-Йорка вылечу вечером в Москву. Теперь составлено мое расписание – знаю, когда куда еду. Постараюсь побольше фотографировать.

5.6.1979. У меня все в порядке. Это место, если у тебя нет машины, только для работы – я и занимаюсь ею. Много дождей. Мало солнца, поэтому, к сожалению, не загораю и не купаюсь. Общаюсь с очень небольшим кругом людей – времени нет, уже заякорился. А вообще здесь много разных людей, из разных стран. Завтра суббота, и опять будут возить по разным приемам. Каждый день семинары. Я рассказывал об Институте – кажется, неплохо. Во вторник буду говорить о размножении. Работа с мечехвостом и димилином идет.

17.6.1979. Стал получать письма. Иногда они идут меньше 10 дней, иногда 20 дней. Сегодня заканчиваю опыт с мечехвостом – все хорошо. Поставлю еще повторный. Хорошо работать руками и заниматься своей работой. Стало жарко, дышать нечем, но в лаборатории кондиционирование, все личинки живут. Я сейчас, в общем, в хорошей форме. Привык к здешней жизни, к английскому языку и американским людям. В комнате живу один – можно отдыхать. В лаборатории затишье – студенты сдают зачеты, а новые приедут 10 июня, гостей мало. Ходить пешком здесь трудно – кто-нибудь встречает и везет. Они ходят и много бегают только для здоровья. Здесь, конечно, хорошо, но уже домой хочется.

20.6.1979. Уже совсем скоро уезжаю отсюда. Рано утром во вторник улечу в Сиэтл. Начинаю сворачивать свои дела – перевожу фиксации в спирт, отправляю оттиски и т.д. Вчера был в гостях у одного здешнего сотрудника. Его жена – китаянка, пришлось вести беседы о Китае–СССР, «культурной революции» и пр. Здесь приходится иногда говорить на совершенно неожиданные темы. Чувствую себя уже наполовину в воздухе – видимо, как птицы перед полетом: некоторое беспокойство и готовность лететь.

22.6.1979. Вчера вечером, наконец, добрался до Вашингтона. Сегодня был в посольстве и получил сразу 4 письма от тебя, а в Бофорте долго ничего не было. Очень рад. Все очень хорошо. Только то ли во Фрайди-Харбор, то ли в Сиэтле забыли погрузить в самолет мой чемодан.

Надеюсь, что пришлют до моего отлета (послезавтра в Нью-Йорк – Москву). Ничего, теперь уже обратный путь. У меня был очень спокойный хороший период работы в Бофорте. Я ее почти закончил, слава богу. А потом опять пошли приемы и доделки. На сканирующем микроскопе целый день смотрел личинки мечехвостов. Потом превратился опять в перелетную лягушку: Сиэтл – Фрайди-Харбор (во Фрайди-Харбор маленький самолетик летит над островами). Там рассказал об Институте, немного о работе, поводили по отливу, по лаборатории, опять прием. Такой красивый остров и маленький старый городок с чудаками, сбежавшими от цивилизации на край страны. И на следующее утро опять перелет (с потерей чемодана). В голове ералаш, а кругом Америка. Джинсы порвал о юкку (вроде пальмы), пришлось покупать, чтобы явиться в посольство. И в Сиэтле при проверке на оружие забыл бумажник, вернулся, а полиция не дает: Кто я? Русский? Паспорт? – Пожалуйста – а я должен покинуть США 6 июня 1979 года. Вот как оказалось. Ошибка, конечно. В конце концов, все ОК.

16.8.1979. Сижу на станции. Готовлю приезд иностранцев и иногородних участников симпозиума. Конечно, масса дел, особенно психологических. Один день сидел в Находке – АВ сделал председателем, надо было организовать переводы. Вчера иностранцы первый день были на станции. Все прошло нормально. Устроили экскурсии для русских и иностранцев. Показали всю станцию. Общение, купание. Аквариальная начала работать. У нас в лаборатории все выкрашено, чисто, уютно. Есть новые аквариумы с циркуляцией морской воды. Я хожу в темных очках – что-то не проходит конъюктивит, да здесь и не полечишься. Пытаюсь высыпаться. Вообще надоело мне крутиться для других. Я бы из завлабов с удовольствием ушел.

24.8.1979. Вместо Хабаровска сижу во Владивостоке – лечу глаз. Коле передай, что сегодня на станции Вторая речка в вагонах сидели настоящие медведи: их привезли откуда-то, и они ждали, когда за ними машины приедут – в цирк везти.

7.1.1980. Я здесь [в Ленинграде] третий день. Езжу к отцу в больницу утром и вечером – кормить, шевелить. Сейчас он тяжелый по состоянию (после инсульта), но легкий по послушности. Говорил с его лечащим врачом. Хороший врач. Договорились 10 января взять его домой. У него такое состояние, что лекарства уже не очень действуют. Скорее домашние стены помогут. Надеюсь, пока я здесь, его в какой-то мере восстановить.

11.1.1980. Перевезли отца из больницы домой. Эти дни ездил к нему утром и вечером, много времени уходило на езду. Смотрел папины старые бумаги. Дед мой родился в 1870 и умер в марте 1943 (я его хорошо помню!), бабушка в 1870 и прожила до 1939. Дед с маминой стороны

(о нем я вообще не знал) родился в 1880, умер в 1921. Бабушка – 1881–1939. Еще узнал, что дядя мой с отцовской стороны погиб в 1941 году. А отец, оказывается, кончил какие-то педагогические курсы и был руководителем районной пионерской организации в Белоруссии (еще до флота).

17.7.1980. На «Востоке» были сильные дожди несколько дней, все промокло, вода стала желтой и пресной, и «рыбки заплывали в окна» (Маркес, «Сто лет одиночества»). Возился с личинками звезд. Переделываю последнюю главу книги. Дописал черновик статьи по мечехвосту. Скоро займусь подготовкой сообщения в Грецию. Провел совет станции, был семинар лаборатории, еще «восточные рассказы» и всякие посторонние дела. Полно гостей и бесед.

11.9.1980. Как знаешь, в Грецию не поехал – не пустили всю делегацию. Зато имею мощные знания по Древней Греции и химерам млекопитающих. Я не огорчен. Буду в Москве несколько дней и вернусь в Ленинград. Отец в неважном состоянии. Ничего страшного нет, но очень слаб и беспомощен, почти не ходит. Занимался книжкой. Обложка и цветные картинки получились хорошие. Я доволен и редактор тоже.

6.4.1981. В Артеме долго ждали на летном поле – пролили керосин, и самолет перетаскивали на чистое место. Пока ждали, смотрел в небо – там парашютисты спускались на четырехугольных парашютах. Их разворачивало ветром почти параллельно земле. В Братске собрал несколько шишек сибирской сосны у аэропорта. Теперь сижу целыми днями в библиотеках. В Ленинграде много старых людей, все больше с каждым приездом. Улицы неухожены. В последней «Цитологии» вышла твоя статья.

10.4.1981. Читаю про ультраструктуру половых клеток. Пытаюсь разобраться, как идет оогенез при личиночном развитии и при отсутствии личинки. Читать о репродуктивной стратегии – то, что я собирался здесь делать. Прочел много статей.

17.6.1981. Впервые после того, как стал заместителем директора, начал вести хронометраж – ищу резервы времени. Ищу потому, что написал заявку на сдачу в январе книги по личинкам. Читаю о личинках двустворок. Хотя много работы, в том числе рисовальной – надеюсь успеть. И в институте дела – работа на хлебозаводе, партсобрание, микротомы пришли. В первый день после приезда пошел в институт за бумагами по шоссе – и вдруг на меня и потом на землю падает молодой воробей – машина сбила. Я поднял, подержал, и он умер. Похоронил его.

27.7.1981. Пока в город не еду. Читаю, пишу, веду свой кондуит-хронометраж. На прошлой неделе выполнил свой план – 4,5 часа в день на свою работу. В эту неделю надо сделать 5 часов. Сижу приклеенный

к рабочему месту и общаюсь минимально. По двустворкам начерно закончил, теперь пишу о звездах. Светские развлечения – лабораторный чай, дни рождения. Скоро будет День моря. Ты включена в отряд на уборку картошки. Совхоз начнется в конце августа.

1.8.1981. Я сижу на «Востоке». Подряд все события вчера и сегодня – солнечное затмение, проверочная комиссия, День моря, рейсы «Биолога» и «Атны». В общем, суматоха, от которой я несколько устал. Но сегодня комиссия уедет и День моря закончится. Я по-прежнему веду учет своих расходов времени и втянулся в работу отчасти благодаря этому. Немного купаюсь. Народу в лаборатории очень много, чаи, гости, но работают, пожалуй, больше прежнего. Пытаюсь не только читать и писать, но и смотреть личинок – чтобы лучше понимать, о чем пишу.

11.4.1982. У нас все в порядке. Коля ходит в школу. Сходил в магазин за хлебом – пришел гордый, сказал: «Это первый хлеб в моей жизни, купленный мною». В общем, идеальный ребенок. Посмотрели с ним фильм про шпионов. Сегодня пойдем в парикмахерскую, стричь его. С книгой медленно идет. Опять пошли заседания. Был лабораторный семинар.

17.6.1982. Я очень доволен витязьскими днями и отдохнул. В городе жарко, красиво, южно. У меня начинаются разъезды. В пятницу утром еду на «Восток», заказал по рации животных. Хочу сделать два вида до отъезда. В понедельник вечером собираюсь вернуться в город, во вторник быть в городе – сделать все дела, поговорить с АВ, собраться и в среду утром улететь на Камчатку. АВ даст список дел, которые там надо сделать. В Петропавловске буду четверг и пятницу, а потом, если получится, на выходные полечу смотреть «Радугу» – стационар на озере Азабачьем. Потом опять в Петропавловск и Владивосток. Сейчас хочу поехать на «Восток», чтобы не проворонить нерест спизулы.

28.7.1982. Смотрю плодовитость и половой диморфизм у ежей. У серых ежей теперь отличаю самцов от самок (вне нереста), у черных ежей тоже. В воскресенье будет День моря. С 5 августа начинается совхоз. Собираюсь ехать. После совхоза снова поеду на «Восток», чтобы поскорее доделать виды с поздним летним размножением. Невнятно пишу, потому что в лаборатории все время разговаривают и со мной пытаются поговорить. В прошлое воскресенье купался в Прибойной.

22.3.1983. У нас все в порядке. С сегодняшнего дня день будет длиннее ночи. Коля писал контрольные – две четверки, одна пятерка. Он в хорошем настроении, поет песенки, смотрит телевизор, хорошо ест. Снял с него свитер, завтра поменяю шапку – уже тепло. Шубку снимать не хочет. Пусть. Ждет каникул. Вчера купили с ним огурцов и апельсинов. Отдал на машинку текст по гребешку. Займусь обзором по двустворкам. Приехал АВ, и каждый день заседания.

1.4.1983. Мы возвратились с «Востока». На «Востоке» ходили в Прибойную бухту и в устье, ездили в Гайдамак и Южно-Морской. Было бюро крайкома по марикультуре, Жирмунского ругали, к сожалению. Погода – солнце, ветер и туман.

13.6.1983. У меня все хорошо. С мидией все успел сделать. Поэтому вернулся к амурской звезде. Считаю плодовитость. Читаю о звездах. Готовлюсь к докладу во Львове. На станции был четырехчасовой совет – страна Советов. Снова приехал в город. Надо получать разрешение на отлов трепанга, гребешка и мидии на «Востоке».

11.10.1983. Сижу на совете по защитам. Разные работы по ихтиологии. Сидеть надо. Холодно. Проводив тебя в аэропорту, поехали с Колей домой, а на следующий день забрались на сопку за троллейбусным кольцом, потом поехали в кино. Проверяю у него уроки вечером, а делает он их днем сам. Закончил статью по ежам, буду писать годовой лабораторный отчет и смотреть препараты. Купил новый атлас мира. Коли на совете нет, поэтому привет от него не передаю.

18.10.1983. У нас все хорошо. Ходили в воскресенье с Колей на Седанкинское водохранилище и в кино. 15 октября ходили к АВ поздравлять его с днем рождения. Написал лабораторный отчет и план отдела на следующую пятилетку. И почти каждый день заседание. В институте холодно. Совхоз закончился, теперь гонят на овощебазу.

4.7.1984. Получил твои письма из Москвы, я пишу уже четвертое. У меня тоже непривычная жизнь без Вас – пустой дом. Я говорю Егору: «Я пошел», но он молчит. Доделываю статью по гаметам двустворчатых моллюсков. Выполняю свой план. Мне кажется, ты не отдыхаешь – судя по письмам. Постарайся снять напряжение. Реши, что это надо сделать, и не думай о статьях. Столько всего другого вокруг. И Колю надо расшевелить, ходить с ним по музеям, показывать город. В Лесных Далях можно купаться, есть ягоды. Ты ведь первый раз в Москве и Ленинграде в отпуске, а не в командировке. А статьи и книги нас до смерти сопровождать будут, если не омаразмеем. И ведь напишешь очередную статью – опять недоволен. Из-за ощущения массы несделанного стал постоянно недовольным собой. Превращаюсь в муравья какого-то. Хочу отдыхать. Может быть, возьму отпуск и буду спокойно сидеть дома и писать статьи, а если солнце – загорать и купаться.

18.7.1984. Рад, что Вам обоим хорошо в Ленинграде. Отдыхайте! Все-таки «Ах, лето...» Всю неделю на «Востоке» занимался статьей об энергетических затратах звезд на размножение, сегодня отдал на машинку. Оказалось много статистики. План не совсем выполняю, но работаю, как могу. Теперь надо разобраться в ультраструктуре гонад голотурий, потом бросить все недоделки и заняться наброском главы о личинках. На станции не отвлекаюсь на домашние дела, но там другие

отвлечения – разговоры. В лаборатории бываю мало (я в отпуске!), сижу в домике, кому надо, сами приходят. Немного купаюсь, немного загораю. Перед самым отъездом был изумительный ночной дождь – стеной, с бесконечными молниями, такими яркими, что вся станция видна. На небе был большой скандал. Приехал сюда на «Волге» с АВ. Егор сначала был явно доволен, но теперь хмур – подрался с местным котом и не победил его. Озабоченно смотрит в окна и дверную щель.

26.7.1984. На «Востоке» отключили свет – авария на линии. У многих пропала работа. Еду готовят на костре. Я привожу в порядок свои тетради, думаю, смотрю в окно на залив. Стал читать рассказы Семенова – очень хорошо пишет. И спокойствие пришло. Пишу раздел о внутренней структуре гонад иглокожих, разбираюсь со своими электронограммами. Надеюсь завтра с этим разделаться и перейти к новой литературе – о генетических последствиях различных типов развития. В аквариальной делают электростимулятор нереста – как на «Витязе». Скоро День моря, с балетом.

30.7.1984. Вчера приехал в город. Был дождь. Сегодня солнце и парилка. Пошел в институт и спекся от дел и людей. Дел полно, все разные, я уже отвык на станции слушать всех обо всем и решать. Пытаюсь разобраться в генетике в связи с х-хромосомой. Завтра поеду на станцию. Одно из развлечений на станции – катаюсь на велосипеде иногда, в Прибойную или в Среднюю. Егор ходит только вдоль соседних домов. Его бьет рыжий кот, и Егор после драк задумывается и иногда хромает.

7.8.1984. Здравствуй, Коля! На «Востоке» был День моря. Я играл старуху в сказке о старике, старухе и золотой мидии. Сначала со старухой были всякие неприятности, она многого требовала от старика, а потом поела мидий, помолодела и стала петь песни. Егор тоже участвовал в празднике. Был устроен зоопарк, Егор был там старшим научным сотрудником. Ест он мало, гуляет, иногда заходит в домики на берегу, и к Алексею Викторовичу тоже.

23.9.1984. Приеду из совхоза во вторник или среду. Живем здесь нормально. Я здоров. Болит немного поясница, но за ночь проходит. Работают все хорошо. Один день я работал на току, а в основном на рядках картошки. Очень растительная жизнь и здоровая. Новостей мало. Читать не успеваю.

17.10.1984. У нас все хорошо. Подписался на пятитомную «Молекулярную биологию клетки». С 22 октября в отпуске. Сижу дома зашторенный и зашоренный, занимаюсь. Иногда бываю в институте. Коля передает привет, скучает по тебе. Будь здорова и в хорошем настроении – для этого есть все основания.

Валенька, поздравляю с Новым Годом! Будь здоровой и веселой. Умом твоим я всегда горжусь. И ты для меня очень дорогой человек.

Целую.

Володя.

Дорогой Колик! Поздравляю тебя с днем рождения! Dear sir.

Добрым будь
И умным будь
И про веселье не забудь.
Смелым будь,
Старательным,
К общим, замечательным.

Keep smile!

Do your best!

Sincerely yours

Папа

Поздравительные открытки 1985 года: новогодняя и с днем рождения Коли

23.8.1985. Надеюсь приехать к Вам на «Витязь» автобусом в понедельник. Занимался расклейкой фотографий для приложения к диссертации. Ксерокс не работает. Да еще заседания идут. После возвращения с Вами домой придется снова ехать на «Восток» – АВ велел там быть в связи с визитом академика Бреховских. На станции еще будет два лабораторных семинара и беседа о клеточной культуре. Все равно хорошо, что взял отпуск – чувствую себя свободнее, в вольном режиме.

21.9.1985. Здравствуй, Колик! Я в Ленинграде. Скоро буду делать доклад. Здесь довольно холодно. Хожу в плаще и надвинутой на глаза кепке – как агент. Кругом продают мороженое, и я, теряя солидность, его покупаю и ем. На конверте изображен памятник Лаперузу в Петропавловске. Я эти конверты там купил. Петропавловск был последней землей, где видели Лаперуза. Потом он отправился на юг, и в районе острова Бугенвиль (около Новой Гвинеи) его убили туземцы. Я о Лаперузе читал потому, что его экспедиция открыла остров Монерон, где я был.

2.10.1985. Доклад на кафедре сделал неплохо. Можно было и лучше – я сначала просто волновался и суетился между висящими картинками и слайдами. Потом перешел на картинки. В общем, одна гора с плеч. Было довольно много народу. Главное, что Ольга Михайловна Иванова похвалила, сказала, что это вполне докторская диссертация и что я насытил понятие «репродуктивная стратегия» содержанием. Теперь полечу в Симферополь и еду в Севастополь.

9.10.1985. Сижу на вокзале перед отъездом. Сделал доклад в Институте биологии южных морей со слайдами. Кажется, неплохо, но большинству слушавших то, что я говорил, было далеко. Вопросов, впрочем,

было много. Дело сделал. Съездил на Карадагскую биологическую станцию. Мне очень понравилось играть с дельфином через стекло в аквариуме. Он подплывает, похрюкивает и вертит головой, и я делаю то же самое. Еще там живут тюлени – я их рыбой кормил.

16.1.1986. Пришли в Сингапур. Идем на стоянку на рейде. Завтра будем в самом городе ходить, а сегодня помполит собирает письма. Так что Сингапура я еще не видел. Проходили сильный шторм, особенно сильный был 4 января. Потом стал слабее, но штормило до самого Сингапура. Все падало. Разбилось пианино в кают-компаниии и множество более мелких вещей. Теперь потерь нет, все крепим по-штормовому. Даже ящики стола завязывали, не говоря о микроскопах. И для всех банок пришлось делать специальные держатели. Поэтому работы было мало – судно не останавливалось, нельзя было дрейфовать. Но брали планктон. Столько чудес! Полно диковин. Учимся работать с лебедкой, с откидным мостиком и с парусящей на ветру сетью. Нормально. По-моему, больше всех работаем мы и биохимики (тоже с планктоном). К нам, эмбриологам, капитан и команда хорошо относятся как к новичкам – поощряют интерес к тропикам. Стараюсь читать зоологию. Доволен, что взял литературу. Иначе был бы как слепой, и так (даже с литературой) – подслеповатый. Здоров. Пока почти не загорел. Что-то мало солнца, да и времени. Сейчас просчитываю суточную станцию. Как всегда, много разных дел – наладить рисование, зарядить пленку и т.д. В Сингапуре будем три дня ходить тройками, каждый день разными. Я старший тройки. Потом идем четыре дня в Нячанг, берем там вьетнамцев и идем в Сиамский залив. С 25 января будем там, в разных точках стоять на якоре. Там будет основная работа. Я скучаю без Вас, и мне неловко, что я столько вижу, а Вы – нет.

26.1.1986. = Вышли из Нячанга Сиамский залив много работы тчк под водой очень красиво...

12.10.1986. После Вашего отъезда поехал на другой день в Ленинград. Сижу в библиотеках (БАН и ЗИН). Синдром достижения цели после защиты проходит – я всю дорогу в Ленинград (днем в поезде) думал, что делать с книгой, и завелся – так что цель опять появилась, и настроение стало лучше. В БАНе с удовольствием выяснил, откуда названия Крильон и Терней. Сходил на армянское кладбище, сфотографировал могилу Халдаряна, чтобы доделать свою заметку о нем (я тебе рассказывал – это армянский книгопечатник, первый в России). Сейчас сижу в БАНе, читаю о теории игр в биологии. Надеюсь, у Вас все хорошо. «Нет причин для тоски». Я решил с недовольством кончать и быть довольным.

17.12.1986. Езжу в Москве по конторам, был у разных начальников, вожусь с бумагами – своими делами почти не занимаюсь. Купил несколько

книг. В церкви около гостиницы висит объявление: «Соблюдайте благоговейную тишину».

14.8.1987. У нас все в порядке. С Колей ездили на выставку, смотрели космические аппараты. Отдал на перепечатку текст доклада. Гонялся по Москве с делами. Многие в отпусках, придется доделывать после Канады. В библиотеке читаю канадские работы по метаморфозу. В воскресенье поедем с Колей в Ленинград. В среду или четверг возвращаемся, и в пятницу лечу в Монреаль и далее.

4.9.1987. Я прилетел, как ты знаешь. Конечно, поездка была эмоциональная. Все в порядке, нигде не отстал, не заблудился. Шесть самолетов сменил по дорогам туда и обратно. Один я так никогда не ездил в других странах. Потом все тебе и Коле расскажу подробно. Доклад был утром в первый день – к моему страху, естественно. Доклад сделал хорошо после некоторого дрожания в самом начале. Потом собрался и стал читать, как американский диктор, а слайды решил показать в конце – для чтения был нужен свет. Потом много разговаривал, познакомился, с кем хотел, договорился об их приезде к нам. Это все удачно. Был в Виктории, в 6 часах лета от Монреаля. Сегодня поеду в Лесные Дали, возьму Колю на день в Москву. Я застрял здесь до 10 сентября. 9 сентября – актив Академии, и я буду вместо Жирмунского.

23.1.1988. На Дальнем Востоке замело, и самолеты задерживаются. Я ждал сначала, а потом сдал билет, поехал на вокзал и купил себе билет на поезд. Сегодня уезжаю, и приеду 29 января. Неожиданный ход. Беспокоюсь, как Вы. Все же 6 дней не буду получать от Вас известий, а я уже привык волноваться о Вас – хотя надеюсь, что все будет хорошо. Пока поезд будет ехать, надеюсь отдохнуть, подумать, позаниматься. Я стал какой-то беспокойный и пугливый, может быть, от некоторого переутомления в конце года. В поезде отосплюсь и перейду на нормальный режим сна. С книгой работы еще много. В апреле, когда ты поедешь в Москву, возьму отпуск, чтобы больше бывать дома с Колей и заниматься доделками по книге.

24.1.1988. Я в поезде. Проезжаю Урал. За окном классическая зима. Ели, березы. На снегу видны из окна следы людей и зверей. Смотрю в окно, лежу. Думаю, читаю, пишу. Впереди долгий путь до Владивостока, до Вас.

27.1.1988. Уже еду по Читинской области. Забайкальские степи с лесами. Яркое солнце. Лошади с санями. Снега немного, сквозь него рыжая трава видна. А вдали горы. Пытаюсь заниматься. Когда никого нет – получается; когда есть соседи – хуже. Сижу такой важный – что-то пишу. Ученый. Таки так. Ужасаюсь обилию дел впереди.

9.6.1988. Я весь в заботах, делах, бегах. Будто несусь на мотоцикле. Конечно, это из-за книги, да и всех остальных дел. Надо сбавлять скорость

и радоваться жизни. Про дела писать не буду – долго их перечислять. Впереди тоже много дел.

22.6.1988. Пишу Вам на «Комете». По Финскому заливу возвращаюсь из Кронштадта. Я в нем ни разу не был. Уговорил мичмана на пристани пустить меня на один час. И побегал по Кронштадту. Он большой, старинный. И отец там служил.

26.6.1988. Вот я в Москве. Вылетаю в четверг. Ленинградские дела свои я сделал, пожалуй, хорошо. Гонка была. Сходил в Капеллу на концерт американского молодежного симфонического оркестра. Очень доволен. В Москве жара.

4.9.1988. Завтра будет Сингапур, потом – в Москву. Странный для меня рейс. Иду пассажиром, читаю книги, что взял с собой, думаю, смотрю. Сижу в каюте или стою на палубе. 9 сентября должны прийти в Нячанг, и тогда начнется суета. По дороге в Сингапур зашли на нефтяные платформы – там работали с обрастанием. Я не ходил, остался на судне, потом смотрел животных. На семинаре рассказывал об иглокожих. Видел морских змей. Видел пожар на нефтяной платформе.

14.7.1989. После Вашего отъезда отключили всякую воду. Теперь дали холодную, уже благодарен. Егор опечалился, и рефлексы его несколько нарушились. Погода пока – дождь и туманы. В институте сравнительно спокойно. Занимаюсь анализом финансов за I полугодие. Приезжают директор института из Нячанга и председатель ГКНТ из Китая. Вечером смотрю заседания Верховного Совета – удивительное занятие по прежним меркам.

17.7.1989. Вчера, в субботу, был в городе, в Арсеньевском музее – там выставка о репрессиях в Приморье, о лагерях. Фотографии тех мест, где были лагеря – в Моргородке, где мы были, и на Второй речке, там, где сейчас автовокзал. А в главном здании университета, на Суханова, было управление НКВД. Фотографии Мандельштама, Бруно Ясенского – это самые известные из погибших здесь. Увидел письмо в Ленинград, 13 линия, дом 46, кв. 1 – вдове погибшего начальника ВВС, который служил здесь. Купил последние тома Большой Медицинской энциклопедии. Читать по своей работе не успеваю. Сегодня была большая дирекция – итоги финансового полугодия. Никогда бы раньше не подумал, что буду этим заниматься. Егор лежит на полу хрюшкой.

29.7.1989. У меня стандарт – в 8.15 уезжаю на работу, в 6-7 возвращаюсь. Вечером смотрю заседания Верховного Совета и «Время». Егор смотрит тоже, обняв меня. На работе все в разъездах, так что дел поменьше, но только и успеваю разбираться. Насколько на «Востоке» лучше! Завтра День Военно-Морского флота. В заливе стоят корабли. Видел пятна нефти неподалеку, когда проходили на катере. Послал телеграмму об этом в Крайисполком. В институте сейчас живут медузы-

крестовики, будем их изучать. Завтра поеду на «Восток» – проводить совет станции и рассказывать новой группе МАМБовцев.

7.8.1989. У меня все нормально. После тайфуна жарит солнце. В воскресенье загорал. Теперь горю. Тайфун был очень сильный. Во Владивостоке текли потоки. В крае хуже – много домов затопило, 15 человек погибло, железная дорога и шоссе не работали. В институте потекла крыша. На «Востоке» не было света. Я был на «Востоке» через день после дождей – верхний слой воды стал почти пресным. Ежи всплыли – такое опреснение.

8.6.1990. Видел, как Вы сели в автобус в аэропорту, и поехал домой. Егор стал молчалив и удивлен. Я купил томик стихов Мандельштама. Сегодня возвращался домой через овощной, а там финики «дают». Взял.

2.7.1990. Вчера улетели американцы. Вся неделя ушла на них. Кажется, все прошло хорошо. Они хотят с нами сотрудничать. Я устал, конечно, но получил практику в английском – приходилось и переводить, и самому говорить. Почти в каждой лаборатории говорили по-английски, даже те, кто раньше боялся. А сегодня утром пришел «Несмеянов», я с утра был там, благодарил капитана и т.д. Завтра уже ученый совет с отчетами вернувшихся из рейса. Послезавтра в институт приедет министр науки и культуры Австралии. Я надеюсь на передышку дней на пять, чтобы подготовиться к проверочной комиссии и бюро совета по онтогенезу. Сейчас сижу дома, начинается доклад Горбачева. Голова кругом.

14.7.1990. На день съездил на «Восток» перед приездом комиссии. Шел тайфун «Робин». Очень сильный дождь, особенно во Владивостоке и Артеме. В Артеме размыло один мост. Туда мы еще проехали, а на обратном пути пришлось объезжать через Кневичи. Во Владивостоке обе речки и все ручьи стали желтыми реками. И море желтое. Дома в долине Первой речки стоят в воде. В институте залило четвертый этаж башни. Дурни-кровельщики сняли крышу как раз перед тайфуном. Брал на «Восток» Егора, он там поел мяса, травы и подрался дважды за день. Еле затолкал его в суму – он злился на меня после драки, принимая, вероятно, за кота. Сейчас спит на столе.

18.7.1990. Я сейчас весь в проверке. Все идет нормально. Встретили комиссию, расселили, уже прошло три дня. Я сделал два доклада – об институте и о биологии развития морских организмов на Дальнем Востоке. Завтра – лекции. Послезавтра – поездка на о. Попова. Потом – два дня на «Востоке». Сегодня был вертолет, должны были попасть в заповедник, но такой туман, что не видны были бухты и острова, сели на границе заповедника, недалеко от Славянки. Вернувшись в город, сели у института, у входа со стороны моря. Параллельно идет проверка лабораторий и служб. Улетают они 25 июля. Тем временем копятся обычные дела. В лабораторию приехала вьетнамка Ми – тоже

некоторые заботы. В общем, все хорошо, только много. Выдали на работе талоны на вино и водку. Не купил пока. В районе Луговой после тайфуна нет электроэнергии, затопило первые этажи домов. Полевые кухни раздают еду. У нас все нормально. Сходите в Палеонтологический музей.

4.9.1991. Вернулся из однодневной поездки в Ленинград. Теперь буду сидеть в Москве. Было много беготни. Стоит очень хорошая погода. Конечно, зачитываюсь газетами. Приеду, расскажу о Москве и Ленинграде – что осталось от 19–21 августа, что видел.

9.9.1991. В субботу не смог попасть в библиотеку – ее заняли любавичские хасиды, т.е. не заняли, а пришли требовать свои священные тексты, и ГПБ закрыли «по техническим причинам». Я все читаю газеты, перевариваю, но никак не переварю все эти события. Теперь хотя бы меньше новых событий и легче заниматься своими делами. Занят делами «Биологии моря», в основном в связи с деньгами – кругом туман и растерянность у чиновников.

23.3.1993. Я купил билет себе и АВ в Ленинград на субботу. Буду там дня 3-4 и вернусь в Москву. Проходил мимо Белого дома – там как раз были два противоположных сборища. Потом расскажу.

В девяностые годы эпистолярный жанр был вытеснен телеграммами, затем электронными письмами и телефонными разговорами.

ИЗ ЕЖЕДНЕВНИКОВ

Приведу несколько страниц и записей из ежедневников ВЛК, прежде всего 2005 года, лежавшего в его портфеле, переданном мне следователем Хасанского РОВД через полтора года после трагедии. (В этом портфеле, рядом со свитером Володи, находился также электронный будильник, который он обычно брал в поездки. Поразительно – будильник «выжил», продолжает идти и показывает точное время!)

Страницы после 1 октября не заполнены текущими делами, но те, которые ВЛК считал важнейшими в том месяце, уже вписаны: 3 октября – проведение традиционной по понедельникам дирекции, 20 октября – день памяти А.В. Жирмунского, 31 октября – день памяти ушедших из жизни сотрудников ИБМ. И до конца 2005 года помечены дни рождения и юбилейные даты сотрудников лаборатории, института и некоторых коллег из Москвы и Петербурга. Таким всегда было отношение ВЛК к людям.

[illegible]

[illegible] 433710

7 Февраль February

ПОНЕДЕЛЬНИК MONDAY → [illegible]

H/W 6
38-327

09.00 [illegible]

10.00 [illegible] — АРН грант

11.00 [illegible]

12.00 [illegible]

1) [illegible]

13.00 2) [illegible]

3) [illegible]

14.00 4) [illegible] 24.02.

5) [illegible]

6) 2 [illegible]

15.00 7) [illegible]

16.00 8) [illegible]

9) [illegible]

17.00 [illegible]

10) [illegible]

18.00 11) [illegible]

[illegible]

19.00 12) [illegible] – 22.02.

20.00 [illegible]

[illegible]

Важное
Important

13) [illegible]

14) [illegible]

15) [illegible]

16) [illegible]

17) [illegible]

18) [illegible]

19) [illegible]

Февраль February

H W	5	6	7	8	9
пн mo		7	14	21	28
вт tu	1	8	15	22	
ср we	2	9	16	23	
чт th	3	10	17	24	
пт fr	4	11	18	25	
сб sa	5	12	19	26	
вс su	6	13	20	27	

Свежие чучела в реке где утонула и хорошие энтерозои.

Вчера: на лодке по реке.
Рад, Агр, Адрианов, Найденко

H/W 34
239-126

Август August
СУББОТА SATURDAY
27

по Судзухе до II пещеры
договор с ПЗТ. смотрел к Кашбадуева из Кореи

там: кости мел. хищников, сумок, ...

Гурев, Адр, Юшин, Рад, Хр, Майт, ...

H/W 34
240-125

06–13. Вчера – 3 ИВ, 150 м.
Наливы

Август August
ВОСКРЕСЕНЬЕ SUNDAY
28

Адр, Кар, Майд,
Наливы
Гурев, Майт
Рад, Кирзанова
Дзюба, Рад,
Кондрашова, Нагр,
Дзюк, Лизунова,
и домой

През РАН (ПН)
ВБ – машина (2)
Устав, закон!
оплата Кеницы
УКС – океанар.
Ляпунов
Онищенко – ОК

ФРГ уже

Сентябрь September

H	W	35	36	37	38	39
пн	mo		5	12	19	26
вт	tu		6	13	20	27
ср	we		7	14	21	28
чт	th	1	8	15	22	29
пт	fr	2	9	16	23	30
сб	sa	3	10	17	24	
вс	su	4	11	18	25	

Наука – книга ...
доклад у ...
... – бонус

7)
8)

АВГУСТ
AUGUST
Неделя Week 34

3 Октябрь October
ПОНЕДЕЛЬНИК MONDAY

H/W 40
276-89

09.00

10.00

11.00

12.00

H/W 42
293-72

Октябрь October
ЧЕТВЕРГ THURSDAY 20

09.00

10.00

11.00

12.00

31 Октябрь October
ПОНЕДЕЛЬНИК MONDAY

H/W 44
304-61

09.00

10.00

11.00

12.00

13.00

14.00

В ежедневниках прошлых лет среди перечней бесконечных дел встречаются и записи-размышления, предназначенные, разумеется, только для себя.

29 декабря 1989 года, после избрания директором:

29 ДЕКАБРЬ

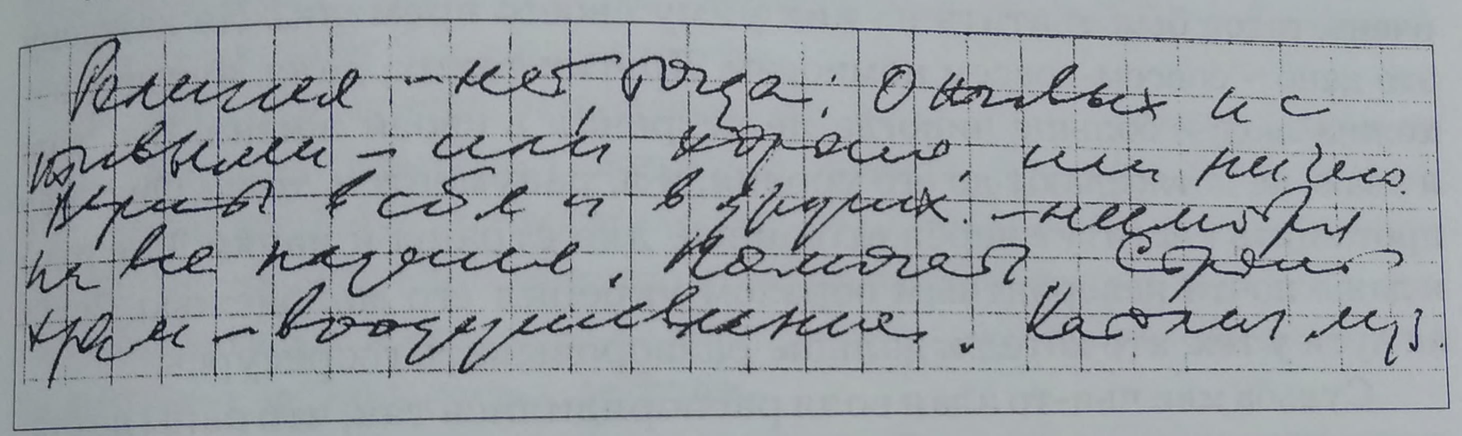
В качестве новогоднего приказа себе: «Поздравляю. Сочувствую. Благодарю!.. Надеюсь. Призываю». Здесь же цитата из Льюиса Кэррола: «Бежать во весь дух, чтобы остаться на месте».

В 1988 году он сравнивал жизненный опыт с экспериментами на центрифуге:

Супернатант другим отдавал,
Горький осадок складывал в душу
И опыт опять и опять начинал.

(Супернатант – прозрачная надосадочная жидкость с растворенными веществами).

1991 год:

Религия – нет, тогда: о живых и с живыми – или хорошо, или ничего. Верить в себя и других – несмотря на все падения. Помогать. Строить храм – воодушевление. Католическая музыка.

Избегая пафосных слов на публике, ВЛК в душе был идеалистом и романтиком.

Н.В. Касьянов

«Я ПРЕДПОЧЕЛ БЫ РАЗБИТЬСЯ ВМЕСТО НЕГО...»

Отец был человеком из чистого золота. Сочетание ума, энергии, настойчивости и при этом удивительной человеческой порядочности и бескорыстия... Умение понимать людей и ценить их. Конечно, каждый человек уникален, но позитивная его пассионарность о-очень большая редкость... В значительной мере это на генетическом уровне закладывается.

Он жил во имя других людей и посвящал им себя, расточал, не жалея. Искренне ценил и любил их – самых разных – хороших и не очень, готов был тратить на них уйму своего времени... Не каждому это дано – совсем-совсем немногим. Других таких, даже чуточку похожих людей больше никогда не встречал в своей жизни. Все, кого я знаю, не дотягивают до его уровня, и я, разумеется, тоже. Он сумел протащить институт через страшные для страны и науки 90-е годы и даже почти невероятным образом укрепил его молодежью. Встал на пути у тех, кто хотел и дальше разворовывать госресурсы...

Судьба или чья-то злая воля распорядились так, что папы не стало намного раньше, чем это могло бы случиться. Слишком заметной и активной фигурой он стал в последние годы... При этом всегда оставался последовательным и однозначным государственником со всеми вытекающими для себя последствиями. Примерно за год до этого при загадочных обстоятельствах погибли начальник охраны Дальневосточного государственного морского заповедника и с ним два омоновца, направлявшиеся на перехват браконьерского судна. Что случилось тогда, так и осталось не выясненным до конца. Отец тоже выходил ночью в море на рейд в заповеднике (втайне от семьи, чтобы не волновать нас). Удивительное бесстрашие, в чем-то даже неблагоразумное. Но это был он – такой. Достаточно вспомнить его поездку в Грозный...

Многие люди, занимавшие должности значительно ниже, чем он, обзавелись за это смутное время престижными личными машинами и коттеджами. Ничего подобного у академика Касьянова никогда не было. Он всегда жил так просто, что иногда даже неловкость возникала перед другими людьми, которые ожидали: «О, академик, член президентского совета по науке и технологиям» и т.д. и т.п. Помню,

---

Прислано по электронной почте. 2006 год.

как гуляли мы несколько лет назад в районе Шаморского перевала, а потом вышли к Богатинскому водохранилищу и пошли к трассе. Даже отец был ошарашен 3–5-этажными коттеджами, построенными там недавно... А потом мы ждали минут 30–40 автобуса (обычного, пригородного), и в нем ехала какая-то университетская сотрудница, которая была поражена: «Как, Владимир Леонидович, вы гуляете и без машины?!» Мы втроем много гуляли в пригородах Владивостока и нередко в довольно диких местах встречали сотрудников ИБМ и других институтов ДВО.

В Москве, когда он уже стал академиком и членом президиума РАН, ему полагалась машина по вызову, но ему нужно было в течение дня успеть по делам во много разных мест, и все водители стонали от казавшегося им невозможным графика его передвижения. Поэтому он обычно отказывался от машины и мотался по всей Москве из конца в конец, выполняя зачастую просто разные просьбы людей. Отпускал машину и ездил на метро...

В 2004 году, спеша выполнить все дела перед возвращением из командировки, перебегая дорогу в районе Ленинского проспекта у президиума РАН и стремительно поднимаясь по придорожному склону, очень серьезно повредил ногу, порвав крупные мышцы, попал в больницу и еще долго ходил на костылях. На костылях прыгал по лестнице, не пользуясь лифтом...

Отец всегда очень интересовался историей и археологией и рассказывал нам, как однажды, когда он приехал в одиночку смотреть одно из городищ в Золотой Долине (под городом Партизанском), где местные жители выращивали картошку, какой-то дедок решил, что ВЛК пришел украсть его картошку и погнался за ним с палкой. ВЛК увернулся и сумел объяснить, что он доктор наук и приехал из Владивостока смотреть старинное городище, а не за какой-то там картошкой. Местный житель совершенно опешил, он не мог представить ничего подобного! Разошлись они, естественно, с миром.

И вот еще. Надо было в последний путь для него костюм приготовить... Костюмов-то было всего два или три. Когда я снял с плечиков один, то посмотрел на всякий случай, не оставил ли он там какие-нибудь документы. В пиджаке оказался недавний билет на электричку «станция Владивосток – станция Чайка». Вот так член совета по науке при президенте РФ ездил по выходным на работу, вместо того чтобы отдыхать. Хотел бы я узнать, есть ли в РФ еще хоть один такой. Хотя, впрочем, не хочу узнавать. И так ясно – нет...

И питался он по принципу «хлеб с маслом – уже хорошо», а в 1992-м – и без масла. В последний его приход в наш московский

дом я наварил картошки и упаковка лосося была из магазина. Купил еще персиков. Он их так любил... В общем, ерундовский «прием» был никакой... А он доволен был, еще и спасибо говорил. Позаботились, дескать, о нем. Эх, ка-ак обидно!!! При этом сам он умудрялся находить какие-то кулинарные изыски в этих новых супермаркетах и готовил вкусный и всегда (!) необычный обед...

С ним обычно передавали уйму посылок и разных передачек своим родственникам и знакомым самые разные люди. Он никогда не отказывал им, всегда старался помочь. При этом сам он не просил других передавать что-то собственным родственникам в Москве и Питере – мы всё отправляли почтой, зная, каково заниматься этим загруженному во всех смыслах командированному. Его нагружали порой совершенно бессовестно, а у человека был радикулит и повышенное давление. Но ему всегда было «не в напряг», он просто не мог иначе – помощь людям была его жизненным кредо. В чем-то он был похож на хорошего священника, который и слово доброе для любого найдет, и поможет, если надо, материально, при том что сам был небогат. Никогда не забывал навестить родственников и знакомых, позвонить им. И люди любили его, хотя и не всегда бескорыстно...

Он с неизменным удовольствием ходил в питерские и московские библиотеки и музеи и показывал их другим, будучи уже крайне занятым человеком и щедро даря свое время. Среди множества его удостоверений и членских билетов сохранился и членский билет общества нумизматов. С 80-х годов его время стала съедать административная работа, времени на хобби практически не оставалось. А вот географические карты и атласы покупал по-прежнему и очень любил путешествовать, практически «дикарем».

Ему было свойственно держать все двери открытыми, он очень не любил замки и запоры – всегда был открыт. Терпеть не мог всякие сейфы: когда ему уже в президиуме хотели в кабинет поставить сейф, он отказывался, говорил, что ему противны такие вещи...

Честно говоря, я бы предпочел тогда там разбиться вместо него – зная, насколько он нужен людям вокруг и как много может сделать для них.

Увы... Нам остается только жить дальше. Нам остается всегда помнить нашего ВЛК и пытаться сохранять хоть какой-то оптимизм даже в самой безнадежной ситуации, как умел это он... Надеюсь, когда-нибудь настанут дни, когда честность и порядочность снова обретут свое значение в обществе.

Rudyard Kipling

IF

If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too;
If you can wait and not be tired by waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
And yet don't look too good, nor talk too wise:

If you can dream – and not make dreams your master;
If you can think – and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
And treat those two impostors just the same;
If you can bear to hear the truth you've spoken
Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to, broken,
And stoop and build'em up with worn-out tools:

If you can make one heap of all your winnings
And risk it on one turn of pitch-and-toss,
And lose, and start again at your beginnings
And never breathe a word about your loss;
If you can force your heart and nerve and sinew
To serve your turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
Except the Will which says to them: "Hold on!"

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings – nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;
If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
And – which is more – you'll be a Man, my son!

Редьярд Киплинг

ЗАПОВЕДЬ

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех.
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех.
Пусть час не пробил, жди не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них.
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив.
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить в радостной надежде
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть, и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, –
Тогда весь мир ты примешь, как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Перевод Михаила Лозинского

Моя глубокая признательность и благодарность авторам фотографий: А. Голубеву, Д. Визгунову, С. Дубовицкому, Л. Макогину, А. Омельяненко, Д. Питруку, В. Тарасову, Ю. Яковлеву. Многие фотографии сделаны в нашей семье или взяты из семейного архива.

Оглавление

Литературно-художественное издание

Валерия Исаева

МОЙ РЕКВИЕМ
ВЛАДИМИРУ КАСЬЯНОВУ

Редактор А.А. Калинин
Художественный редактор Т.Л. Пинчук
Ответственный за выпуск Г.Ф. Низяева

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного В.В. Исаевой и Т.Л. Пинчук

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01.08.2001. Подписано к печати 02.08.2007.
Формат 60x90/16. Усл. п.л. 12,5. Уч. изд. л. 10,9. Тираж 300. Заказ 100.

Дальневосточное отделение Российской академии наук
690950, г. Владивосток, ул. Светланская, 50

Отпечатано в типографии ФГУП «Издательство "Дальнаука" ДВО РАН»
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

